ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО[1]).

Родился я ахтырскаго уѣзда въ селѣ Тростянцѣ отъ дьячка Вознесенской церкви Ивана Антоновича Ярославскаго. Въ дѣтствѣ сказывали мнѣ, что отецъ мой умеръ прежде моего рожденія. Помню, что я жилъ съ матерью своею Маріею Васильевною, рожденною въ городѣ Краснокутскѣ, въ нашемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ чрезъ улицу прямо противъ Вознесенской

[1]) Записки эти сообщены намъ дѣйств. членомъ и секретаремъ харьковскаго статистическаго комитета, П. С. Ефименкомъ, а имъ получены отъ харьковскаго протоіерея, члена того же комитета, о. Н. Лащенкова. Приносимъ имъ обоимъ нашу искреннюю благодарность за доставленіе намъ возможности помѣстить на страницахъ нашего изданія столь интересный историко-бытовый матеріалъ.

Авторъ помѣщаемыхъ записокъ В. И. Ярославскій родился, учился и первоначально служилъ въ харьковской губерніи, отъ того и первыя воспоминанія его посвящены этой мѣстности. Эта часть его записокъ была помѣщена въ „Литературно-научномъ приложеніи къ харьковскому календарю на 1887 г.“; другая, относящаяся къ новороссійскому краю и другимъ мѣстамъ, является здѣсь впервые. Обѣ части имѣютъ однакоый исключительно историко-бытовый характеръ, что зависѣло отъ общественнаго и служебнаго положенія автора. Сынъ сельскаго дьячка, круглый притомъ сирота, онъ едва могъ получить кое-какое образованіе въ бывшемъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ Харьковѣ казенномъ училищѣ, одномъ изъ тѣхъ, которыя явились у насъ подъ разными наименованіями вслѣдъ за учрежденіемъ намѣстничествъ и представляли странную амальгаму самыхъ разнородныхъ познаній. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1797 г., В. И. Ярославскій поступилъ на службу въ харьковское губернское правленіе канцеляристомъ; затѣмъ, считаясь на службѣ при полиціи въ городѣ Сумахъ, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьковской губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора; въ 1806 г. онъ попалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ прослужилъ два года; въ 1808 г. былъ уже въ Херсонѣ губернскимъ архитекторомъ, въ 1817 г. тамъ же совѣтникомъ казенной палаты, въ 1821 г. совѣтникомъ таврическаго губернскаго правленія, откуда перешелъ на такую же должность въ Тулу. Прослуживъ здѣсь пансіона и выйдя въ отставку въ 1833 г., Ярославскій поселился въ Сумахъ, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей, если не ошибаемся въ 60-хъ годахъ.

церкви. Отъ случившагося пожара церковь эта сгорѣла, а съ нею сгорѣлъ и домъ нашъ вмѣстѣ съ сосѣдними домами. Пожаръ былъ такъ силенъ, что мать моя едва успѣла спасти сундукъ на колесахъ съ ея платьемъ.

Послѣ пожара мать моя перешла на житье въ господскій домъ, въ которомъ жилъ какой-то ея родственникъ, престарѣлый человѣкъ

Записки писаны Ярославскимъ по выходѣ изъ службы и являются воспоминаніями изъ его долгой и разнообразной жизни. Въ подлинникѣ они имѣютъ слѣдующее заглавіе: „Тайная исповѣдь о моей жизни и дѣлахъ и о лицахъ, съ которыми я имѣлъ связи и сношенія". Сама по себѣ жизнь В. И. Ярославскаго не представляетъ особаго интереса, кромѣ развѣ частыхъ переходовъ его отъ одного мѣста и дѣла къ другому и того, какъ бѣднякъ, сирота прокладываетъ себѣ дорогу къ образованію и „счастью", т. е. къ положенію лучшему того, какимъ судьба надѣлила его при рожденіи. Иное дѣло его „связи и сношенія". Тутъ въ воспоминаніяхъ Ярославскаго, какъ въ калейдоскопѣ, выступаютъ и смѣняются одни другими лица самыхъ разнообразныхъ званій и положеній отъ дьячка и двороваго человѣка, до министра и вообще государственнаго сановника. И всѣ они являются не въ предвзятыхъ очертаніяхъ и характеристикахъ, но въ естественномъ теченіи жизни, въ служебныхъ и частныхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ мельчайшихъ чертахъ ихъ будничной обстановки и быта. Въ этомъ отношеніи записки Ярославскаго имѣютъ большое сходсво съ помѣщенными у насъ раньше записками новогрудскаго подсудка XVI ст. Ѳеодора Евлашевскаго („Кіев. Стар." 1886 г., январь) и записками новооскольскаго дворянина И. Ѳ. Острожскаго-Лохвицкаго (тамъ же, №№ 2—5 и 10—12). Скудное первоначальное свое образованіе авторъ записокъ въ значительной степени восполнилъ чтеніемъ книгъ, которыя въ изобиліи находилъ въ домахъ богатыхъ помѣщиковъ, и продолжительнымъ пребываніемъ въ кругу образованныхъ людей. Встрѣча его здѣсь съ нѣкоторыми литераторами заохотила его съ юныхъ лѣтъ къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Въ сороковыхъ годахъ В. И. Ярославскій занимался составленіемъ „Историческаго лексикона замѣчательныхъ мужей" и готовился составить руководство по сельской архитектурѣ. Благодаря наблюдательности автора и его разнообразнымъ знакомствамъ и сношеніямъ, мы находимъ въ его запискахъ массу любопытныхъ свѣдѣній о такихъ лицахъ, которыя играли немаловажную роль во внутренней жизни различныхъ мѣстностей, преимущественно харьковскаго и новороссійскаго края, а его спеціальныя занятія архитектурою вводятъ насъ въ малоизвѣстную сферу сельскихъ помѣщичьихъ построекъ и отчасти самаго быта помѣщиковъ. Записки Ярославскаго не блещутъ изяществомъ изложенія, увлекательностію разсказа, живостію и полнотою картинъ, языкъ ихъ даже тяжелый и часто неправильный; но они преимуществуютъ предъ другими подобными памятниками въ точности и разнообразіи передаваемыхъ свѣдѣній. Въ частности то мѣсто ихъ, гдѣ авторъ говоритъ обстоятельно о знакомствѣ своемъ съ извѣстнымъ дѣятелемъ югозападнаго края М. И. Комбурлеемъ, въ значительной степени пополняетъ и исправляетъ тѣ отчасти пристрастныя свѣдѣнія о немъ, которыя содержатся въ запискахъ неизвѣстнаго о т. наз. „волынской революціи", напечатанныхъ въ „Кіев. Старинѣ" за 1884 годъ.

Ред.

съ женою старухою, по фамиліи, помнится, Лозинскій, бывшій прежде управителемъ всего имѣнія Надаржинскихъ и пользовавшійся ихъ уваженіемъ. Но вскорѣ этотъ родственникъ, котораго называли моимъ дѣдушкой, умеръ.

По смерти этого дѣдушки женѣ его вскорѣ отвели другой господскій домъ, въ который и мать моя перешла жить.

Зимой мать моя поѣхала въ Ахтырку на ярмарку, къ родной своей меньшей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, бывшей за мужемъ за дьячкомъ соборной церкви, гдѣ находится чудотворный образъ Богоматери. Этого моего дядю звали Діомидъ Петровичъ; онъ хорошо игралъ на гусляхъ и училъ церковныхъ пѣвчихъ. Тамъ мать моя услышала отъ пріѣзжихъ изъ Краснаго Кута на ярмарку, что мать ея, Дарья Осиповна, опасно больна горячкою; почему поѣхала къ ней, но такъ старательно и неусыпно смотрѣла за больною, что сама заболѣла еще сильнѣйшею горячкою и вскорѣ умерла. Помню, что когда весною получено было въ Тростянцѣ извѣстіе о ея смерти, то я, сидя надъ рѣчкою, горько плакалъ цѣлый день, хотѣлъ самъ умереть, а возвратясь въ домъ, не ѣвши цѣлый день съ горя, легъ спать. Такъ въ печали и частыхъ слезахъ прожилъ я съ бабушкой лѣто; а зимой ее обворовали, послѣ чего вскорѣ и она умерла. И такъ я, бывши пяти или шести лѣтъ, безъ всякой помощи, остался круглымъ сиротою; по этой причинѣ не помню ни дня моего рожденія, ни сколько мнѣ тогда настояще было лѣтъ. Родной братъ моего дѣдушки пріѣхалъ изъ Боромли, забралъ оставшееся движимое имущество и меня взялъ съ собою. Помню, что проѣзжая чрезъ село Радомль, я обѣдалъ за столомъ помѣщика, который былъ какой-то родственникъ этому дѣдушкѣ.

Въ Боромлѣ я жилъ въ самомъ горестномъ положеніи, спалъ всегда подъ коморою: отъ простуды или отъ горя все лѣто былъ боленъ лихорадкою. Бабушка была ко мнѣ не ласкова и какъ будто тяготилась иною, хотя не имѣла собственныхъ дѣтей; она требовала отъ своего мужа, чтобы онъ отвезъ меня обратно въ Тростянецъ и отдалъ какому нибудь родственнику. Этотъ дѣдушка привезъ меня туда въ Спасовку. Проѣзжая по улицамъ

Тростянца, съ горестію смотрѣлъ я на знакомыхъ моего дѣтства. Дѣдушка отдалъ меня какому-то дальнему родственнику, котораго меньшой братъ Мойсей вскорѣ, по его приказанію, отвезъ меня въ Ахтырку къ теткѣ моей Аннѣ Васильевнѣ. Домъ ея мужа былъ въ соборномъ приходѣ, прямо чрезъ улицу противъ большаго двора и длиннаго одноэтажнаго деревяннаго дома графа Подгоричани. Ниже этого дома былъ обширный садъ съ канавами, и я съ своими сверстниками нерѣдко ходилъ туда рвать яблоки. Помню, что я съ толпою народа ходилъ также смотрѣть, какъ отвозили на многихъ экипажахъ умершаго престарѣлаго этого графа, и что люди указывали и говорили: «смотрите, какъ эта молодая жена его горько плачетъ». Она отвезла его съ большою церемонію на погребеніе въ большое его село Пархомовку, которое, какъ послѣ я узналъ, было подарено ему за службу императрицею Елисаветою Петровною.

Мужъ моей тетки Діомидъ Петровичъ, по небреженію и нетрезвой жизни, лишился своего мѣста при соборной церкви и, имѣя одного сына и двухъ дочерей, по бѣдности своей затруднялся въ пропитаніи своего семейства. Хотя въ Ахтыркѣ, кажется, въ Покровской церкви былъ родной старшій братъ моего отца, протопопъ отецъ Иванъ Ярославскій, но, зная его гордость и суровый нравъ, дядя и тетка не смѣли просить его о принятіи меня, а предложили родственнику ихъ дьячку Николаевской церкви, котораго имени не припомню. У него не было дѣтей, и жена его была ко мнѣ весьма милостива. Я прожилъ у нихъ зиму. Помню, что выучивши какую-то виршу, на Рождество я ходилъ съ нимъ Христа славить, вывиршовалъ до 20 копѣекъ и считалъ себя богачемъ.

Передъ масляницей пріѣхалъ на ярмарку второй мужъ моей бабушки, Косма Снѣсаревскій, взялъ меня и привезъ въ Красный Кутъ. Бабушка меня очень любила; она отдала меня учиться дьячку Покровской церкви и какъ онъ далеко жилъ отъ дома бабушки Николаевскаго прихода, то она каждый день покупала для меня вязку бубликовъ, и я, не ходивши домой обѣдать, учился до вечера. Въ ученіи я былъ тупъ, безпонятенъ и мало внимате-

ленъ; помню, что однажды онъ больно меня высѣкъ. Лѣтомъ я хаживалъ по длинной плотинѣ купаться въ рѣкѣ Мерло, гдѣ было много гадинъ, жившихъ между хворостомъ. За рѣкой былъ весьма обширный сосновый лѣсъ, который принадлежалъ прежде къ большой казенной слободѣ Мурафѣ, а потомъ, какъ послѣ я узналъ, былъ подаренъ императрицею графу Подгоричани.

Въ Красномъ Кутѣ я прожилъ лѣто и зиму. Мужъ моей тетки Анны Васильевны, продавши или обмѣнявши свой домъ въ Ахтыркѣ, переѣхалъ на житье богодуховскаго уѣзда въ большое село Писаревку, гдѣ были двѣ деревянныя церкви и при одной онъ заводилъ пѣвчихъ. Зная, что я имѣлъ голосъ дисканта, онъ требовалъ отъ бабушки, чтобъ прислала меня въ Писаревку; по пріѣздѣ туда я и пѣлъ въ одной церкви. Тетушка, царство ей небесное, видя, что житье мое въ Писаревкѣ не послужитъ къ моему счастью, совѣтовала своему мужу лучше отвезть меня въ Харьковъ, гдѣ родной мой дядя, Петръ Антоновичъ Ярославскій, былъ губернскимъ архитекторомъ: онъ, говорила тетушка, можетъ вѣрнѣе устроить его счастіе.

По утру рано, въ самый Покровъ Пресвятыя Богородицы, я былъ имъ привезенъ въ Харьковъ и приведенъ въ домъ Петра Антоновича за Лопанью. Распрося обо мнѣ подробно, онъ велѣлъ оставить меня въ передней комнатѣ, а самъ поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ церковь. Сидя долго одинъ въ комнатѣ, я соскучилъ; когда вышла горничная дѣвушка, то я обрадовался и просилъ ее провести меня отъ собакъ. Выйдя со двора, я старался дойти до каменнаго моста и отыскать на ярмаркѣ близъ Лопани возъ, гдѣ дядя мой остановился съ прочими людьми, пріѣхавшими изъ Писаревки. И какъ онъ тогожъ дня располагалъ выѣхать изъ Харькова, то, выругавши меня за то, что я не остался, отвелъ меня въ бывшее казенное училище, въ родѣ кадетскаго корпуса, и отдалъ меня родному старшему моему брату Ивану Ивановичу. Братъ мой, хотя и негдѣ было помѣстить меня, принялъ меня съ радостью и кормилъ меня приносимою имъ отъ общаго стола пищею; спалъ я съ нимъ на одной кровати до воскресенья. А въ воскресенье

онъ отвелъ меня къ дядѣ Петру Антоновичу, которому при разговорѣ объяснилъ, что объ опредѣленіи меня теперь въ классы нельзя сдѣлать представленія губернатору, но какъ регентъ поѣхалъ по губерніи набирать пѣвчихъ, то по привозѣ оныхъ и я могу быть вмѣстѣ съ ними опредѣленъ. Дядя велѣлъ мнѣ остаться въ его домѣ, но по тѣснотѣ онаго я жилъ въ кухнѣ. Почти каждый день ходилъ я въ классы учиться нотному пѣнію, а въ Рождественскій мясоѣдъ 1789 года совсѣмъ перешелъ въ классы, когда были привезены другіе пѣвчіе. И такъ, переходя отъ многихъ моихъ родственниковъ, которые тяготились содержать меня, наконецъ достигши надежнаго жилища, могущаго образовать меня и открыть мнѣ вѣрную дорогу къ счастію, я совершенно испыталъ на себѣ пословицу: «за сиротою Богъ съ калитою». Теперь вспоминая, сколько въ дѣтствѣ я нуждъ и горестей претерпѣлъ, ясно вижу, что безъ всеблагаго Божія Промысла я не могъ бы перенесть всего и остаться живымъ.

Помню, что передъ масляной 1789 года, въ ужасную мятель, пріѣхалъ въ Харьковъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, проѣздомъ въ Петербургъ, и остановился у губернатора Ѳеодора Ивановича Кишинскаго, который жилъ во дворцѣ, построенномъ еще до 1787 года, ко времени путешествія императрицы Екатерины II на обратномъ пути изъ Крыма; тамъ наши пѣвчіе и музыканты встрѣчали его хоромъ. Теперь въ этомъ дворцѣ помѣщается университетъ. Къ этому дворцу тогда пристроена была обширная деревянная зала въ два этажа; потолокъ ея поддерживался вокругъ внутри всей залы столбами, между которыми находились хоры, а самая зала соединялась съ дворцомъ галлереею. Помню, разсказывали много, что, во время пребыванія въ Харьковѣ императрицы, она угощала въ этой залѣ харьковскихъ дворянъ обѣденнымъ столомъ, сама же находилась на хорахъ и смотрѣла на нихъ. Вѣроятно, въ этой же залѣ она слушала рѣчь, сказанную ей отъ лица всего дворянства бывшимъ тогда губернскимъ предводителемъ дворянства Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ, награжденнымъ при этомъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Всѣ губернскіе чиновники

получили награды, и мой дядя получилъ отъ нея въ подарокъ перстень. Первыя дамы города Харькова подносили ей свои рукодѣлія, и эта милостивая государыня также удостоила ихъ наградъ. Въ 1791 году губернаторъ Кишинскій велѣлъ моему дядѣ устроить въ этой деревянной залѣ театръ, по устроеніи котораго два раза въ недѣлю бывали представленія для увеселенія харьковской публики; а въ 1797 году эта зала при губернаторѣ Тепловѣ разобрана, и съ тѣхъ поръ театральныя представленія въ Харьковѣ вовсе уже не бывали.

Теперь обращаюсь къ разсказу о моемъ пребываніи въ казенномъ училищѣ. По утру я занимался пѣніемъ и только послѣ обѣда могъ заниматься изученіемъ наукъ. Отъ природной наклонности моей къ задумчивости и размышленію я былъ невнимателенъ и непонятливъ, а отъ этого каждая наука стоила мнѣ не малаго труда и времени. Понятіе во мнѣ и разсудокъ поздно открылись; но я всегда твердо помнилъ, что въ моемъ сиротскомъ и бѣдномъ состояніи не на кого мнѣ надѣяться, и отъ того былъ всегда прилеженъ къ наукамъ. Напротивъ того братъ мой Иванъ Ивановичъ имѣлъ отъ природы счастливую память: бывало, прочитаетъ нѣсколько разъ въ вечеру и какъбы ни длиненъ былъ урокъ, изъ французскаго языка или какой науки, онъ и поутру твердо помнилъ его; но за то, не въ осужденіе, а по правдѣ говоря, онъ былъ лѣнивъ къ наукамъ и не кончилъ полнаго ихъ курса; болѣе занимался пѣніемъ, а послѣ игрою на флейтраверсѣ, въ театрѣ, гдѣ каждый разъ платили музыкантамъ; этимъ самымъ и отвлекли его отъ наукъ. Въ 1793 году онъ вышелъ изъ училища, чтобъ быть учителемъ народнаго училища въ Лебединѣ; тамъ онъ вовсе оставилъ французскій языкъ и забылъ его. А я могъ начать учиться этому языку только по потерѣ голоса, въ 1794 году. Помню, что учитель Дмитріевъ, у котораго я учился исторіи и географіи, сказалъ мнѣ: «учись прилежнѣе этому языку; хотя и поздно началъ учиться ему, онъ будетъ тебѣ полезенъ».

Желая отблагодарить теткѣ Аннѣ Васильевнѣ за ея попеченіе о моемъ сиротствѣ, я писалъ, чтобы она прислала въ Харьковъ

своего сына для опредѣленія въ училище. Она сама его привезла, и по просьбѣ моей директоръ Густавъ Борисовичъ Буксгевденъ опредѣлилъ его. Но этому баловню не понравились ни пища, ни строгость содержанія, и онъ вскорѣ тайно ушелъ въ Писаревку. Итакъ, я ничѣмъ не отблагодарилъ теткѣ и доселѣ остаюсь ся и ея матери Дарьи Петровны должникомъ.

Въ 1795 году, по желанію директора училища и по указанію нашего учителя фортификаціи и артиллеріи, Ивана Николаевича Николаева, всѣ казенные воспитанники строили подъ Холодною Горою крѣпость, рыли шанцы для подступленія къ ней. И какъ мы носили мундиры, имѣли тесаки и ружья, и насъ учили военной экзерциціи, а лучшіе изъ учениковъ каждый день ходили къ губернатору на ординарцы, то мы маршировали правильно чрезъ городъ къ Холодной Горѣ для взятія той крѣпости. Многочисленныя толпы гражданъ слѣдовали за нами и присутствовали при взятіи крѣпости до самыхъ сумерокъ. При этомъ случилось однажды такое несчастіе: изъ числа моихъ соучениковъ Степанъ Черпышевъ стоялъ съ банникомъ, а братъ его Борисъ, не сказавъ ему, чтобъ посторонился, выстрѣлилъ изъ пушки, отъ чего Степану опалило лице порохомъ, такъ, что едва чрезъ нѣсколько недѣль уничтожились на лицѣ порошины посредствомъ примазыванія сметаною. Я, стоя во все время близъ пушки и подавая снаряды, оглохъ было также на нѣсколько недѣль.

Не помню, въ этомъ ли годѣ или прежде случилось, что опредѣленный прежде въ училище по повелѣнію губернатора, единственно изъ сожалѣнія, изъ числа взятыхъ въ Липцахъ духоборцевъ мальчикъ, по прозванію Логвинъ, былъ отпущенъ экономомъ на вакаціонное время въ домъ его родственниковъ, въ надеждѣ, что, какъ онъ выучилъ уже катехизисъ, то оставилъ ересь своихъ родителей и непремѣнно возвратится въ училище. Но эта надежда не сбылась: Логвинъ не явился на срокъ; а гораздо послѣ, услыша, что онъ въ острогѣ, нѣкоторые ученики ходили къ нему и упрекали его въ сдѣланной глупости, послѣ того, какъ онъ самъ въ разговорахъ неоднократно издѣвался надъ

своими земляками въ слѣпомъ ихъ заблужденіи. «Что жъ», отвѣчалъ онъ, «я притворствовалъ съ вами; отецъ мой и братъ сосланы за вѣру, и я хочу жить вмѣстѣ съ ними». Вотъ какъ сильно вкоренилось въ невѣжественныхъ умахъ черни суевѣріе и какъ трудно его истребить! И теперь въ таврической губерніи при Молочныхъ Водахъ находятся обширныя селенія духоборцевъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, а хитрѣйшіе между ними и грамотные сами отправляютъ духовныя должности и поддерживаютъ ихъ ересь.

Лѣтомъ 1796 года пріѣхалъ въ Харьковъ вновь назначенный на эту и воронежскую губерніи генералъ-губернаторъ, генералъ-поручикъ, Андрей Яковлевичъ Леванидовъ; съ нимъ пріѣхалъ регентъ Ведель, славный композиторъ, капельмейстеръ Цихе и нѣсколько пѣвчихъ, въ числѣ которыхъ былъ Петръ Турчениновъ (бывшій потомъ въ С.-Петербургѣ протоіереемъ при больницѣ бѣдныхъ на Литейной, сочинитель трехголоснаго пѣнія каноновъ). Господинъ генералъ-губернаторъ захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хотя фашинникомъ и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ[1]). При этомъ я и прочіе старшіе ученики были посылаемы для измѣренія дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ Г. Б. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра, причемъ на мѣсто его былъ опредѣленъ харьковскій уѣздный землемѣръ Николай Даниловичъ Драгомиръ; но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ статьѣ И. А. Устинова: „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія". Харьк. Календ. на 1886 г. стр. 85.—П. Е.

вскорѣ умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ былъ директоромъ Ѳеодоръ Ивановичъ Кудрицкій, бывшій его коадъюторомъ. Въ нижнемъ этажѣ дворца учреждена была чертежная, куда собирались каждый день всѣ уѣздные землемѣры и губернскій архитекторъ; я и еще четыре старшихъ ученика были прикомандированы для помощи въ эту чертежную. Помню, что въ это-то время пріѣхалъ изъ Сумъ купецъ Бочаровъ и просилъ у дяди моего Петра Антоновича планъ на николаевскую церковь; по назначенію дяди я сдѣлалъ на-бѣло планъ, по которому и теперь осталась въ натурѣ та же колокольня, какая была назначена по сдѣланному мною плану.

Г. Леванидовъ надѣялся надолго остаться въ своей должности; но 6 ноября того жъ 96 года скончалась императрица Екатерина, и счастіе его совсѣмъ измѣнилось: сначала былъ уничтоженъ пятитысячный корпусъ стрѣлковъ въ кіевской губерніи, командуемый имъ, а потомъ и его генералъ-губернаторство. Но всему своему несчастію, какъ и по большей части съ людьми случается, онъ самъ былъ причиною. Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и чрезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу и генералъ-губернаторство; а еще большую онъ сдѣлалъ ошибку, что при отъѣздѣ изъ Петербурга не поѣхалъ въ Гатчино проститься съ наслѣдникомъ престола, которому лично могъ бы о всемъ объясниться и просить у него прощенія. Но онъ наплевалъ въ колодезь, изъ котораго самому потомъ приходилось, да не пришлось уже пить воду. Въ то же время на мѣсто губернатора Кишинскаго, бывшаго подъ покровительствомъ князя Потемкина, опредѣленъ въ Харьковъ дѣйств. статскій совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ, нѣкогда путешествовавшій съ наслѣдникомъ престола по Европѣ.

Въ 1797 году генералъ прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ прислалъ этому губернатору высочайшее повелѣніе о составленіи атласа слободско-украинской губерніи съ подробными камеральными, экономическими и статистическими

описаніями всѣхъ городовъ, селъ и деревень съ ихъ заведеніями [1]). Въ отдѣлкѣ этого атласа вмѣстѣ съ землемѣрами участвовалъ и я съ четырьмя моими старшими соучениками.

14-го декабря этого 1797 года я былъ вовсе изъ училища уволенъ и того жъ числа причисленъ въ губернское правленіе съ произведеніемъ канцеляристомъ. По докладу князя Куракина землемѣры пожалованы были двойными чинами, потому что слѣдующіе они заслужили, а я съ своими сотоварищами за участіе въ дѣланіи атласа произведенъ по именному указу 1798 года апрѣля 28-го коллежскимъ регистраторомъ.

Лѣтомъ этого года пріѣзжалъ я въ городъ Сумы съ землемѣромъ Алексѣемъ Михайловичемъ Резановымъ, гдѣ дѣлалъ планъ для построенія зданія полиціи, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи, въ 1835 г., увидѣлъ каменный двухъ-этажный домъ уѣзднаго училища. Здѣсь я часто бывалъ у городничаго Ивана Ѳедоровича Богдановича, который меня полюбилъ и давалъ для прочтенія мнѣ книги. По возвращеніи я былъ прикомандированъ въ канцелярію губернатора Ал. Гр. Тенлова. Этотъ губернаторъ за что-то не поладилъ съ вице-губернаторомъ Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ и, по донесенію послѣдняго о злоупотребленіяхъ казенной палаты, онъ и всѣ члены были удалены отъ должностей. При переводѣ Теплова губернаторомъ въ кіевскую губернію, я получилъ отъ него хорошій аттестатъ, весьма послужившій мнѣ въ пользу при опредѣленіи меня въ 1806 году въ государственный адмиралтейскій департаментъ.

Ив. Ѳед. Богдановичъ [2]) приглашалъ меня письмомъ для обученія его сына Ѳеодора, воспитывавшагося у генеральши Парасковьи Михайловны Штеричевой въ Басахъ, предлагая мнѣ

---

[1]) Объ этомъ атласѣ см. замѣтку въ научномъ отдѣлѣ харьк. календаря на 1886 г., стр. 147.—П. Е.

[2]) Иванъ Ѳедоровичъ Богдановичъ, городничій города Сумъ, былъ родной братъ извѣстнаго стихотворца Ипполита Богдановича. Самъ Иванъ Ѳедоровичъ написалъ и издалъ слѣд. книги: „О воспитаніи юношества“, М. 1807 г., „Слово, похвальное царю Іоанну Васильевичу IV“. М. 1809 г. и „Россійская грамматика въ пользу поляковъ“. Вильно. 1809 г.—П. Е.

жалованья въ годъ по 200 рублей ассигнаціями; на что я весьма охотно согласился, тѣмъ болѣе, что до того времени изъ губернскаго правленія я вовсе его не получалъ. При докладѣ о семъ Н. Д. Драгомира губернатору Петру Ѳедоровичу Сабурову, онъ сказалъ: «зачѣмъ молодому человѣку терять службу?» и далъ предложеніе о переводѣ меня въ сумскую градскую полицію, 1799 года аирѣля 6. Помню, что ѣхалъ я въ Сумы во время половодья съ почталіономъ, которому губернскій почтмейстеръ, по просьбѣ моего дяди Петра Антоновича, велѣлъ привезть меня туда. Въ то время было получено строжайшее именное повелѣніе отнюдь не брать сѣдоковъ почталіонамъ, везущимъ почту, данное по случаю потери почты во владимірской губерніи почталіономъ, который взялъ сѣдока; но у меня тогда и на хлѣбъ не доставало денегъ, а потому безъ сего случая я не могъ бы и пріѣхать въ Сумы. По пріѣздѣ въ Ахтырку, пока почтмейстеръ разбиралъ почту, я пошелъ къ дядѣ отцу протоіерею Ивану Антоновичу Ярославскому; но онъ весьма сухо меня принялъ, между тѣмъ сынъ его Петръ, бывши учителемъ въ Сумахъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, взялъ у меня астролябію и не возвратилъ ее. Также по счастію случилось, что я, пріѣхавши въ Басы на святой недѣлѣ, засталъ еще тамъ Александра Александровича Палицына [1]) съ женою его Авдотьею Александровною. Онъ, узнавши, что я родной племянникъ губернскаго архитектора и занимаюсь архитектурою, просилъ Прасковью Михайловну непремѣнно отпускать меня къ нему въ Поповку каждый мѣсяцъ, на что она и дала ему обѣщаніе. Въ первый мой пріѣздъ я засталъ его сильно страдающаго болью головы отъ геморроидовъ. Слыша тяжкіе и мучитель-

---

[1]) А. А. Палицынъ, съ которымъ авторъ воспоминаній былъ хорошо знакомъ и о которомъ много сообщаетъ, по словамъ В. Н. Каразина, „имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, къ лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частію началами европейскаго быта на Украйнѣ". Украин. Стар. Г. П. Данилевскаго, стр. 129.—П. Е.

ные стоны его, я прослезился. Послѣ, спустя долгое время, жена его Авдотья Александровна припомнила мнѣ, что слезное мое участіе въ болѣзни ея мужа заставило его съ того времени полюбить меня.

Въ то время разсказывали про ужасный случай, происшедшій въ 99 году въ Харьковѣ. Пономарь вознесенской церкви, рано по утру подойдя къ ней для звона къ заутрени, увидѣлъ на дверяхъ приклеенную исписанную бумагу; онъ тотчасъ далъ знать протоіерею отцу Василію Фотіеву, который прежде былъ моимъ учителемъ риторики. Отецъ Василій, прочтя эту бумагу, увидѣлъ, что это пасквиль почти на всѣхъ губернскихъ чиновниковъ (предъ каждымъ присутственнымъ мѣстомъ сказано было: пиши Г., что значило висѣлицу, а тогда, по повелѣнію Государя, вездѣ разставлены были висѣлицы для бѣжавшаго съ ротою за границу какого-то капитана, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ пойманъ, и новѣсить его и солдатъ), и какъ въ немъ былъ расхваленъ Костюшка, предводитель польскаго возмущенія, а управленія государя Павла съ невыгодной стороны описаны, то отецъ Василій и побоялся изорвать эту бранную бумагу, чтобы въ случаѣ отъ кого-либо доноса не имѣть непріятностей, а представилъ ее губернатору Сабурову. Еслибъ губернаторъ исполнилъ именной указъ императрицы Екатерины, повелѣвавшій палачу всѣ подметныя безъименныя письма и пасквили сжечь подъ висѣлицею, то тѣмъ бы это дѣло и кончилось, и другаго пасквиля, достовѣрно, не было бы. Но онъ, отославъ эту бранную бумагу при рапортѣ государю, думалъ показать государю тѣмъ свою подданническую преданность. Она была худо принята, и Сабуровъ въ то же время былъ удаленъ отъ должности. Но этимъ непріятность въ городѣ по предмету пасквиля не кончилась: государь прислалъ генерала Бердяева для строжайшаго изслѣдованія. Разныя лица, на которыхъ падало хоть малѣйшее подозрѣніе, были допрашиваемы; особенно, какъ говорили, пострадалъ при допросахъ невинно отецъ Василій Фотіевъ; Лохвицкій же, изъ семинаристовъ, былъ посланъ въ Сибирь. По замѣчанію многихъ, онъ былъ составителемъ этого пасквиля,

вмѣстѣ съ горбатымъ графомъ Михайломъ Подгоричани, любившимъ надъ всѣми издѣваться; но Лохвицкій, видно, умолчалъ о немъ; самъ же возвращенъ оттуда уже въ царствованіе императора Александра. Говорятъ, что тогда въ Харьковѣ одинъ другого боялись: даже родные опасались посѣщать другъ друга. Въ то же время еще большій на всѣхъ навело ужасъ, когда поручикъ чугуевскаго полка Артюховъ былъ высѣченъ кнутомъ: подумали, что такимъ тѣлеснымъ наказаніемъ дворянская грамота вовсе государемъ уничтожена; но это случилось отъ его ошибки въ подписи конфирмаціи: «быть по сему» противъ того мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе полагается простолюдинамъ, а не тамъ, гдѣ былъ подведенъ законъ, что дворяне освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія. Такъ его боялись, что генералъ-аудиторъ не смѣлъ доложить, какъ слѣдовало исполнить его конфирмацію[1]).

Живя въ Басахъ, въ тѣ годы пріятно было прохаживаться въ городъ Сумы: плотины съ обѣихъ сторонъ осѣнены были вербами, по лугамъ росли цвѣты: ландышъ, незабудка и другіе; рѣка Пселъ текла гораздо шире теперешняго подлѣ города; за нею вовсе не было жилищъ и огорожъ, обратившихъ главное ея теченіе подлѣ пришиба, ни бань надъ Сумкою. Тогда простолюдины были учтивѣе и почтительнѣе нынѣшняго: предъ старшими и сколько-нибудь лучше одѣтыми снимали шапки и кланялись, а молодые люди не ходили такъ, какъ теперь, взявшись за руки и идя сами по сухому пути, а другихъ принуждая идти по грязи или позади себя.

Прасковья Михайловна Штеричева была весьма набожная, основательнаго ума дама и примѣрная хозяйка. По смерти своего мужа генералъ-маіора Штерича, она, уступивъ пасынку своему слѣдуемую ей седмую часть недвижимаго имѣнія въ екатеринославской губерніи за 40,000 рублей ассигнаціями, пріѣхала въ Басы, доставшіеся ей по раздѣлу съ братьями Донецъ-Захаржевскими. Здѣсь, по плану Палицына, построила каменный домъ, существующій и теперь, но только въ запустѣніи.

---

[1]) Объ этихъ событіяхъ см. также „Рус. Старину“ 1876 г., кн. 5.—П. Е.

Въ верхнемъ этажѣ, вмѣсто назначенныхъ по плану комнатъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода она устроила домовую церковь, чтобы крестьяне ея не затруднялись ходить въ городъ для выполненія духовныхъ требъ. Также были построены два каменныхъ флигеля, оранжерея; дворъ огражденъ рѣшеткою и всѣ деревянныя службы на заднемъ дворѣ; заведены близъ дома обширный цвѣтникъ и фруктовый садъ, мѣсто котораго теперь занимаютъ дикія деревья. Во время житья моего въ Басахъ; тамъ жили: наемный священникъ, почтеннѣйшій старикъ, котораго нерѣдко заставалъ я читающаго правило или духовныя бесѣды, изданныя при синодѣ, также регентъ, учившій домашнихъ пѣвчихъ. Парасковья Михайловна непремѣнно каждый день бывала у заутрени, потомъ молилась Богу, выслушивала обѣдню, послѣ которой пила уже чай, а въ вечеру бывала у вечерни, толковала съ священникомъ о разныхъ текстахъ евангелія и посланій апостольскихъ. Нерѣдко заставляла она меня читать Бюффонову натуральную исторію и созерцаніе природы Боннета вообще она любила читать основательныя книги. Послѣ вечерняго чая выходила въ садъ, выслушивала донесенія прикащика и атамана о сдѣланныхъ работахъ и давала имъ приказанія о хозяйственныхъ подѣлкахъ на слѣдующій день. Такимъ строгимъ порядкомъ имѣніе ея было благоустроено; мельницы ея были тогда лучшія въ окрестности; было обширное пчеловодство въ Басахъ и въ Штеповкѣ; въ послѣднюю она ѣздила каждый годъ, и меня съ собою брала, для личнаго ея присутствія при битьѣ пчелъ и осмотра собраннаго хлѣба. Имѣя большія по тогдашнему времени деньги, она давала ихъ въ заемъ Марку Медвѣдеву и другимъ надежнымъ купцамъ, а первому уступила въ городѣ фруктовый садъ, гдѣ теперь находится домъ Псарева. Я строилъ, по плану А. А. Палицына, въ саду, въ видѣ бесѣдки, колоколенку на каменныхъ столбахъ (которая, къ удивленію моему, и теперь еще въ цѣлости существуетъ: вѣроятно отъ того, что въ столбы вставлены были желѣзные штыри, связанные вверху и внизу, а притомъ и кирпичъ для нихъ былъ дѣланъ по кружалу жженный, а не наливной), а также чертилъ на

бѣло планъ, по прожекту А. А., для построенія въ Штеповкѣ пяти-купольной круглой церкви, въ которой каменный главный сводъ между стѣнами сведенъ на 6 саженяхъ. Построеніе этой церкви стоитъ Прасковьѣ Михайловнѣ, вѣроятно, болѣе 40 тысячъ ассигнаціями.

Я училъ въ Басахъ русской грамотѣ и писанію, священной исторіи и ариѳметикѣ не только сына Ивана Ѳедоровича Богдановича, но еще Надежду Андреевну, дочь Андрея Михайловича Донецъ-Захаржевскаго, также сына лѣкаря Грудницкаго, имѣвшаго домъ, аптеку и обширный садъ, гдѣ теперь живетъ уѣздный лѣкарь Бѣлицкій. Лѣтомъ 1801 года Прасковья М. ѣздила въ Константиновку, лежащую близь Хорошевскаго монастыря, къ брату своему Андрею М., и я туда ѣздилъ съ нею. Мы ѣхали чрезъ с. Старое и останавливались у вдовы Кондратьевой, имѣвшей 4 сыновъ и троихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ дочерей. Потомъ были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной, которой мужъ въ царствованіе Екатерины былъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ. Онъ построилъ въ своемъ селѣ Каплуновкѣ (гдѣ находится чудотворный образъ Матери Божіей) огромную пяти-купольную церковь, точно такой величины, какая была построена, по плану придворнаго архитектора англичанина Камерона, въ гор. Софіи близь Царскаго Села; въ этой-то церкви служилъ извѣстный протоіерей отецъ Андрей Самборскій. Сынъ Коновницына Петръ Петровичъ былъ генералъ-маіоръ и жилъ тогда въ отставкѣ; онъ имѣлъ обширную библіотеку, въ которой я спалъ и имѣлъ честь долго съ нимъ бесѣдовать. Онъ отплатилъ визитъ Прасковьѣ Михайловнѣ, пріѣзжалъ въ Басы, и я имѣлъ случай долго бесѣдовать, какъ съ человѣкомъ высшаго образованія. Потомъ онъ опять вступилъ въ службу: въ знаменитую компанію 1812 года при фельдмаршалѣ Кутузовѣ былъ начальникомъ штаба, а послѣ военнымъ министромъ.—При насъ въ Тростянцѣ Настасія Николаевна Надаржинская носила монашеское платье. Помню, что при служеніи большой панихиды надъ гробомъ ея мужа Алексѣя Филиппыча, старшаго Надаржинскаго, гдѣ поставленъ ею былъ въ церковной оградѣ мра-

морный монументъ, она горько плакала. Я, глядя на ея прекрасное и кроткое лицо, подумалъ: «вотъ какъ она горячо любитъ покойнаго своего мужа» и самъ заплакалъ, вспомнивъ, что въ дѣтствѣ моемъ я видывалъ его въ церкви. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ,—безъ осужденія, а по правдѣ сказать,—къ немалому удивленію моему, я видѣлъ ее въ объятіяхъ даже родственника и въ обыкновенномъ платьѣ.—Далѣе ѣхали мы мимо Каменки, владѣнія Надаржинскихъ, гдѣ на высокой горѣ построена по плану А. А. Палицына каменная превосходная церковь, которая видна, ѣдучи даже по дорогѣ изъ Ахтырки въ Богодуховъ; потомъ ѣхали чрезъ Яковъ Рогъ, взятый Настасьею Николаевною въ выдѣлъ ей седьмой части изъ имѣнія Надаржинскихъ; здѣсь построены на Ворсклѣ превосходныя механическія мельницы, поднимаемыя во время полноводья. Ночевали мы въ селѣ Старыя Рябины Варлама Ильича Гаршева, женатаго на дочери бѣловодскаго Савича (ученицѣ учителя Любима Ивановича, жившаго со мною въ Басахъ, а потомъ въ Рябинахъ и тамъ умершаго). Прожили нѣсколько дней въ Старыхъ Водолагахъ, имѣніи генерала Дунина: жена его была родная сестра жены Ан. М. Захаржевской, дочери Норова, бывшаго давно въ Харьковѣ губернаторомъ и владѣвшаго сельцомъ Григоровкою на Холодной горѣ близъ Харькова. Помню, что дочь Дуниной была именинница, подносили за обѣдомъ шампанское для питья за ея здоровье, а я не взялъ бокала, потому что еще вовсе не пилъ ни вина, ни водки. Г. Дунина сказала: какъ можно не пить за здоровье? Вѣрно она почла меня сущимъ невѣжею. Г. Дунина достигла глубокой старости; при похоронахъ ея говорилъ надъ гробомъ слово арх. Филаретъ, какъ видно изъ его сочиненій.—Въ Коистантиновкѣ мы прожили съ мѣсяцъ и возвратились въ Басы почти по той же дорогѣ, на которой намъ уже не случалось ничего особеннаго, кромѣ того, что были въ Никитовкѣ у вдовы Коновницыной.

Вскорѣ но возвращеніи, мнѣ, признаться, какъ молодому человѣку, ищущему большей свободы и извѣстности, наскучило жить по монастырски, и притомъ, чувствуя себѣ цѣну, я все

стремился къ чему-то высшему; поэтому я просилъ уволить меня и Иванъ ѲедоровичъБогдановичъ согласился, такъ какъ оставался еще учитель французскаго языка Любимъ Ивановичъ. Онъ былъ большой мастеръ въ разведеніи хорошихъ дынь и арбузовъ, цвѣты которыхъ иногда толковалъ, указывая мнѣ мужскіе и женскіе роды.

Ѣдучи въ Харьковъ, по внушенію благаго Промысла, я разсудилъ заѣхать въ Поповку, чтобы проститься съ А. А. Палицынымъ. Онъ удержалъ меня на нѣсколько дней, пока жена, предобрая старушка, дошила записную книжку мнѣ на память. Она была ббльшая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назарьевичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ (вѣроятно, въ то время, какъ онъ, Каразинъ, затѣялъ ходатайствовать о признаніи дѣвицы законною дочерью Надаржинскихъ). А. А. Палицынъ спросилъ меня, къ какой должности имѣю я надежду опредѣлиться. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакой вѣрной надежды, а какая мнѣ встрѣтится. Онъ совѣтовалъ мнѣ искать мѣста у стараго его друга Григорія Романовича Шидловскаго [1]) и написалъ къ нему рекомендательное о мнѣ письмо. Шидловскій жилъ въ Мерчикѣ и рѣдко пріѣзжалъ въ Харьковъ. По пріѣздѣ туда я вручилъ ему письмо и объявилъ, что хотѣлъ бы заниматься въ его имѣніи по части архитектуры и землемѣрства, какъ занимался прежде бывшій уѣздный землемѣръ Максимъ Драгомиръ, меньшой братъ губернскаго землемѣра Драгомира. Шидловскій отвѣчалъ, что ему не нуженъ архитекторъ, а нуженъ для меньшаго его сына учитель. Соглашаясь принять и эту должность, я запросилъ въ годъ жалованья 400 руб. ассигнаціями, а онъ давалъ мнѣ 300. Въ другой разъ, пришедши къ нему, я засталъ у него моего дядюшку Петра Антоновича съ планами; видя ласковое его со мною обхожденіе, Шидловскій согласился на запрошенную мною цѣну.

---

[1]) Первый губернскій предводитель дворянства слободско-украинской губерніи.—П. Е.

И такъ, 4 декабря 1801 года, въ день великомученицы Варвары, увидѣлъ я въ Мерчикѣ Варвару Романовну Подгоричани, которую видѣлъ еще въ дѣтствѣ въ Ахтыркѣ рыдающею надъ мертвымъ мужемъ. Она всегда была ко мнѣ ласкова, любила со мною бесѣдовать и распрашивать о жизни Штерничевой и Палицына и о другихъ лицахъ и дѣлахъ. Тамъ засталъ я еще учителя французскаго языка Ивана Филиппыча Вернета, того самаго, который вызванъ былъ въ Россію нашимъ знаменитымъ героемъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ для иностранной корреспонденціи и чтенія ему исторій о славнѣйшихъ герояхъ, древнихъ и новыхъ. Вернетъ имѣлъ необыкновенную память и умѣлъ ее сохранять: бывало, понравится что-либо прочитанное имъ, сейчасъ пойдетъ по нѣсколько разъ разсказывать тѣми же словами встрѣчному и поперечному. Это тотъ самый Вернетъ, о которомъ упоминаетъ архіепископъ Филаретъ въ описаніи харьковской губерніи, что онъ прохаживалъ за нѣсколько верстъ въ городъ Валки для бесѣдъ съ славнымъ протоіереемъ Снѣсаревымъ. Письма Вернета, писанныя къ разнымъ лицамъ, были печатаемы въ харьковскомъ журналѣ, помнится, подъ названіемъ «Молодикъ». Онъ вскорѣ выѣхалъ изъ Мерчика, собравши значительную сумму денегъ, что и мнѣ совѣтовалъ, какъ необходимое средство для спокойнаго житья въ мірѣ [1])... Я написалъ контрактъ съ подрядчикомъ Добрынинымъ, который брался строить каменную церковь въ Пархомовкѣ для графини В. Р. Подгоричани. Сынъ Гр. Р. Шидловскаго Ѳеодоръ почти не умѣлъ по русски читать и писать, не зналъ ни одной молитвы, и мнѣ надобно было пріучать его Богу молиться, что однакожъ онъ безпрекословно всегда исполнялъ; а послѣ того я училъ его священной исторіи, ариѳметикѣ и рисованію.

Вскорѣ поѣхали мы къ Хрущову въ Рясное, куда прежде былъ выписанъ изъ Москвы извѣстный сочинитель и при томъ стихотворецъ маіоръ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Онъ не имѣлъ

---

[1]) И. Ф. Вернетъ участвовалъ въ харьковскомъ журналѣ „Украинскій Вѣстникъ“, издававшемся съ 1816—1818 г. Біографія Вернета помѣщена въ „Современникѣ“ за 1847 г., кн. 1-я.—П. Е.

никакой основательной системы обученія. Все ученіе его состояло для старшихъ двухъ сыновей Александра и Петра только въ чтеніи французскихъ книгъ, любимыхъ имъ, и въ объясненіи ихъ красотъ, а меньшаго сына Константина въ декламированіи рѣчей Гостомысла и Марѳы Посадницы новгородцамъ, чему началъ учить и сына Шидловскаго. Наконецъ, все это ему прискучило; онъ захотѣлъ ѣхать въ Москву, какъ и прежде каждый годъ ѣзжалъ, и требовалъ денегъ. Хрущовъ отказалъ, и между ними произошла ссора. Глинка грозилъ донести правительству объ утѣсненіи Хрущовымъ своихъ крестьянъ работами денно и нощно на винокуренномъ заводѣ, и уѣхалъ къ Палицыну, чтобы отъ него ѣхать чрезъ Сумы въ Москву. Хрущовъ въ смятеніи уговорилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ старшими его сыновьями къ А. А. Палицыну и просить его уговорить Глинку къ возврату въ Рясное, въ чемъ мы и успѣли. Такъ какъ Гр. Р. Шидловскій приказывалъ мнѣ увѣдомлять его обо всемъ, что случится, касательно его сына, то я и увѣдомилъ его не только о способѣ ученія Глинки, но и объ этомъ происшествіи. Григорій Романовичъ по пріѣздѣ въ Славгородокъ велѣлъ намъ туда пріѣхать и пригласилъ А. А. Палицына на назначенное число, который лично подтвердилъ ему справедливость моего донесенія. Тутъ они условились, чтобы для обученія его сына въ Поповкѣ пригласить другаго сочинителя и стихотворца, Евстафія Ивановича Станевича, пріѣхавшаго изъ Петербурга и жившаго тогда въ Низахъ. Послѣ того Григорій Романовичъ прислалъ за нами экипажъ, чтобъ мы ѣхали въ Пархомовку, гдѣ строилась церковь по прожекту моего дяди. Признаться, мнѣ не нравилась фигура купола и его освѣщеніе, и я отважился составить для него особенный планъ и назначилъ внутри церкви хоры. Мысль моя одобрена была Григоріемъ Романовичемъ, а подрядчикъ находилъ мой проэктъ выгоднымъ. Отсюда мы поѣхали въ Мерчикъ, гдѣ я получилъ письмо отъ И. Ѳ. Богдановича, съ извѣстіемъ, что онъ представилъ меня въ губернское правленіе къ награжденію слѣдующимъ чиномъ. По личной просьбѣ моей, Н. Д. Драгомиръ, занимавшійся не только при прежнихъ губернаторахъ, но и при тогдашнемъ, важ-

нѣйшими по губерніи дѣлами, настоялъ на представленіи въ герольдію и меня вмѣстѣ съ прочими. Я былъ произведенъ губернскимъ секретаремъ 31 декабря того-жъ 1802 года. Иванъ Ѳедоровичъ, вызвавъ меня въ Сумы для объявленія мнѣ объ этомъ, сказалъ: «подавай въ отставку, ибо я уже увольняюсь отъ городнической должности». Вотъ какъ въ тѣ годы добрые люди мнѣ благодѣтельствовали, и во всемъ ихъ благодѣяніи я вижу Божескій о мнѣ промыслъ.

Лѣтомъ 1802 года графиня В. Р. Подгоричани поѣхала съ нами въ Поповку къ А. А. Палицыну, заѣхавъ прежде къ П. М. Штеричевой въ Басы. Е. И. Станевичъ, узнавъ, что я учился французскому языку, совѣтовалъ мнѣ заниматься имъ; выписалъ для меня Томаса сочиненія, изъ которыхъ я перевелъ во время житья въ Поповкѣ рѣчь французскому дофину, герцогу Бурбонскому, а потомъ рѣчь Ж. Ж. Руссо о томъ, какая добродѣтель нужнѣе героямъ и какимъ героямъ не доставало этой добродѣтели. Евстафій Ив. каждый разъ поправлялъ мои переводы и указывалъ мои ошибки; я же слова французскія, которыхъ не зналъ, бывало, ходя по лѣсу, стараюсь затвердить, что стоило мнѣ не малого труда, такъ какъ тогда уже мнѣ было около 25 лѣтъ. Чертилъ я также на бѣло прожекты А. А. Палицыну для разныхъ построекъ помѣщикамъ, которые о томъ просили его, и переписалъ на бѣло первый томъ переведеннаго имъ романа «Новой Элоизы» для отсылки книгопродавцу Сопикову, печатавшему этотъ романъ. Евстафій Ив. во время житья въ Поповкѣ успѣлъ перевесть двѣ поэмы стихами: «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опытъ о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послѣднюю онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, хорошо наградившему его при отъѣздѣ въ Петербургъ. А. А. Палицынъ въ это время переводилъ двѣ поэмы, также стихами: «О садахъ» Делиля и «Времена года» Сенъ-Ламберта.

Осенью этого 1802 года пріѣзжалъ въ Харьковъ министръ просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій для обозрѣнія основаннаго тамъ университета. Оттуда онъ ѣхалъ въ свои имѣнія черниговской губерніи; его сопровождалъ Г. Р. Шидловскій, видно,

давно знакомый ему. Въ дорогѣ Шидловскій сказалъ министру, что въ Поповкѣ живетъ старый его сослуживецъ, А. А. Палицынъ, бывшій прп фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ адъютантомъ. Завадовскій, посѣтивъ его въ пустынномъ жилищѣ, обходился съ нимъ совершенно по дружески. Я также удостоился видѣть сего маститаго вельможу временъ Великой Екатерины. Видны были еще на лицѣ его румянецъ и пріятность взоровъ, кротость и ласковость въ обхожденіи.

Каждый годъ ѣзжалъ я съ сыномъ Григорія Романовича къ празднику Свѣтлаго Воскресенія въ Мерчикъ, гдѣ и говѣлъ на страстной недѣлѣ, постничая, не такъ какъ въ Поповкѣ, гдѣ во весь великій и другіе посты мы ѣли скоромную пищу. Е. И. Станевичь неоднократно мнѣ признавался, что хотѣлъ бы оставить скучную для него должность учителя и ѣхать въ Петербургъ, куда зовутъ его пріятели. Зимою пріѣхалъ въ Поповку Григорій Романовичъ проѣздомъ въ Вязьму, гдѣ жила его единственная дочь въ замужествѣ за полковникомъ Ѳ. К. барономъ Корфомъ, предобрымъ человѣкомъ, съ которымъ она часто ссорилась, не умѣя цѣнить благородства его чувствъ. Е. И Станевичь ѣздилъ тогда въ Нѣжинъ къ своей матери. Мнѣ непріятно было, что, будучи здѣсь, Григорій Романовичь вовсе не интересовался знать, хорошо-ли учится его сынъ, а только спросилъ у него, цѣлы-ли золотые часы и цѣпочка, для чего онъ не носитъ ихъ и достаточно-ли у него платья? Когда онъ поѣхалъ отсюда къ П. М. Штеричевой въ Басы, я рѣшился написать ему откровенное письмо, сообщая, что Евстафій Осиповичъ намѣренъ ѣхать въ Петербургъ, что только въ отсутствіи его, по просьбѣ моей, А. А. Палицынъ поправляетъ переводы его сына, самъ-же не учитъ его ничему, что выходитъ не такъ, какъ предполагалъ Григорій Романовичь, говоря, что если хочетъ этотъ юноша что-либо знать, то пусть внимательно слушаетъ наши ученые разговоры и старается ихъ помнить, и что наконецъ я самъ, видя, что лѣта мои уходятъ, также хотѣлъ бы перейти на коронную службу. Григорій Романовичъ съ неудовольствіемъ увѣдомилъ А. А. Палицына о содержаніи моего письма, а этотъ

послѣдній строго выговаривалъ мнѣ за то, что я, не сказавши ему и не показавъ моего письма, отважился послать его. Я оправдывался только тѣмъ, что самъ Григорій Романовичъ приказывалъ мнѣ откровенно ему обо всемъ писать, что будетъ касаться къ его сыну. Такое весьма непріятное для меня происшествіе кончилось однако же благополучно. Возвратясь изъ Вязьмы, Григорій Романовичъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1804 года, прислалъ за нами экипажи, чтобы перевезти насъ къ себѣ въ Мерчикъ, и тутъ-то я, къ удивленію моему, увидѣлъ совсѣмъ противное тому, чего ожидалъ: Евстафій Ивановичъ, цѣлуя меня, радовался, что теперь безъ препятствія можетъ онъ ѣхать въ Петербургъ; Александръ Алексаидровичъ доволенъ былъ счастливою развязкою почти двухлѣтняго у него нашего житья, тѣмъ болѣе, что раньше сего онъ вовсе не зналъ, что Шидловскій будетъ платить ему за наше содержаніе; даже Авдотья А. Палицына обрадовалась, что она не будетъ больше безпокоиться, въ нелегкомъ и дальнемъ житьи отъ города, о пріисканіи для стола съѣстныхъ припасовъ. Я объявилъ Александру Александровичу, что намѣренъ поѣхать въ Полтаву и тамъ искать землемѣрскаго мѣста. Во время пребыванія моего въ Мерчикѣ, случилось, что Н. Н. Надаржинская пріѣхала туда въ то время, когда Шидловскаго цѣлый день не было, а я одинъ только въ домѣ могъ сидѣть съ нею и разговаривать. При разговорѣ она безпрестанно меня спрашивала о нравѣ и поведеніи сына Григорія Романовича и охотно-ли онъ учится. Я, по всегдашней моей откровенности и безхитростной простотѣ, все разказалъ ей по правдѣ. Бывало, я начну разговоръ о ея дѣлахъ и положеніи, а она, не отвѣчая на мои слова, все о томъ же меня спрашиваетъ, или какъ живетъ А. А. Палицынъ и занимался ли онъ ученіемъ сына Григорія Романовича. На другой день, увидя нѣкоторую холодность ко мнѣ Григорія Романовича, я самъ себѣ сказалъ: вотъ какъ хитрыя женщины все вывѣдываютъ, а откровенные люди себя губятъ!

Гр. Р. Шидловскій былъ статный и красивый мужчина средняго роста, подходящаго болѣе къ высокому, ума тонкаго,

изобрѣтательнаго, опытнаго, находчиваго во всѣхъ случавшихся препятствіяхъ и непріятностяхъ; ласковый, обходительный, онъ умѣлъ всякаго привязать къ себѣ. Удивительно, что, бывши самъ богатъ, изъ числа первѣйшихъ помѣщиковъ въ губерніи, онъ женился на Момоновой. Хотя взялъ за нею приданое 800 душъ и имѣніе близъ Терновъ сумскаго уѣзда, но она была простая, вовсе необразованная, невзрачная, необходительная, подслѣповатая, капризная, ворчливая, вовсе не занималась гостьми, всегда одна или съ прислугою сидѣла въ своей спальнѣ, и, нечего грѣха таить, любила пить и умерла отъ водяной болѣзни. Но и дѣти ея во многомъ сходствовали съ ея душевными и тѣлесными недостатками. Старшій сынъ былъ посыланъ въ Ригу на воспитаніе къ какому-то профессору; но возвратился оттуда ни съ чѣмъ. По видимому юноша имѣлъ дарованіе и острую память, но познанія его были очень скудны: онъ могъ въ мысляхъ своихъ помножить нѣсколько чиселъ на три множителя и скажетъ, бывало, ихъ произведеніе; тоже самое и въ дѣленіи могъ сказать, какое изъ нихъ вышло частное число. Учился онъ играть на фортепіанѣ; но когда, бывало, попросимъ его что-либо сыграть, то онъ проиграетъ только тѣ пьесы, которыя выучилъ въ пансіонѣ, а новыхъ никогда и не разыгрывалъ. Видно, не имѣлъ склонности къ музыкѣ, да и ни къ какой наукѣ, ни къ чтенію книгъ и ни къ какому занятію. Любилъ сидѣть одинъ, какъ нелюдимъ, походилъ на пдіота и подверженъ былъ падучей болѣзни, можетъ быть, и отъ невоздержанія отъ хмельныхъ напитковъ, также какъ мать его. Не порадовалъ онъ ничѣмъ отца своего, не вступилъ ни въ какую службу и умеръ, едва достигши совершенныхъ лѣтъ. Дочь Катерина—красивая и похожая на отца, но гордая и своенравная: никто бывало не угодитъ ей, всегда недовольная и бранчивая съ прислугой. Въ жизни она много причинила горя отцу, и даже при смерти.

Гр. Р. Шидловскій былъ въ свое время самый блистательный помѣщикъ губерніи. Въ Старомъ Мерчикѣ онъ выстроилъ каменный огромный двухъ-этажный домъ на высокомъ цоколѣ; внизу помѣщались печи и отъ нихъ нагрѣвались стѣны залы и

гостиной въ два свѣта съ хорами для музыкантовъ. Напротивъ былъ каменный двухъ-этажный флигель для помѣщенія кухни и прислуги. Еще два каменныхъ флигеля, одинъ для пріѣзда гостей, а другой для дворецкаго; на заднемъ дворѣ каменные конюшни и сараи. Въ саду каменный манежъ, бесѣдка, резервуаръ и ротонда въ видѣ круглаго храма въ два этажа со сводами; на верху, бывало, играетъ музыка, а внизу въ прохладѣ отдыхаютъ посѣтители. Всѣ домашнія и садовыя постройки обнесены были каменною оградою. Сверхъ того и на селѣ построены были два каменныхъ двухъ-этажныхъ дома, одинъ для житья священнику, а другой арендатору. Всѣ эти зданія строены были по планамъ А. А. Палицына. Имѣніе Григорія Романовича было благоустроено; крестьянскіе дома всѣ были чисты и обгорожены. Изъ его науки и опытности вышли два замѣчательныхъ человѣка: Хлустинъ и Виталій Сурдина. Первый былъ сначала у брата его Михайла Романовича деньщикомъ, потомъ у него надсмотрщикомъ при постройкахъ въ пріемѣ матеріала. Видя его удивительную разсчетливость, онъ отдалъ ему свои имѣнія на аренду. Условія этой аренды были весьма благодѣтельны для его крестьянъ: арендаторъ вовсе не имѣлъ права касаться къ собственнымъ ихъ землямъ и заставлялъ ихъ работать вмѣсто трехъ дней въ недѣлю, положенныхъ закономъ, только два дня. Онъ долженъ былъ пользоваться собственно принадлежащими помѣщику землями, полями, сѣнокосами, лѣсами, доставляя изъ нихъ условленное количество для дома хлѣба, сѣна и дровъ и платя положенную сумму денегъ. Не было случая, чтобы крестьяне жаловались на арендатора; онъ самъ сдѣлался такъ богатъ, что купилъ себѣ болѣе ста душъ, купивши прежде въ Военной Коллегіи патентъ на чинъ поручика. Другой, Виталій Сурдина, былъ скрипачъ и игралъ тихо, какъ будто подъ сурдиной. Григорій Романовичъ, ѣздя по должностямъ своимъ нерѣдко въ Петербургъ, бралъ съ собою и его. Въ послѣдній разъ Сурдина воспользовался поѣздкою: заплатилъ въ Военной Коллегіи, съ кѣмъ уковорился, 500 рублей. По возвращеніи въ Харьковъ получается на почтѣ патентъ съ надписью на

конвертѣ: капитану Виталію Сурдинѣ. Искали по цѣлому городу другаго Сурдину и не могли найти. По разспросамъ почтмейстеръ узналъ, что у Григорія Романовича есть музыкантъ этой фамиліи, его крестьянинъ, приноситъ патентъ къ Григорію Романовичу и отдаетъ ему. На мѣстѣ Шидловскаго другой могъ бы разорвать этотъ патентъ, тѣмъ бы дѣло и кончилось, и данныя въ Военную Коллегію деньги пропали бы; Григорій Романовичъ поступилъ иначе. Прежде, чѣмъ вручить скрипачу патентъ на капитанскій чинъ, онъ говоритъ ему однажды: «Виталій! пойдемъ въ конюшню, посмотримъ лошадей». Виталій, догадываясь, видно, для чего баринъ зоветъ его въ конюшню, отговаривался тѣмъ, что онъ не знатокъ въ лошадяхъ; тѣмъ не менѣе итти было надо. Шидловскій, по приходѣ въ конюшню, велѣлъ раздѣть его и высѣчь розгами, за то, что, намѣреваясь купить себѣ чинъ, прежде не просилъ у него на то позволенія. Потомъ онъ вручилъ ему патентъ на капитанскій чинъ, а впослѣдствіи времени сдѣлалъ его арендаторомъ имѣнія сестры своей, В. Р. графини Подгоричани, отъ чего Сурдина обогатился и купилъ себѣ деревню. Вотъ каковы въ прежнія времена, по милости Военной Коллегіи, были военные чиновники!

Поживя нѣкоторое время въ Мерчикѣ, Григорій Романовичъ отдалъ своего сына въ Харьковъ въ пансіонъ. Посылая къ А. А. Палицыну деньги, онъ позвалъ меня и сказалъ: «вотъ я посылаю ему тысячу рублей; можетъ, это и много?» Я отвѣчалъ ему: «вамъ извѣстно, что онъ не богатый человѣкъ, а для васъ эти деньги мало стоятъ». Обо мнѣ Григорій Романовичъ писалъ рекомендательное письмо къ малороссійскому генералъ-губернатору, князю Алексѣю Борисовичу Куракину и губернскому предводителю дворянства Василію Кочубею. А. А. Палицынъ также писалъ обо мнѣ къ извѣстному сочинителю Василію Васильевичу Капнисту, котораго я не засталъ въ Полтавѣ, и къ бывшему своему ученику Антону Ивановичу Кардашевскому, полагая, что онъ тамъ служитъ губернскимъ архитекторомъ, между тѣмъ какъ онъ служилъ тогда въ Черниговѣ. Генералъ-губернаторъ весьма ласково меня принялъ, что показывало мнѣ хорошее его располо-

женіе къ Григорію Романовичу; тоже и губернскій предводитель. Князь спросилъ меня, въ какой должности хочу я служить. Я отвѣчалъ, что въ архитекторской или землемѣрской. Онъ сказалъ мнѣ, что архитекторъ есть (дѣйствительно архитекторомъ былъ Абросимовъ, у котораго жена англичанка хорошо рисовала и обдѣлывала планы); а въ отношеніи землемѣрской должности велѣлъ губернскому землемѣру проэкзаменовать меня. Я однакожъ въ воскресные дни хаживалъ къ генералъ-губернатору и всегда заставалъ у него много чиновниковъ и просителей. Его страстью была обсадка почтовыхъ дорогъ деревьями. Помню, однажды онъ разсказывалъ: «здѣшніе помѣщики тяготятся обсадкою деревьями почтовыхъ дорогъ на своихъ участкахъ земли. А я помню слова фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго, который говорилъ, что во время турецкой войны въ обширныхъ степяхъ какъ увидишь, бывало, дерево и можешь отдохнуть подъ тѣнью его, то обрадуешься такъ, будто-бы увидѣлъ лучшаго своего друга». Дѣлая въ чертежной данные мнѣ землемѣрскіе планы, я слышалъ жалобы уѣздныхъ землемѣровъ на тягостную ихъ службу, что безпрестанно занимаются проводкою почтовыхъ дорогъ и обсадкою ихъ деревьями, не имѣя ни спокойнаго ночлега, ни достаточной пищи, и что на послѣдокъ придется имъ подать въ отставку. Я подумалъ, что здѣшнее служеніе въ землемѣрской не кладъ для меня. Губернскій землемѣръ, проэкзаменовавъ меня въ знаніи межеванія по астролябіи, донесъ о томъ князю. Но когда я послѣ сего явился къ нему, то онъ сказалъ мнѣ, что въ полтавской губерніи нѣтъ теперь землемѣрской вакансіи, а есть въ Нѣжинѣ, черниговской губерніи. «Если хотите служить тамъ, прибавилъ князь, то я напишу тамошнему губернатору; онъ объ опредѣленіи васъ землемѣромъ представитъ отъ себя сенату». Я отвѣчалъ: «мнѣ лестно было-бы служить въ виду вашего сіятельства, а какъ это невозможно, то позвольте мнѣ возвратиться въ Харьковъ». Князь спросилъ меня: «А если откроется въ полтавской губерніи вакансія, то гдѣ васъ отыскать?» Я отвѣчалъ, что если Григорій Романовичъ получитъ о томъ извѣстіе, то я тотчасъ пріѣду въ Полтаву. Я полагалъ, что этимъ усерд-

ная князя забота о моемъ опредѣленіи землемѣромъ и кончится.

Какъ Григорій Романовичъ помѣстилъ уже своего сына въ пансіонъ, то, полагая, что я ему вовсе не нуженъ, при возвратномъ пути я не заѣхалъ къ нему въ Мерчикъ, а поѣхалъ прямо въ Харьковъ. Губернскій предводитель В. М. Донецъ-Захаржевскій, увидѣвъ меня здѣсь, обрадовался и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ село его, изюмскаго уѣзда, Бугаевку, гдѣ строился каменный двухъ-этажный домъ по моему плану и куда я прежде съ нимъ ѣздилъ. Тамъ склонили меня онъ и братъ его Петръ М. остаться у послѣдняго жить; я согласился, но такъ неосторожно, что вовсе не договаривался съ ними, на какомъ основаніи я буду жить у нихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, къ немалому удивленію моему, получаю письмо отъ Г. Р. Шидловскаго съ приложеніемъ копіи съ письма къ нему кн. Куракина; извѣщая его объ открывшейся въ Полтавѣ вакансіи землемѣра, князь просилъ его объявить о томъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я явился къ нему для опредѣленія на это мѣсто. Я былъ въ нерѣшимости, ѣхать-ли мнѣ въ Полтаву, или нѣтъ. Петръ Михайловичъ сталъ уговаривать меня, чтобы я отказался, а занялся воспитаніемъ его сына, котораго онъ имѣлъ отъ любовницы молдаванки, бывшей нѣкогда красавицею. При семъ онъ давалъ мнѣ лестныя обѣщанія, говорилъ, что у него 500 душъ и 6000 дес. земли, а наслѣдниковъ нѣтъ и что со временемъ онъ можетъ меня наградить. Петръ Михайловичъ самъ поѣхалъ со мною въ успенскую ярмарку. Василій Михайловичъ также, уговаривая меня, изъявлялъ подобныя лестныя обѣщанія, то есть, какъ говоритъ пословица: сулили журавля въ небѣ, а не дали и синицы въ руки. Я рѣшился не ѣхать въ Полтаву по причинѣ трудности тамошняго служенія и потому еще, что какъ тамъ земли формально не размежеваны, то для землемѣровъ не можетъ быть занятій частными межеваніями, слѣдственно и никакихъ доходовъ; къ тому же у меня было весьма мало денегъ, а не раньше полугода я могъ быть опредѣленъ сенатомъ и получить жалованье по землемѣрской

должности. Итакъ, я отказался отъ нея, что было Григорію Романовичу весьма непріятно.

Возвратясь въ Бугаевку, я жилъ почти безъ всякаго занятія, кромѣ того, что иногда ходилъ смотрѣть за постройкою дома Василій Михайловича; днемъ игралъ съ хозяиномъ на биліардѣ, а вечеромъ непремѣнно съ нимъ-же въ дураки. Отъ всегдашней праздности я самъ почувствовалъ расположеніе къ ней, чрезъ что со временемъ сдѣлался бы лѣнтяемъ и неспособнымъ къ дѣлу. По счастію случились со мною непріятности, которыхъ я не могъ перенесть. Пользуясь поѣздкой музыканта хозяина въ Харьковъ на покровскую ярмарку, я отправился съ нимъ туда же, а оттуда направился въ Поповку къ Палицыну, не сказавъ при свиданіи здѣсь съ Василіемъ Михайловичемъ, что совсѣмъ оставилъ Бугаевку, что, какъ послѣ я узналъ, была ему крайне непріятно. Нанявши извощика, я разсудилъ заѣхать въ Мерчикъ къ Г. Р. Шидловскому; но какъ у него гостили тогда дамы, то я не смѣлъ явится къ нему въ дорожномъ платьѣ и безпокоить его разсказомъ о своихъ обстоятельствахъ, а переночевавъ у дворецкаго, по настоянію извощика, скорѣе выѣхалъ.

А. А. Палицынъ весьма обрадовался моему пріѣзду; въ это время у него не было помощника для черченія на бѣло его прожектовъ на строенія разнымъ знакомымъ ему помѣщикамъ, а прежде, бывало, живали у него по два и по три, и всѣ они обязаны ему были своимъ образованіемъ. Жилось мнѣ здѣсь хорошо. По обыкновенію мы гуляли по лѣсу, подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ, бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная, грудь крѣпкая, голосъ громкій, краснорѣчіе необыкновенное, къ тому же большое искусство разнообразить предметы разговоровъ, чтобы не утомить слушателя. Бывало, пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокуреніемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ съ нимъ вести ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ. Жаль только,

что онъ былъ холоденъ къ обрядамъ христіанской религіи; впрочемъ я никогда отъ него не слыхалъ, чтобы онъ невыгодно отзывался о ней или издѣвался надъ ея приверженцами. Проживая у Александра Александровича, я сдѣлалъ въ это время, по его прожекту, чертежи для увеличенія каменной церкви и устройства въ ней новаго иконостаса въ селѣ Мерчикѣ. Посылая эти планы Шидловскому, Александръ А. объяснилъ въ письмѣ, что я ихъ дѣлалъ, и Шидловскій прислалъ мнѣ 150 руб., вѣроятно, вспомнивъ, что при отъѣздѣ въ Полтаву онъ далъ мнѣ только 50 р., тогда какъ Станевичу далъ 1000 рублей; впрочемъ Станевичъ въ признательность за такую награду посвятилъ ему переведенную имъ въ Поповкѣ стихами поэму «О садахъ», какъ выше сказано.

Послѣ смерти въ 1802 году знаменитаго нашего стихотворца Ипполита Ѳедоровича Богдановича, творца «Душеньки», Станевичъ писалъ къ А. А. Палицыну, что благодѣтель его, вице-адмиралъ Шишковъ, желалъ бы напечатать его (т. е. Богдановича) стихотворенія, если остались такія, которыя не были прежде напечатаны. По сему случаю я былъ нѣсколько разъ у брата покойнаго, Ив. Ѳ. Богдановича, бывшаго городничимъ въ въ Сумахъ, разбиралъ всѣ его бумаги, нѣкоторыя мелкія его стихотворенія, списанныя мною, но всѣ они оказались напечатанными въ разныхъ журналахъ.

Безпокоясь безпрестанно, чтобы имѣть постоянное и надежное мѣсто, я просилъ А. А. рекомендовать меня къ богатому помѣщику, тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Комбурлею для занятій по части архитектуры и землемѣрства. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо и лошадей. М. И. Комбурлей уважалъ А. А., по планамъ котораго построены въ селѣ Хотѣни большая каменная оранжерея, конюшня и цѣлая улица деревянныхъ сельскихъ домовъ для музыкантовъ, пѣвчихъ и домашней прислуги. По пріѣздѣ въ Хотѣнь, Комбурлей ласково меня принялъ, только нѣсколько времени не соглашался дать мнѣ жалованья 500 р. ас. Наконецъ согласился и сказалъ мнѣ, что онъ по первой санной дорогѣ поѣдетъ въ Москву и меня съ собою

возьметъ, а потому требовалъ, чтобъ я поспѣшилъ взять свои вещи и пріѣхалъ въ Хотѣнь къ тому времени. Послѣ Николаева дня я поѣхалъ съ его человѣкомъ впередъ для заготовленія ему до Москвы лошадей. Въ Курскѣ мы остановились въ домѣ надворной совѣтницѣ Страмилихи, бабушки его жены Анны Андреевны. Тамъ взялъ я у губернатора подорожную для Михайла Ивановича и написавъ отъ имени его письма къ орловскому вице-губернатору и тульскому губернатору съ просьбою заготовить для него 15 лошадей, поѣхалъ съ этими письмами впередъ. Вице-губернаторъ, видно, прежде служившій съ нимъ, обѣщалъ исполнить его желаніе; но тульскій губернаторъ Ивановъ сказалъ мнѣ: проѣздъ въ Москву и обратно каждый день бываетъ великъ, почтовыхъ лошадей на станціяхъ мало, всѣ проѣзжающіе нанимаютъ вольныхъ извощиковъ, можете и вы тоже сдѣлать. На постоялыхъ дворахъ я пыталса нанимать вольныхъ, но они запросили, по ихъ обыкновенію, почти двойную цѣну противъ почтовыхъ и я ие осмѣлился дать. Между тѣмъ, ѣдучи день и ночь въ большіе морозы и мятель, я изнурился и озябъ и по пріѣздѣ въ Тулу, пообѣдавши на постояломъ дворѣ, заснулъ крѣпко и спалъ такъ долго, что М. И. нагналъ меня здѣсь, самъ нанялъ вольныхъ лошадей и выѣхалъ прежде, чѣмъ человѣкъ, разбудивши меня, сказалъ, что и для насъ лошади запряжены. Помню, что остановясь въ Серпуховѣ ночевать, Михаилъ Ивановичъ строго выговаривалъ мнѣ, что я не заготовилъ ему лошадей, и не принялъ моего оправданія. Въ особенности онъ оскорбился и сталъ шумѣть, когда я сказалъ ему: «если я не угоденъ вамъ, то прошу уволить меня». Но добрая Анна Андреевна спѣшила успокоить его, говоря: «полно, полно, душенька!» Здѣсь-то, въ Серпуховѣ, въ первый разъ въ жизни моей я ѣлъ стерляжью уху, сваренную съ примѣсью вина.

Въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ остановился на Пречистенкѣ въ собственномъ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ прежде тещѣ его, генеральшѣ Елизаветѣ Петровнѣ Рахмановой. Я бѣгалъ по разнымъ улицамъ, съ большимъ любопытствомъ останавливался противъ великолѣпныхъ домовъ и церквей, раз-

сматривалъ ихъ съ разныхъ сторонъ. Въ воскресные и праздничные дни хотѣлъ быть въ нѣкоторыхъ церквахъ у обѣдни; но, приходя къ нимъ, вездѣ видѣлъ церкви запертыя, потому что въ нихъ служились ранніе обѣдни, и только въ успенскомъ соборѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ монастыряхъ звонили къ поздней обѣднѣ въ 10 часу. Я нѣсколько разъ слушалъ ее въ томъ соборѣ, прикладывался къ чудотворному образу Владимірской Богоматери и къ мощамъ митрополитовъ Петра, Іоны и Филиппа, а въ теплой церкви—митрополита Алексѣя. Узнавши, что въ Голицынской больницѣ за рѣкою Москвою поютъ въ церкви превосходные пѣвчіе (подъ дирекціею, кажется, извѣстнаго Аникіева или Дегтярева), я часто туда хаживалъ, хотя и далеко. Хоры для нихъ тамъ сдѣланы подъ самымъ куполомъ, и на нихъ пѣвчихъ не видно, только слышно пѣніе, пріятно раздающееся внизу по церкви. Тутъ на высокомъ пьедесталѣ стоитъ прекрасный бѣлаго мрамора бюстъ покойнаго кн. Голицына, который былъ посланникомъ въ Вѣнѣ и пожертвовалъ большой капиталъ для устроенія и содержанія этой больницы. Родной братъ его, дряхлый старичокъ, всегда бывалъ у обѣдни. Больница построена въ два этажа на высокомъ цоколѣ; въ срединѣ ея находится церковь, расположенная такъ, что тяжко больные могутъ слушать богослуженіе изъ корридоровъ; съ другой стороны во всю длину усадьбы расположенъ до самой Москвы обширный садъ съ огородомъ. Въ первое воскресенье великаго поста, по данному мнѣ М. И. билету, я былъ на концертѣ въ обширной круглой залѣ, гдѣ всѣ московскіе лучшіе музыканты, въ томъ числѣ и нашъ Блюмъ, играли превосходную ораторію Гайдена «Сотвореніе міра». Былъ я и въ Большомъ театрѣ, гдѣ играли любимую тогда публикою оперу «Русалку»; актриса Сандунова, представлявшая ея роль, славившаяся при императрицѣ Екатеринѣ на придворномъ театрѣ своимъ пѣніемъ, и подъ сорокъ лѣтъ имѣла еще голосъ пріятный, звонкій и игривый. Я обозрѣвалъ университетъ, но въ церкви его и на лекціяхъ не удалось быть. Любовался строгимъ соблюденіемъ правилъ орденовъ архитектуры зданія сената, постройки славнаго архи-

тектора Баженова, также дворцами Головинскимъ и Слободскимъ. О послѣднемъ разсказываютъ, что онъ принадлежалъ графу Безбородко; императоръ Павелъ, бывши въ немъ и увидѣвъ, что садъ расположенъ на обширной равнинѣ, гдѣ росли большія деревья, сказалъ: «какой прекрасный былъ бы плацъ для ученія войскъ»! Въ ту же ночь деревья были срублены. Вотъ какъ тонкіе придворные умѣютъ льстить прихотямъ государей! Домъ Пашкова, архитектуры Козакова, ученика Баженова (теперь въ немъ помѣщается публичная библіотека), расположенъ на возвышенномъ мѣстѣ, которое придаетъ ему немалую красоту; а садъ, расположенный по скату, сказываютъ, въ прежнее время былъ звѣринцемъ.

Михаилъ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ на масляницѣ главнокомандующаго Беклешова, знаменитую княгиню К. Д. Дашкову и многихъ сенаторовъ на блины, а потомъ на катанье. Нарядныхъ экипажей было довольно; на одномъ изъ нихъ помѣщался и я съ виртуозомъ Блюмомъ и докторомъ Ив. Ег., жившими въ домѣ Михаила Ивановича. Помню, что когда за рѣкой Москвою экипажи поровнялись противъ стараго деревяннаго дома извѣстнаго графа Орлова-Чесменскаго. то онъ выѣхалъ со двора на сѣромъ въ яблокахъ рысакѣ, самъ правилъ имъ и кланялся катающимся. Тогда уже таялъ снѣгъ по улицамъ.

На второй недѣлѣ повѣялъ холодный сѣверный вѣтеръ съ метелью, и мы возвратились въ Украину по санной дорогѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Петербурга Николай Ѳедоровичъ Алферовъ, лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына, которому по смерти своей онъ и оставилъ въ наслѣдство свою деревню Поповку. Отсюда пріѣхалъ онъ въ Хотѣнь, гдѣ занялся черченіемъ плана для построенія каменной церкви въ Большомъ Бобрикѣ, имѣніи генеральши Елисаветы Петровны Рахмановой. Въ составленіи этого плана онъ уже не слѣдовалъ вкусу архитектуры А. А., но городскому. Однакожъ въ пятидесятыхъ годахъ бывши въ Бобрикѣ, я видѣлъ въ натурѣ построенную церковь совсѣмъ по иному плану, говорятъ, какого-то итальянца.

Н. Ѳ. Алферовъ предполагалъ ѣхать за границу, ему необходимо нужны были деньги, а ихъ у него было весьма мало, и отецъ его не въ состояніи былъ пособить ему. При малыхъ деньгахъ, какія могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіею, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился чрезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 году. Онъ правду мнѣ сказалъ, что производимыя подъ моимъ надзоромъ въ Хотѣни постройки не сдѣлаютъ мнѣ чести; собственные крестьяне каменьщики, плотники и штукатуры, нигдѣ не учившіеся, что могутъ сдѣлать отличнаго? Да и постройки были только каменная теплица и деревянный флигель для житья въ одной половинѣ виртуозу Блюму, а въ другой мнѣ съ механикомъ Шмидтомъ. Вновь перекрыта была желѣзомъ церковь, на фонарѣ которой вмѣсто осьмерика я сдѣлалъ куполъ. По указанію механика сдѣлалъ я планъ для построенія каменной и вѣтряной мельницы, да подъ осень ѣздилъ въ курскую губернію для измѣренія чрезполосныхъ участковъ земли, принадлежащей Михаилу Ивановичу, и сдѣлалъ имъ планъ. Вотъ и всѣ мои работы; въ досужее время я по большой части читалъ свои книги и переводилъ изъ нихъ.

Но жить въ Хотѣни было весело: часто играли музыки скрипичная, духовая. а иногда роговая, доставшіяся М. И. отъ Василія Степановича Попова, правителя канцеляріи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго; была сверхъ того пѣвческая, въ которой были двѣ дѣвицы, пѣвавшія аріи; кромѣ Блюма былъ капельмейстеръ музыки, а другой пѣнія. Французъ поваръ готовилъ вкусныя и роскошныя блюда, а при томъ Михаилъ Ивановичъ любилъ пить и хорошее вино. Служа нѣсколько курсовъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ вице-губернаторомъ въ царствованіе имп. Екатерины, онъ привыкъ дѣлать великолѣпные и пышные обѣды, балы и вечерники. Столовый сервизъ для нихъ былъ подаваемъ все серебряный; суповыя великолѣпныя чаши, соусники, блюда, ножи и вилки; хрустальныя доски, обыкновенно на столахъ употребляемыя для поста-

новленія фарфоровыхъ стопокъ, иногда были усыпаемы разноцвѣтными песками въ видѣ прелестныхъ ландшафтовъ. Онъ былъ вице-губернаторомъ при губернаторѣ Кишинскомъ. Кишинскій жилъ только жалованьемъ, а можетъ быть нѣкоторыми посторонними доходами. Разсказывали, что когда онъ былъ отставленъ отъ должности, то въ мясной лавкѣ остался долженъ болѣе тысячи рублей: сколько же онъ былъ долженъ въ бакалейныя и другія лавки? И вотъ иной день соберется, бывало, къ нему много губернскихъ чиновниковъ и дворянъ; тогда онъ, подойдя къ М. И., скажетъ ему на ухо: «гостей довольно, а кормить ихъ нечѣмъ: у меня обѣдъ готовленъ по домашнему только для своего семейства». Михаилъ Ивановичь или пригласитъ всѣхъ гостей къ себѣ, когда еще время не сблизилось къ обѣду, и предоставитъ гостямъ заняться играми въ карты, пока приготовятъ кушанье; или-же, если настало время обѣда, велитъ принесть кушанье изъ своей кухни, какъ онъ жилъ въ казенномъ домѣ чрезъ улицу, гдѣ теперь находится университетская обсерваторія и прочія его помѣщенія.

Часто къ М. И. ѣзжали полковые сумскаго гусарскаго полка, квартировавшіе тогда въ Сумахъ. Въ сентябрѣ родилась ему дочь, названная Елизаветою; она была тогда только одна, потому что сынъ Иванъ, рожденный прежде, въ младенчествѣ умеръ. Тутъ-то было веселья и празднества при крестинахъ! Эта дочь по возрастѣ выдана была за генерала Бутурлина, извѣстнаго описателя войны 1812 года. За нею въ приданое даны ему были Хотѣнь со всѣми близь лежащими деревнями. При подаркахъ всѣмъ, живущимъ у М. И., и мнѣ достались серебряные часы, бывшіе у меня даже и въ Сумахъ.

Жившій со мной въ Хотѣни въ одной комнатѣ отставной маіоръ N разсказывалъ происшествіе о великихъ и необыкновенныхъ хитростяхъ М. И., употребленныхъ имъ для успѣха въ женитьбѣ на Аннѣ Андреевнѣ. Она родилась по смерти своего отца Андрея Кондратьева въ Курскѣ, въ домѣ бабушки своей Страмилихи, бывшей опекуншей всего ея имѣнія и гдѣ всегда жила ея мать Е. П. Рахманова [1]). При достиженіи совершеннолѣтія, за нею про-

[1]) Елисавета Петровна безвыѣздно здѣсь жила съ двумя дочерьми дѣвицами. Г. Н., ея сынъ, часто пріѣзжалъ съ дядею своимъ генераломъ Гаврія-

сватывались молодые женихи, сыновья графовъ и князей; но М. И., бывши уже подъ сорокъ лѣтъ, отбилъ у нихъ эту богатую невѣсту. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ губернаторомъ въ Курскѣ; вознамѣрясь жениться на ней, онъ дѣлывалъ частыя роскошныя угощенія обѣдами, вечеринками и балами; музыка была всегда съ нимъ и въ Курскѣ, и онъ былъ любитель ея. О своемъ замыслѣ жениться на этой невѣстѣ онъ увѣдомилъ графа Ал. Ан. Безбородко, съ которымъ былъ въ великой дружбѣ по волокитству. Въ зимнее время завелъ послѣобѣденное катанье и почти всегда преимущественно приглашалъ Анну Андреевну кататься съ нимъ на превосходномъ козыркѣ и превосходныхъ лошадяхъ. Поѣхавши по губерніи для обревизованія присутственныхъ мѣстъ, онъ имѣлъ неосторожность взять съ собою и нѣсколькихъ музыкантовъ для увеселенія дворянъ. Кто-то изъ его недоброхотовъ донесъ государю, что губернаторъ, объѣзжая губернію, поручалъ своему секретарю ревизовать дѣла по присутственнымъ мѣстамъ, а самъ увеселялъ дворянъ музыкою. Государь, при докладѣ о семъ, велѣлъ приготовить указъ объ удаленіи курскаго губернатора. Безбородко прислалъ ему фельдъегеря съ увѣдомленіемъ объ этомъ роковомъ повелѣніи и совѣтовалъ поспѣшить своею женитьбою на богатой невѣстѣ, заявляя, что онъ можетъ продержать указъ день, другой, но не болѣе. М. И., не упуская времени, приглашаетъ гостей къ себѣ на катанье, сажаетъ съ собою Анну Андреевну, объясняется ей въ своей любви и получаетъ отъ нея согласіе выйти за него замужъ. На другой день по утру М. И. пріѣзжаетъ къ ея бабушкѣ, проситъ ее въ кабинетъ для личнаго съ нею объясненія и открывается ей въ любви къ ея внукѣ и въ желаніи жениться на ней. Чтобы избѣгнуть затрудненія въ рѣшительномъ отвѣтѣ, бабушка говоритъ, что это зависитъ отъ матери невѣсты. Тогда М. И. проситъ матушку въ кабинетъ; та отвѣчаетъ ему, что дочь ея со-

---

ломъ Михайловичемъ Рахмановымъ. Также долго здѣсь жила съ малолѣтнимъ сыномъ меньшая сестра Ел. Петр. княгиня Горчакова, которой мужъ былъ сосланъ въ Сибирь; онъ находился при продовольствіи французскаго корпуса принца Кондэ и дѣлалъ для расплаты фальшивыя ассигнаціи.

вершеннолѣтняя и что отъ нея собствено зависитъ избрать себѣ жениха. Михаилу Ивановичу такой-то отвѣтъ и нуженъ былъ. Войдя въ гостиную, онъ подходитъ къ Аннѣ Андреевнѣ и, цѣлуя у ней руку, объсняется ей въ страстной своей любви и говоритъ, что онъ почелъ бы себѣ счастіемъ, если бъ она согласилась выйти за него замужъ. Это простодушная и добрая малороссіянка отвѣчала: «я согласна»! Тогда бабушка ахнула, мать ахнула. Михаилъ Ивановичъ первую попросилъ въ кабинетъ для объясненія и спросилъ, что ей нужно. Она отвѣчала:

— Я опекунша имѣнія моей внуки съ самаго малолѣтства, женщина малограмотная; не ѣздила осматривать имѣніе; всегдашній Любченко по своему желанію показывалъ мнѣ доходы въ вѣдомостяхъ, и я принимала ихъ за вѣрные. Вы, сдѣлавшись мужемъ моей внуки, можетъ быть потребуете отъ меня за всѣ годы строгихъ отчетовъ?

Михаилъ Ивановичъ клятвенно увѣрилъ ее, что ни онъ, ни будущая жена его вовсе не будутъ требовать отчетовъ въ доходахъ и за тѣмъ спросилъ:

— Теперь согласны-ли вы?

— Да вотъ, М. И., деревенька подъ Курскомъ съ водяною мельницею, гдѣ для дома всегда кормились скотъ и птицы, она и впередъ для моего дома будетъ необходима.

— Эта деревня ваша; ну, теперь согласны ли?

Получа отвѣтъ о ея согласіи, Михаилъ Ивановичъ попросилъ въ кабинетъ также матушку и спросилъ ее, что ей нужно.

Та отвѣчала:

— На седмую часть имѣнія давно выдѣлено мнѣ въ селѣ Бобрикѣ 1000 душъ, а теперь на седмую долю по числу крестьянскаго имѣнія слѣдуетъ 1200 душъ съ землею.

Михаилъ Ивановичь также клятвенно увѣрилъ ее, что эти 200 душъ будутъ ей прибавлены и спросилъ: согласны ли? Она отвѣчала:

— Отъ другаго покойнаго мужа моего остался въ Москвѣ каменный домъ; въ немъ никто не живетъ, онъ совсѣмъ мнѣ не нуженъ, кромѣ городскихъ повинностей не приноситъ мнѣ никакого дохода.

— А этотъ домъ чего стоитъ? спросилъ Михаилъ Ивановичь.

— Сорокъ тысячъ ассигнаціями.

— Хорошо; я заплачу ихъ вамъ. Теперь согласны ли?

Получивъ и отъ матери согласіе, по настоянію его, онъ на другой же день обвѣнчался; и тогда же или на слѣдующій день полученъ изъ сената указъ объ удаленіи его отъ должности губернатора. Любовницу свою, у которой отъ него было два сына, онъ утѣшилъ тѣмъ, что выдалъ ее за маіора Ковалинскаго и отдѣлилъ ей изъ его отцовскаго имѣнія херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, села Онуфріевки, лежащаго за Кременчугомъ, 200 душъ.

Съ торжествомъ Комбурлей весною 1800 года пріѣхалъ съ женою своею въ имѣніе ея въ 8000 душъ и нѣсколько десятковъ тысячъ земли, зажилъ здѣсь припѣваючи и началъ обстроивать свое жилище въ Хотѣни и хозяйственныя заведенія, на зиму ѣздя въ Москву веселиться. Анна Андреевна ни въ какія его распоряженія по управленію имѣніемъ не входила. Въ 1805 году онъ получилъ дохода 120 тысячъ, какъ по отчету значилось; но, живя въ Хотѣни, онъ и половины этого дохода не могъ проживать. За то и онъ доставлялъ ей полное удовольствіе, условясь съ содержателями столичныхъ иностранныхъ магазиновъ, чтобъ они присылали женѣ его каждый разъ новыхъ модъ платья, шляпки, обувь и вновь вышедшіе французскіе романы. Но Михаилъ Ивановичь не умѣлъ цѣнить нѣжности и привязанности къ нему своей супруги; нерѣдко ей измѣнялъ, между тѣмъ какъ она оставалась ему всегда вѣрною Кажется, что Комбурлей поступилъ гораздо умнѣе Каразина въ сватовствѣ и женитьбѣ, получивъ напередъ согласіе отъ невѣсты; все тоже, что узнавъ напередъ бродъ, тогда сунулся въ воду. Между тѣмъ вообще полагаютъ, что греки не такъ хитры, какъ армяне и что на двухъ грековъ полагаютъ довольно одного армянина.

Другой примѣръ тонкой хитрости ума и разсчетливости М. И., которому я былъ самовидцемъ. При мнѣ пріѣзжали къ нему въ разное

время два чиновника, славившіеся хорошимъ управленіемъ большихъ имѣній; не знаю, сами ли они искали мѣста или были вызваны. Первый требовалъ жалованья 7,000 рублей, а другой 10,000 руб. асс. М. И. просилъ каждаго изъ нихъ, съ Любченкомъ, давнишнимъ управителемъ и его крестьяниномъ, обозрѣть всѣ хозяйственныя по имѣніямъ заведенія и сдѣлать свои замѣчанія, что они найдутъ нужнымъ исправить или вновь сдѣлать. Эти замѣчанія онъ давалъ Любченку для руководства, а ихъ обнадежилъ, что когда онъ признаетъ нужнымъ имѣть ихъ управителями своего имѣнія, то дастъ имъ знать. При этихъ случаяхъ какъ будто принималось въ разсчетъ, что Любченку онъ платитъ жалованья только 60 рублей; а если тотъ вздумаетъ воровать у него, то онъ всегда имѣетъ возможность отобрать у него, не такъ какъ у наемныхъ управителей. Въ такомъ намѣреніи онъ до самой смерти не отпустилъ, какъ говорятъ, на волю самого Любченка, а только его сына.

Михаилъ Ивановичъ по обыкновенію готовился ѣхать въ Москву по первому санному пути и назначилъ маіору ѣхать впередъ для заготовленія лошадей; а я долженъ былъ остаться въ Хотѣни безъ всякаго дѣла. Явясь къ нему, я просилъ вовсе уволить меня, заявляя, что у него нѣтъ для меня никакой работы и что я совѣстусь даромъ получать отъ него жалованье. На это онъ съ ласковымъ видомъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я хочу, В. И., чтобы ты жилъ у меня, хотя и никакой не будетъ для тебя работы. Платить тебѣ положенное жалованье я охотно буду; это для меня не составляетъ важности.

Не знаю, въ такомъ добромъ расположеніи ко мнѣ не имѣлъ ли онъ намѣренія выдать за меня свою племянницу Катерину Зуевну Афишжееву, дѣвушку безъ всякаго образованія, пріѣхавшую изъ Нѣжина гречанку. Онъ самъ замѣтилъ сердечное ея ко мнѣ расположеніе, и какъ онъ любилъ пошутить и посмѣяться при всякомъ случаѣ надъ кѣмъ бы то ни было, то однажды за столомъ при всѣхъ сказалъ:

— Что ты, Катенька, такъ часто и умильно смотришь на В. И.? Не влюблена ли ты въ него?

По отъѣздѣ М. И. въ Москву, поѣхалъ и я въ Поповку къ А. А. Палицыну. Тамъ по обыкновенію началъ заниматься архитектурою; ходить по лѣсу нельзя уже было, и мы бесѣдовали, ходя по комнатѣ. Передъ праздникомъ Рождества Христова съ присланнымъ изъ Хотѣни пчеловодчикомъ неожиданно получаю отъ М. И. письмо слѣдующаго содержанія: „Я вознамѣрился перестроить свой домъ въ Москвѣ; для этого вы нужны будете мнѣ здѣсь для надзора за матеріалами и мастеровыми. Поспѣшите своимъ пріѣздомъ“. Я сталъ раздумывать; но тутъ А. А. сказалъ мнѣ: «въ Москвѣ въ департаментѣ сената служитъ прокуроромъ Боборыкинъ, племянникъ моей жены; если хочешь, я напишу ему письмо и буду просить его доставить тебѣ мѣсто въ коронной службѣ, когда ты не захочешь жить въ партикулярной должности». Я согласился на это, и онъ дѣйствительно писалъ ему обо мнѣ.

Итакъ, забравши всѣ свои вещи (даже и астролябію, которая была у меня и въ послѣдующей службѣ моей была мнѣ необходима), я поѣхалъ и благополучно достигъ Москвы. По заказу М. И. планъ для перестройки его дома съ великолѣпною галлереею коринѳскаго ордена былъ уже готовъ; а мнѣ онъ велѣлъ осмотрѣть въ окрестности Москвы кирпичные заводы и узнать цѣну кирпича, что я и выполнилъ. Однажды прихожу къ М. И. и застаю у него оберъ-прокурора, который по указанію М. И. обратился ко мнѣ съ такимъ объясненіемъ: „пишетъ мнѣ родственникъ мой А. А. Палицынъ и проситъ дать вамъ коронное мѣсто; но я не могу инаго вамъ доставить, какъ мѣсто писца въ сенатѣ съ жалованьемъ 120 или 150 руб.“ Я увѣдомилъ объ этомъ А. А., и онъ письмомъ отъ 10 февраля 1806 года предлагалъ мнѣ то же жалованье въ его пустынѣ, гдѣ я нашелъ бы непремѣнно искренность, непритворную простоту и безкорыстную ко мнѣ любовь; но это письмо доставлено мнѣ было въ Петербургѣ гораздо послѣ, по пріѣздѣ уже туда Анны Андреевны.

Зимою 1805 г. пріѣзжалъ въ Москву по своимъ дѣламъ Г. Р. Шидловскій и былъ у М. И., съ которымъ прежде вовсе не былъ знакомъ. Увидѣвъ меня здѣсь, онъ кинулся обнимать и цѣловать. М. И. удивился его привязанности ко мнѣ, а онъ пригласилъ

меня къ себѣ на квартиру, и я ѣздилъ съ нимъ по городу и бесѣдовалъ. Послѣ я узналъ, что они другъ другу не понравились. У нихъ были притомъ и денежные счеты. Хрущовъ долженъ былъ 50 или 60 тысячъ Григорію Романовичу съ залогомъ Степановки, сумскаго уѣзда; М. И., по убѣдительной Хрущова просьбѣ, далъ ему эту сумму и перевелъ залогъ на себя. М. И. и другое благодѣяніе Хрущову сдѣлалъ. Министръ внутрен. дѣлъ Кочубей жаловался ему, что у него въ полтавской губерніи винокуренный заводъ въ худомъ положеніи. М. И рекомендовалъ ему Хрущова, какъ лучшаго во всей Украинѣ винокура. Въ вознагражденіе за его труды, Кочубей постарался опредѣлить двухъ сторонних его сыновъ въ училище законовѣдѣнія при сенатѣ, гдѣ они вскорѣ были пожалованы титулярными совѣтниками, а потомъ прямо губернскими стряпчими въ волынской губерніи. Вотъ какъ безкорыстные вельможи благодѣтельствуютъ! М. И. захотѣлъ перестроить свой домъ по той причинѣ, что главнокомандующій Москвы Беклешовъ представилъ его въ губернаторы. Но при докладѣ о немъ графомъ Кочубеемъ, государь изволилъ сказать: „Комбурлей—это не русская фамилія; Москва не уважитъ его, ей нуженъ губернаторъ столбовой дворянинъ русской фамиліи“. Покровители М. И. совѣтовали ему изъ Петербурга пріѣхать туда и пожить тамъ нѣкоторое время, пока откроется вакансія въ такой губерніи, гдѣ онъ захочетъ быть губернаторомъ. Рѣшась послѣдовать этому совѣту и поѣхать туда на легкѣ, онъ взялъ и меня съ собою, сказавъ: „В. И.! тебѣ надобно видѣть Петербургъ: тамъ лучшая архитектура домовъ, нежели здѣсь“.

Въ дорогѣ я сидѣлъ съ нимъ въ одной кибиткѣ, а въ другой французъ поваръ съ кухонной посудой. Мы ѣхали день и ночь, морозы большіе, и я, имѣя только на себѣ бекешь подъ калмыцкими смушками, иногда дрожалъ отъ холоду. М. И., замѣтивши это, однажды сказалъ: „что, В. И., и философія тебя не грѣетъ“? Я подумалъ: „хорошо тебѣ, богачъ, сидѣть въ медвѣжьей шубѣ“! но не смѣлъ это сказать ему.

Въ Петербургѣ М. И. остановился въ домѣ Василія Степановича Попова на Неву, гдѣ никто не жилъ. Отыскавъ въ верхнемъ

этажѣ небольшую комнату, я заперся тамъ; самъ приносилъ себѣ дрова и топилъ грубку, потому что съ М. И. пріѣхалъ только его камердинеръ, а съ поваромъ его помощникъ. М. И. ни одного дня не обѣдалъ дома; а поваръ всегда мнѣ отказывалъ въ пищѣ, говоря, будто бы онъ и для себя ничего не готовилъ. Искать обѣдовъ въ трактирахъ я тогда еще не привыкъ, да и боялся, а потому всегда довольствовался сухояденіемъ. Помню, что однажды въ вечеру М. И. мнѣ сказалъ: «насъ мало уважаютъ въ Украинѣ, хоть я теперь ѣду къ министру внутр. дѣлъ играть въ карты и безъ меня бостонъ не составится». По счастію, или, правильнѣе сказать, по божескому обо мнѣ промыслу, въ этомъ же обширномъ дворѣ на Милліонную улицу былъ другой домъ, и въ верхнемъ его этажѣ помѣщался государственный адмиралтейскій департаментъ, гдѣ при его музеумѣ служилъ помощникомъ директора мой лучшій въ жизни другъ Ев. И. Станевичъ. Онъ видѣлъ меня проходящаго въ вороты (только и были одни) этого дома на Милліонную улицу и тотчасъ составилъ себѣ планъ, какъ бы и меня помѣстить въ этотъ департаментъ. Помня, что правитель департамента, статскій совѣтникъ Никольскій, прежде высказывалъ ему свое сожалѣніе, что его два малолѣтніе сына прежде ходили учиться въ Нѣмецкое училище, но, подмочивъ ноги, заболѣли и теперь, оставаясь безъ ученія, теряютъ безполезно молодые свои лѣта, онъ предположилъ себѣ, что я охотно буду учить этихъ дѣтей, если буду опредѣленъ въ департаментъ. Получивъ отъ него согласіе, Станевичь прибѣгаетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ музеумъ. Тамъ я увидѣлъ и зятя Никольскаго, жившаго нѣкогда въ Поповкѣ, Моисея Григорьевича Ушинскаго. Попробовавъ меня, умѣю ли извлекать изъ бумагъ содержаніе ихъ для доклада присутствію, Никольскій велѣлъ подать мнѣ просьбу объ опредѣленіи меня въ департаментъ. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, Станевичъ пригласилъ меня поѣхать съ нимъ къ первому члену департамента, вице-адмиралу Александру Семеновичу Шишкову. Я отказывался, говоря, что не смѣю показаться ему въ старомъ фракѣ.

— Ничего, сказалъ онъ: ты увидишь, какъ онъ меня любитъ.

Пріѣзжаемъ къ Шишкову. Станевичъ рекомендуетъ меня, что я хорошій его пріятель, лучше роднаго брата, и проситъ его опредѣлить меня въ департаментъ.

— А есть ли вакансія? спросилъ Шишковъ.

— Есть помощника столоначальника по ученой части, отвѣчаетъ Станевичъ.

— Хорошо! сказалъ онъ: я согласенъ его опредѣлить.

— Не будете ли вы сегодня въ департаментѣ? спросилъ опять его Станевичъ.

— Нѣтъ! я не совсѣмъ здоровъ, отвѣчалъ Шишковъ.

Но Евстафій Ивановичъ убѣдительно просилъ его сдѣлать мнѣ благодѣяніе—поѣхать и предложить объ опредѣленіи меня. И этотъ добродушный, престарѣлый, почтеннѣйшій вельможа согласился, въ тотъ же день поѣхалъ и предложилъ присутствію объ опредѣленіи меня.

Третій членъ, дѣйств. ст. сов. Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ (извѣстный изданіемъ «*Сіонскаго Вѣстника*») не соглашался было на опредѣленіе меня и не хотѣлъ подписать журнала, потому что прежде предлагаемыхъ имъ двухъ человѣкъ на эту должность правитель канцеляріи Никольскій не одобрилъ. Благодѣтель Евстафія Ивановича, А. С. Шишковъ спросилъ его, почему онъ не подписываетъ журнала. Лабзинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ его самого:

— Развѣ вы его знаете?

— Знаю, отвѣчалъ онъ: онъ хорошій человѣкъ.

Лабзинъ хотѣлъ меня лично увидѣть. Евстафій Ивановичъ прибѣжалъ за мною. Лабзинъ, распросивъ меня, почему я оставилъ службу въ губернскомъ правленіи, а перешелъ служить въ полицію, гдѣ мало могъ пріобрѣсть познанія, и оставшись доволенъ моимъ отвѣтомъ, сказалъ:

— Я согласенъ на принятіе васъ въ департаментъ.

Представили объ утвержденіи меня въ должности товарищу министра морскихъ силъ г-ну Чичагову Въ это время возвратился изъ Англіи садовникъ Слезакъ. М. И., призвавши меня, велѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Украину, сказавши, что я уже до-

вольно насмотрѣлся въ Петербургѣ; но я просилъ его позволить мнѣ остаться въ Петербургѣ.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я ищу здѣсь опредѣлиться къ коронной должности.

— Куда? спросилъ онъ.

— Въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ.

— Кто тамъ первый членъ?

— Вице-адмиралъ Шишковъ, сказалъ я.

— Гм...онъ худо играетъ въ бостонъ; но я буду ему васъ рекомендовать, сказалъ М. И.

Тогда я, поблагодаря, сказалъ, что именно по его одобренію я уже представленъ г-ну Чичагову.

Такъ-то я чудеснымъ образомъ неожиданно былъ опредѣленъ въ Государственный Адмиралтейскій Департаментъ помощникомъ столоначальника по ученой части съ жалованьемъ 750 руб. асс. 16 февраля 1806 года и въ семъ опредѣленіи видѣлъ явный промыслъ Божій о мнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

Послѣ привольной сельской жизни въ помѣщичьихъ домахъ на всемъ готовомъ, жизнь въ Петербургѣ на первый разъ была для меня очень трудна. На первое обзаведеніе требовалось много денегъ, а ихъ у меня было весьма недостаточно. Помѣститься гдѣ либо въ трактирѣ я никакъ не рѣшался. И такъ сыскалъ себѣ на Литейной улицѣ во дворѣ, въ верхнемъ этажѣ флигеля, квартиру въ двѣ комнаты съ кухнею, въ домѣ нѣмца хлѣбника. Прислуги не было никакой, и я самъ долженъ былъ все для себя дѣлать: купилъ сажень рубленныхъ дровъ, сложилъ ихъ въ указанный мнѣ сарайчикъ; бывало, встану поутру рано, натаскаю дровъ, затоплю въ грубкѣ, вскипячу въ чайникѣ воды, напьюсь чаю и иду въ департаментъ, а хозяйку попрошу купить мнѣ чвертку телятины и сжарить. Съ такимъ трудомъ прожилъ я цѣлый мѣсяцъ, а на другой я уже сыскалъ въ переулкѣ, за подворьемъ Тройце-сергіевской лавры, квартиру со столомъ и прислугою, и мнѣ было жить гораздо легче; а вскорѣ одинъ чиновникъ, имѣвшій двухъ человѣкъ у себя, пригласилъ меня жить съ нимъ, раздѣляя по-поламъ издержки.

Узналъ я какъ-то о пріѣздѣ изъ Москвы Анны Андреевны Комбурлеевой и, зная ея доброе ко мнѣ расположеніе, пошелъ поздравить ее съ пріѣздомъ. Тутъ Михаилъ Ивановичъ съ насмѣшкою сталъ говорить: «знаешь-ли ты, душенька, Василій

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябрь, стр. 109—152.

Ивановичъ служитъ теперь въ ученомъ департаментѣ; онъ и самъ человѣкъ ученый»! Григорій Николаевичъ Рахмановъ, пріѣхавшій съ нимъ изъ Москвы, выслушавъ эту насмѣшку, пригласилъ меня потомъ въ свою комнату и сказалъ мнѣ: «Михаилъ Ивановичъ оскорбляется тѣмъ, что вы не захотѣли у него служить».—«Что же дѣлать? отвѣчалъ я; коронная служба всегда предпочитается частной, и пословица говоритъ: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше». Съ того времени я уже не былъ у Михайла Ивановича ни разу. Можетъ быть, я и худо сдѣлалъ для себя, ибо не получилъ отъ него за 4 мѣсяца жалованья; но какъ я ничего для него не дѣлалъ, то и совѣстно было бы мнѣ просить у него, а безъ просьбы врядъ-ли онъ догадался объ этомъ. Проживъ въ Петербургѣ большую часть лѣта, онъ получилъ должность губернатора въ волынской губерніи; но тамъ, за потачку евреямъ ввозить изъ-за границы контрабанду, въ 1815 году былъ отрѣшенъ отъ должности, преданъ суду и умеръ подъ судомъ. Такъ часто люди стремятся туда, гдѣ надѣются найти свое счастіе, но вмѣсто того находятъ тамъ свою погибель! А притомъ ни одинъ человѣкъ не можетъ похвалиться, что онъ всю жизнь былъ счастливъ; особенно большіе въ жизни счастливцы рѣдко оканчиваютъ жизнь благополучно.

Уладивши по возможности свои квартирныя заботы, я началъ ходить каждый день послѣ обѣда въ домъ правителя канцеляріи и учить его дѣтей: двухъ сыновей, Аполлона и Петра и маленькую дочь Надежду русской грамотѣ, французскому языку, ариѳметикѣ и рисованью. Бабушка ихъ Анна Ивановна всегда находилась при ученіи, потому что въ ея комнатѣ я и училъ ихъ. Дѣти охотно и успѣшно учились; а отецъ и мать, Марья Ивановна, были мною весьма довольны и приглашали меня обѣдать въ большіе праздники или въ дни ихъ именинъ, когда бывали у нихъ всѣ ихъ родственники.

Е. И. Станевичъ, по привозѣ сына Григорія Романовича въ Петербургъ, еще въ 1805 году, перешелъ жить на квартиру къ вдовѣ старшей сестрѣ Н. И. Надаржинской, гдѣ я его и заста-

валъ. Но сынъ этой вдовы, однихъ почти лѣтъ съ Ѳедоромъ Шидловскимъ, былъ великій баловень, прежде времени развратившійся, а потому я не ожидалъ ничего хорошаго отъ такого товарищества для сына Григорія Романовича, и время подтвердило мою догадку. Зимою 1805 года Григорій Романовичъ пріѣзжалъ съ Н. Н. Надаржинской въ Петербургъ и я былъ у него и однажды обѣдалъ. Надежда И., казалось, обрадовалась, увидѣвши меня и ласково разговаривала со мною; но я обошелся съ нею уже осторожнѣе прежняго, даже не поцѣловалъ у нея руки. Въ то время она была въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ, оставила монашеское и свой куколь. Григорій Романовичъ при отъѣздѣ взялъ съ собой своего и ея сына и опредѣлилъ обоихъ въ полкъ къ зятю своему барону Ѳ. К. Корфу.

Той же зимы пришлось мнѣ встрѣтиться съ В. Н. Каразинымъ. Однажды послѣ уроковъ съ дѣтьми правителя канцеляріи прихожу ввечеру къ Мойсею Григорьевичу Ушинскому, который, какъ зять его, жилъ въ томъ же домѣ, и застаю тамъ Александра Степановича Бирюкова; а вскорѣ пришелъ туда и В. Н. Каразинъ, пріѣхавшій недавно изъ Украйны. Пошли разговоры. Каразинъ сталъ говорить, что онъ пріѣхалъ съ важнымъ и весьма полезнымъ для винокуренія проэктомъ объ извлеченіи изъ пива водочнаго спирта и что въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ дѣлаетъ химическую печь для этого опыта. Такъ какъ чиновникъ, съ которымъ я жилъ, служилъ въ томъ же департаментѣ, то я и просилъ его дать мнѣ знать, какой успѣхъ будетъ имѣть Каразинъ въ его проэктѣ. Послѣ нѣкотораго времени чиновникъ сообщилъ мнѣ, что директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, М. М. Сперанскій, какъ давнишній другъ Каразина, дѣйствительно велѣлъ отвести комнату для устройства, по указанію Каразина, химической печи и печь была устроена, но что ее нѣсколько разъ уже передѣлывали и стоило это не дешево, а между тѣмъ сколько разъ ни извлекалъ Каразинъ изъ пива водочный спиртъ, все выходило его такъ мало, что спиртъ, обыкновенно на винокуренныхъ заводахъ изъ затора простымъ

образомъ извлекаемый, выходитъ лучшій и несравненно дешевле стоитъ. Такъ и не рѣшились, добавилъ онъ, доложить государю, не находя его способъ выгоднымъ.

Разскажу еще другой случай, который едва не окончился для меня непріятностью.

Правитель канцеляріи А. С. Никольскій вздумалъ составить книгу «Основанія россійской словесности», помѣстивъ въ ней грамматику, риторику и поэзію, для преподаванія въ морскихъ училищахъ. Почти всю ее писалъ Ив. Мих. Фовицкій, другой помощникъ столоначальника, преподававшій прежде въ петербургской семинаріи риторику, Никольскій же сдѣлалъ въ ней лишь нѣкоторыя поправки. Имѣя какое-то неудовольствіе на Е. И. Станевича, онъ въ риторикѣ въ примѣръ безсмыслицы привелъ отрывокъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1805 г., назвавъ его «*галиматьею*». Узналъ я объ этомъ по тому случаю, что Никольскій далъ мнѣ отпечатанные листы для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ нихъ типографскихъ ошибокъ. Читаю я этотъ примѣръ галиматьи и чувствую, что это что-то знакомое мнѣ. Беру сочиненія Евстафія Ивановича и дѣйствительно нахожу приведенный отрывокъ въ статьѣ «О счастіи». Тогда я показалъ приведенное мѣсто старшему сыну Никольскаго, предполагая, что онъ скажетъ о томъ своему батюшкѣ; но онъ не догадался этого сдѣлать. Между тѣмъ дружба моя съ Евстафіемъ Ивановичемъ обязывала меня предупредить его о томъ, такъ какъ это относилось къ хулѣ его слога, которымъ онъ подражалъ благодѣтелю своему Ал. Сем Шишкову, и я рѣшился сказать ему. Въ справедливости моего заявленія Станевичъ удостовѣрился въ морской типографіи, гдѣ печатался этотъ курсъ литературы, и тотъ-часъ обратился къ директору департамента графу де-Местру, а тотъ, какъ ближайшій другъ министра Чичагова, каждый день бывавшій въ его домѣ, разсказалъ ему. Чичаговъ сдѣлалъ за это Никольскому строгій выговоръ, замѣтивъ, что, приводя примѣры худаго слога изъ сочиненій своихъ сослуживцевъ, единственно по нерасположенію къ нимъ, самъ соста-

витель учебной книги подаетъ худой примѣръ ученикамъ, и добавилъ, чтобы онъ непремѣнно выбросилъ этотъ примѣръ. Тогда Никольскій набросился на меня, называлъ меня неблагодарнымъ, предателемъ, измѣнникомъ, *мазепою* и другими оскорбительными словами, едва только удерживаясь бить меня. Не знаю, что было бъ дальше; но тутъ вмѣшалась жена его Анна Ивановна; она мало-по-малу успокоила его и уговорила не сердиться на меня. Никольскій однако былъ въ затрудненіи, чѣмъ замѣнить примѣръ худаго слога, такъ неудачно выбранный, и въ первое присутствіе въ департаментѣ обратился за этимъ къ А. С. Шишкову. Тотъ, не задумавшись, отвѣчалъ: «всего лучше помѣстите изъ сочиненій Сумарокова эпиграмму: «Танцмейстеръ! ты богатъ; профессоръ! ты убогъ; конечно, голова въ почтеніи меньше ногъ»? Съ этимъ примѣромъ и напечатаны «Основанія россійской словесности» на казенный коштъ, а составителю этой книги А. С. Никольскому пожалованъ орденъ св. Анны 2 класса, вскорѣ же послѣ того онъ былъ произведенъ въ д. ст. совѣтники. Такъ, нерѣдко Божіе провидѣніе жестокія бури обращаетъ въ благотворную тишину!

За все время службы моей въ Петербургѣ я продолжалъ вести письменныя сношенія съ благодѣтелемъ моимъ А. А. Палицынымъ и получать отъ него отвѣты, иногда и по два раза въ годъ. Зимою 1807 года умерла предобрая жена его Авдотья Александровна, по смерти которой онъ сдѣлался весьма скучнымъ.

Послѣ описаннаго случая съ книгой «Россійской Словесности», никакихъ уже непріятностей не возникало у насъ съ правителемъ канцеляріи Никольскимъ; напротивъ онъ сталъ показывать какое-то особое ко мнѣ расположеніе. Однажды начинаетъ онъ самымъ чувствительнымъ образомъ благодарить меня за усердное ученіе его дѣтей и говоритъ, что онъ ничѣмъ инымъ не можетъ меня отблагодарить, какъ только предложивъ мнѣ переѣхать къ нему и пользоваться отъ него квартирой, столомъ и прислугою. Опасаясь быть совершенно занятымъ единственно обученіемъ его дѣтей, я учтиво отказался отъ его милостиваго предложенія. Никольскій переждалъ нѣкоторое время

и то же предложеніе сдѣлалъ мнѣ чрезъ Ев. И. Станевича; я опять отказался, заявивъ, что хочу быть свободнымъ. Наконецъ съ тѣмъ же предложеніемъ подступаетъ ко мнѣ старшій сынъ Никольскаго, Павелъ Александровичъ, съ которымъ часто я прохаживался въ Лѣтнемъ саду, и увѣряетъ меня, что если я исполню моимъ согласіемъ волю его отца и матери, то много ихъ обрадую. Опасаясь, чтобъ они не подумали, что я веду развратную жизнь, я согласился напослѣдокъ перейти къ нимъ и перешелъ. Что же? Въ тотъ же день жена Никольскаго, Марья Ивановна, говоритъ мнѣ:

— В. И.! что вы любите по утру пить: чай или кофе? Мы всѣ пьемъ чай; а Сашенька (старшая дочь Никольскихъ, уже невѣста) одна пьетъ кофе. Хотите, и вамъ будутъ его приносить.

— Я не разборчивъ и прихотей не имѣю, отвѣчалъ я; что угодно будетъ вамъ велѣть мнѣ приносить, то и буду пить.

И вотъ мнѣ стали подавать кофе, мнѣ и Сашенькѣ. Это бы ничего; но я замѣтилъ, что ласки Никольскихъ ко мнѣ все увеличиваются, особенно увеличивается расположеніе Сашеньки.

Осенью 1807 г. у зятя ихъ Моисея Гр. Ушинскаго были крестины старшаго его сына; при этомъ былъ по обыкновенію, какъ короткій его пріятель, и Ал. Ст. Бирюковъ. Выпивши шампанскаго за новорожденнаго, послѣдній хотѣлъ поцѣловать Сашеньку; но она прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:

— Этотъ старый, лысый хочетъ меня поцѣловать; лучше я васъ, В. И., по цѣлую.

Я остолбенѣлъ, а Бирюковъ слѣдомъ за нею, слышитъ ея слова, хлопаетъ въ ладоши и кричитъ: «браво, браво!»

Наканунѣ крещенія 1808 года мать Сашеньки, по обыкновенію, вздумала гадать, выливая оловомъ.

— Хотите, говоритъ она мнѣ: я и вамъ загадаю. Посмотримъ, что выйдетъ.

— Хорошо, говорю я

Она вылила и говоритъ:

— Что это все выходитъ вамъ дорога?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ на этотъ разъ и кончился.

18-го марта былъ день ангела Сашеньки; за столомъ подносятъ и мнѣ вино пить за ея здоровье, я отказываюсь. Матушка не вытерпѣла и при всѣхъ родныхъ и при А. С. Бирюковѣ выпалила мнѣ въ упоръ:

— Какъ вамъ не стыдно, В. И.? Сашенька васъ болѣе всѣхъ любитъ, а вы не хотите пить за ея здоровье?

Бирюковъ заоралъ во всю глотку: «браво, браво!» Я сгорѣлъ отъ стыда.

Однакожъ я всегда имѣлъ въ мысляхъ, что я съ маленькимъ моимъ жалованьемъ не могу прилично содержать жены; вотъ старшій зять ихъ столоначальникъ и 1200 руб. получаетъ, а все же съ трудомъ содержитъ свою жену; ему не разъ уже давали чувствовать, что въ домѣ имъ тяготятся и чтобы онъ искалъ себѣ квартиры, но онъ какъ будто не понимаетъ. Думаю себѣ, что та же участь и мнѣ будетъ, если женюсь на Сашѣ. Иное дѣло Ал. Ст. Бирюковъ, бывшій мой учитель: онъ, хотя и старикъ, но уже начальникъ отдѣленія, получаетъ хорошее жалованье, имѣетъ казенную квартиру и дрова, влюбленъ въ нее, и она можетъ быть за нимъ гораздо болѣе счастлива, нежели за мною.

Положеніе мое было щекотливо и затруднительно. Какъ избѣжать его? Искать перемѣщенія по другому министерству въ Петербургѣ? Но Никольскіе почли бы это съ моей стороны неблагодарностью; а можетъ быть потребовали бы отъ меня еще большихъ и тягостнѣйшихъ жертвъ. Всего лучше, думалъ я, искать мнѣ мѣста въ губерніяхъ. И вотъ, помня, какъ дядюшка мой хорошо живетъ въ Харьковѣ губернскимъ архитекторомъ и зная, что онъ выслужилъ уже срокъ службы, я рѣшился напомнить объ немъ сенатору Ал. Теплову, бывши у него на новый годъ. Тепловъ хорошо отозвался о немъ и сказалъ: «если вашъ дядя подастъ въ отставку, пусть напишетъ ко мнѣ, куда поступитъ его прошеніе, и я постараюсь испросить ему пенсіонъ». Объ этомъ благодѣтельномъ отзывѣ я увѣдомилъ дядюшку; но вмѣсто письма къ Теплову, онъ написалъ мнѣ, что служитъ

съ 1765 года, что подалъ въ отставку и желалъ-бы получить хоть малый пенсіонъ и хотя губернаторъ сказалъ ему, что представитъ въ сенатъ, но затѣмъ онъ не знаетъ, куда поступитъ его прошеніе, ибо въ такихъ дѣлахъ не свѣдущъ». Послѣ этого мнѣ нечего было дѣлать и я уже ничѣмъ не могъ возблагодарить моего дядю, принявшаго меня, безпріютнаго сироту, въ свой домъ. Сталъ я послѣ сего высматривать подобное мѣсто въ другихъ губерніяхъ и узнавъ изъ адресъ-календаря, что въ Херсонѣ есть вакансія губернскаго архитектора, а изъ газетъ освѣдомясь о пріѣздѣ въ Петербургъ управлявшаго тремя губерніями новороссійскаго края Дюка-де-Ришелье, подалъ ему просьбу о назначеніи меня на упомянутую должность, представивъ притомъ и нѣкоторые планы, сдѣланные мною въ Петербургѣ по правиламъ городской архитектуры. Навѣдывался я къ нему нѣсколько разъ и, по счастію, засталъ однажды у него франиуза Томона, строившаго въ Петербургѣ зданіе биржи. Тотъ, разсмотрѣвъ мои планы сказалъ, что всѣ желающіе быть губернскими архитекторами не' иначе опредѣляются, какъ по аттестатамъ академіи художествъ за подписью профессора архитектуры Захарова и что Дюкъ велѣлъ мнѣ доставить отъ него аттестатъ. По счастію профессоръ Захаровъ былъ также и главнымъ архитекторомъ по адмиралтействамъ и по его прожекту обстраивалось въ Петербургѣ адмиралтейство, а переписка объ этомъ происходила по моему столу. И такъ представилъ я ему планы, а онъ, испытавъ мои познанія въ архитектурѣ и задавъ мнѣ программу для составленія плана городскихъ воротъ съ башнею при въѣздѣ, дѣланный мною вчернѣ планъ одобрилъ и подписалъ приготовленный мною аттестатъ. Просьба моя и аттестатъ отъ Дюка-де-Ришелье, при отъѣздѣ его, переданы были вновь опредѣленному въ Херсонъ гражданскому губернатору князю Петру Сергѣевичу Мещерскому. На представленіе его министерству внутреннихъ дѣлъ князь Ал. Б Куракинъ, два раза прежде благодѣтельствовавшій мнѣ, изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе меня въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Будучи уже удостовѣренъ въ полученіи новой должности, я подалъ прошеніе въ главный адмиралтейскій

департаментъ объ увольненіи меня отъ должности помощника стольначальника. Представившіяся затрудненія были преодолѣны, и я получилъ увольненіе 4 мая 1808 года.

Настало прощанье съ А. С. Никольскимъ и его семьею. Чувствительны для меня были слезы Марьи Ивановны, ея дочери Сашеньки и прочихъ дѣтей; первая не утерпѣла открыться, что она не думала такъ скоро со мною разстаться.

По отношеніямъ князя Мещерскаго выданы мнѣ были прогоны и подорожная по казенной надобности; сыскался также и хорошій попутчикъ, помощникъ одесскаго почтмейстера, колл. ас. Артемій Макарычъ Худобашевъ. Его мать и братъ, жившіе въ Петербургѣ во дворѣ армянской церкви, надѣлили насъ всѣмъ, нужнымъ намъ въ дорогѣ и мы, купя повозку, поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, какъ ближайшей; къ тому же моему товарищу нужно было заѣхать въ Нѣжинъ къ роднымъ.

Выѣхали мы изъ Петербурга еще по зимней дорогѣ; но скоро она начала портиться, и чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе дорога дѣлалась для насъ затруднительной. За Витебскомъ мы принуждены были переправляться чрезъ распустившіяся уже рѣчки и рѣки, однакожъ благополучно доѣхали до Николаева гдѣ и разстался я съ добрымъ моимъ спутникомъ. Приставъ почтовой станціи не совѣтовалъ мнѣ одному ночью ѣхать на перекладной повозкѣ въ Херсонъ; по дорогѣ, говоритъ онъ, встрѣчаются иногда грабежи, и въ самомъ Херсонѣ жена губернскаго землемѣра Сиврачи убила своего мужа. «Ну, въ хорошую же сторону я ѣду служить», невольно подумалъ я и все таки поѣхалъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Херсонъ прежде всего я поставилъ себѣ обязанностію письменно благодарить Ал. Сер. Никольскаго и жену его Марью Ивановну за тѣ милости, какими я пользовался въ ихъ домѣ; писалъ и къ сыну ихъ Павлу Ал. и зятю Моисею Гр., а также къ почтенному моему наставнику Ал. Ал. Палицыну, извиняясь предъ нимъ, что не могъ ѣхать черезъ Украину и заѣхать къ нему. Въ разное время я велъ отсюда переписку не только съ нимъ, но съ Е. И. Станевичемъ и Ив. Ѳед. Богдановичемъ. Послѣдній давалъ мнѣ замѣтить, что въ

Петербургѣ я могъ бы болѣе выиграть по службѣ, нежели въ Херсонѣ. Можетъ быть, его мысли и справедливы; но я чувствовалъ свои недостатки: простоту, излишнюю откровенность, неискательность и неумѣнье льстить; а съ этими, для большаго свѣта, пороками далеко тамъ не уѣдешь.

Впродолженіи многолѣтняго моего здѣсь служенія со мною случались обстоятельства, сколько припомню, пріятныя и непріятныя.

Первое. Былъ здѣсь строительный комитетъ, въ которомъ князь назначилъ меня быть архитекторомъ съ жалованьемъ по 500 руб. Ему не нравилась фигура купола на зданіи съѣстнаго рынка, именуемаго „*шопою*“, по плану адмиралтейскаго архитектора Ѳ. Ив. Вунша. Я сдѣлалъ фасадъ съ бельведеромъ, уменьшавшимъ величину купола; онъ былъ одобренъ княземъ и въ натурѣ произведенъ.

Второе. Комитетъ призналъ нужнымъ построить близь пристани рѣки Днѣпра лавки для торговцевъ и складки разныхъ припасовъ; для построенія ихъ я сдѣлалъ планъ. По вырытіи рвовъ для фундамента оказалось вода; я разсудилъ сдѣлать изъ деревянныхъ плещиковъ роствергъ и на немъ уже основать каменный фундаментъ. Этотъ способъ оказался хорошимъ, а строеніе столь прочнымъ, что во все время моего въ Херсонѣ житья не было ни малѣйшей трещины на строеніи.

Третье. Составилъ я планы и смѣты для квартиръ военнымъ офицерамъ, въ облегченіе жителей города. Построеніе отдано было подрядчику. При рытьи канавъ для фундаментовъ оказалось во многихъ мѣстахъ, что здѣсь прежде были погреба француза Антоана и завалены навозомъ; градской голова Албрандтъ, бывшій у него прикащикомъ, объ этомъ не сказалъ, и надобно было дѣлать дополнительныя смѣты.

Четвертое. Благодѣтельный для меня князь Мещерскій не долго былъ въ Херсонѣ губернаторомъ. Дюкъ передалъ ему свою обязанность, возложенную на него государемъ: заготовить на сотни тысячъ провіанта и овса для молдавской арміи, пригласивъ дворянъ для поставки его. Дворяне потребовали высокія

цѣны. Въ это время явились Фундуклей и повѣренный Перетца, всеобщаго подрядчика и его товарища по подрядамъ, и просили дать имъ на коммисію эту поставку, съ платежемъ имъ по 5 процентовъ съ рубля, съ тѣмъ, что они берутся поставить провіантъ ниже справочныхъ цѣнъ. На представленіе князя объ утвержденіи этого подряда, Дюкъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что это остается на собственной его отвѣтственности. Коммисіонеры, получа деньги, разослали по разнымъ мѣстамъ своихъ коммиссіонеровъ для покупки провіанта, возовъ, воловъ и фурщиковъ, для доставки его въ Молдавію. Между тѣмъ князь Багратіонъ, командовавшій тогда молдавскою арміею, донесъ государю, что солдаты умираютъ съ голоду. И такъ князь Мещерскій для оправданія, почему онъ не исполнилъ повелѣнія государя о заготовленіи провіанта посредствомъ дворянъ-помѣщиковъ, долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, и оттуда уже не возвратился, а вице-губернаторъ Есиповъ и секретарь его, совѣтовавшіе ему отдать заготовленіе провіанта на коммисію Фундуклею и Перетцу, воспользовались отъ нихъ важными подарками.

Пятое. По молодости и невоздержности моей я заразился скверною болѣзнію и не умѣлъ при началѣ совершенно излѣчиться отъ нея, отъ чего мое здоровье много пострадало: всегдашній на лицѣ моемъ румянецъ и ясность взора исчезли, я сталъ худѣть и сдѣлался непохожъ самъ на себя.

Шестое. Поручено было мнѣ надсматриваніе за починками дома почтовой конторы, а починки эти производилъ почтмейстеръ Пятницкій и дѣлалъ все по своему произволу, а не по смѣтѣ; отъ сего возникла между нами непримиримая вражда, а вскорѣ нашлась другая, еще большая, для того причина. Мой харьковскій соученикъ Николай Подколзинъ былъ женатъ на дочери сего почтмейстера, но не жилъ съ нею, а говорилъ мнѣ, что сама она живетъ съ другими. Однажды ввечеру соборный протоіерей Григорій Саржановичъ приходитъ къ вице-губернатору Ивану Христофоровичу Калагеоргію, который всегда любилъ меня и въ домѣ котораго я всегда былъ принятъ, какъ бы ближайшій его родственникъ. Протоіерей говоритъ ему, что Подколзинъ, оставя

жену, дочь почтмейстера, живетъ съ любовницею и проситъ, чтобъ ему воспрещено было такое беззаконное житье. Выслушавъ протоіерея, я имѣлъ неосторожность сказать: «Батюшка! вы говорили о развратной жизни Подколзина; вамъ бы слѣдовало прежде выслушать его самого; онъ бы вамъ сказалъ, что и жена его не совсѣмъ хорошо ведетъ себя. Какъ отецъ духовный, вы должны ссоры между мужемъ и женою примирять кротостью. Къ тому жъ Подколзинъ служитъ по адмиралтейству полицмейстеромъ; такъ что можетъ гражданская власть надъ нимъ сдѣлать? У него есть свое начальство». Вице-губернаторъ и самъ сказалъ протоіерею, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло; но я чрезъ свою неосторожность нажилъ себѣ и еще двухъ недоброто товъ, протоіерея и губернаторскаго секретаря Похитонова, неразлучнаго друга Пятницкаго.

Седмое. Весною 1809 года пріѣхалъ въ Херсонъ полковникъ артиллеріи Ив. Ив. Львовъ для исправленія въ крѣпости арсенала, построеннаго еще во время князя Потемкина, и по рекомендаціи инженернаго генерала обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ принять на себя завѣдываніе работами, сказавъ притомъ, что адмиралтейскій департаментъ полагаетъ архитектору жалованье 2,500 рублей. Кусочекъ былъ лакомый; но я, зная равьше о желаніи состоявшаго при херсонскомъ адмиралтействѣ архитектора Вунша воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ, притомъ не имѣя у себя помощника, ниже ученика и будучи одинокъ и слабаго здоровья, отказался отъ сдѣланнаго мнѣ Львовымъ предложенія и указалъ на Вунша, человѣка женатаго и имѣющаго много дѣтей, давно въ этомъ краю живущаго, болѣе меня свѣдущаго въ прочности здѣшнихъ матеріаловъ и мастеровыхъ людей. Львовъ предложилъ ему и Вуншъ охотно согласился. Стали свидѣтельствовать поврежденія въ арсеналѣ. Вуншъ хвалился мнѣ выгодною коммисіею, а я передалъ ему подробно мой разговоръ со Львовымъ. Вуншъ цѣлуетъ меня, благодаритъ и говоритъ, что я поступилъ съ нимъ, какъ лучшій его другъ. Но вдругъ дѣло получаетъ неожиданный оборотъ. Предположеніе артиллерійскаго департамента о суммѣ жалованья

архитектору тогда еще не было утверждено, а на представленіи о семъ военный министръ графъ Аракчеевъ написалъ: «съ перваго взгляда усматриваю я нехозяйственное распоряженіе артиллерійскаго департамента. Какъ можно положить архитектору 2,500 рублей? Довольно 500 руб.» Вуншъ письменно отказался тогда отъ предложенныхъ занятій, а Львовъ опять обратился ко мнѣ; когда же я снова отказался, онъ просилъ губернское правленіе предписать мнѣ составить планъ и смѣты на исправленіе арсенала, а мнѣ грозилъ, въ случаѣ моего отказа, донести генералъ-губернатору Дюку-де-Ришелье, который и самъ находился въ зависимости отъ военнаго министра. Отказываться болѣе было невозможно. Но лишь только Вуншъ узналъ о моемъ согласіи, тотчасъ написалъ представленіе своему портовому начальнику фонъ-Миллеру, заявляя, что готовъ заняться смотрѣніемъ арсенала и безъ жалованья. Заявленіе его однакожъ не было принято департаментомъ, Львовъ получилъ даже выговоръ за медленность. Но мнѣ отъ того было не легче. Градская полиція показала цѣны матеріаламъ и мастеровымъ весьма низкія, а Львовъ такъ торопилъ меня составленіемъ смѣтъ, что не доставало мнѣ времени внимательно и подробно вникнуть во всѣ мелочи подробныхъ матеріаловъ и подѣлокъ и положить имъ настоящія цѣны. На всѣ работы было исчислено мною 225,033 р. 95 коп. и сверхъ того я имѣлъ осторожность положить на всю сумму десять процентовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на матеріалы и рабочихъ. Такихъ-то хлопотъ и непріятностей набрался я, желая сдѣлать добро другому!

Восьмое. Военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, видя хорошее управленіе губерніею вице-губернатора Калалеоргія, представилъ его въ губернаторы; но на докладѣ о семъ министра внутр. дѣлъ государь изволилъ написать: «молодъ!» Причина однакожъ была другая: за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Калагеоргій, бывши совѣтникомъ въ херсонской казенной палатѣ, за растрату казначеями денегъ, отрѣшенъ былъ вмѣстѣ съ прочими членами отъ должности, и мѣсто вице-губернатора получилъ единственно по ходатайству великаго князя Константина

Павловича, котораго онъ и Курута учили греческому языку. Губернаторомъ къ намъ, по представленію Дюка, былъ назначенъ служившій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій, давнишній мой знакомый, камеръ-юнкеръ Гр. Н. Рахмановъ. Это дало поводъ Калагеоргію сказать: «мнѣ около 40 лѣтъ и меня назвали молодымъ; а вмѣсто меня поставили губернаторомъ старика 25 лѣтъ»!

Девятое. Григорій Николаевичъ Рахмановъ былъ женатъ на Катеринѣ Аполлоновнѣ Волковой, дочери члена государственнаго совѣта. Это была красавица въ собственномъ смыслѣ и такъ превосходно и быстро играла на фортепьяно, что во всю мою жизнь я не видѣлъ подобной искусной игры; при томъ она и пѣла очень хорошо и имѣла прекрасный голосъ. По вступленіи Г. Н. Рахманова въ должность 1809 года, однажды онъ спрашивалъ секретаря своего Похитонова о познаніяхъ и способностяхъ и о поведеніи многихъ губернскихъ чиновниковъ. Похитоновъ о каждомъ изъ нихъ отзывался по своему расположенію, напослѣдокъ сказалъ: «есть у насъ губернскій архитекторъ Ярославскій, человѣкъ молодой, гордый, не повинуется предписаніямъ начальства». Григорій Николаевичъ на эту аттестацію о мнѣ сказалъ: «О Василіѣ Ивановичѣ не говорите мнѣ ни слова; я его прежде васъ всѣхъ и лучше васъ всѣхъ знаю». Пересказывалъ мнѣ это полиціймейстеръ Константиновъ, бывшій при томъ разговорѣ.

Десятое. Похитоновъ продолжалъ и далѣе мстить мнѣ; но я нашелъ себѣ защиту въ Рахмановѣ. Строительный комитетъ предположилъ для осушки городскихъ низменныхъ мѣстъ, лежащихъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, раздать землю желающимъ по участкамъ, назначеннымъ по плану, для огородовъ и разведенія садовъ. Я выбралъ себѣ участокъ, гдѣ было посуше, и подалъ въ комитетъ просьбу объ отводѣ его мнѣ; а въ тоже время совѣтовалъ хорошему пріятелю своему кол. асс. Василію Иван. Ксіонзенку, помощнику почтмейстера, просить участокъ подлѣ моего, что тотъ и сдѣлалъ. Похитоновъ, завѣдывавшій дѣлами и въ комитетѣ, захотѣлъ взять себѣ участокъ земли, просимый

Ксіонзенкомъ, и написалъ опредѣленіе о раздачѣ участковъ земли всѣмъ просителямъ, кромѣ Ксензенка, о просьбѣ котораго вовсе было умолчано. Увидавъ это опредѣленіе у члена комитета, купца Андрея Козорѣзова, я въ досадѣ разорвалъ оное. О такой дерзости моей Похитоновъ не преминулъ донести губернатору, требуя предать меня уголовному суду; но какъ опредѣленіе не было еще подписано никѣмъ, кромѣ Похитонова, то губернаторъ, узнавъ изъ словеснаго моего оправданія всю несправедливость своего секретаря, оставилъ это дѣло, сказавши только мнѣ, что «не слѣдовало рвать опредѣленія, хотя оно было и несправедливо составлено, и что Ксензенко самъ, если онъ чувствовалъ обиду, могъ жаловаться». Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что всѣ участки остались безъ раздачи: по распоряженію губернатора, на тѣхъ низменныхъ мѣстахъ сдѣланъ былъ по моему плану бульваръ, обсаженный деревьями и обнесенный деревянною рѣшеткою.

Одинадцатое. Осенью 1809 года губернаторъ, отправляясь въ Елисаветградъ и Александрію, для обревизованія губерніи, взялъ и меня съ собою. Въ первомъ городѣ мы остановились въ домѣ богатаго откупщика Фундуклея, и тутъ было намъ дѣлано великолѣпное угощеніе. Получивъ здѣсь отъ военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье предписаніе о заготовленіи для молдавской арміи провіанта и овса посредствомъ дворянъ помѣщиковъ, Гр. Н. Рахмановъ отвѣчалъ, что онъ приметъ всѣ мѣры для удачнаго выполненія и съ пользою для казны этого порученія, но съ тѣмъ, если Дюкъ испроситъ у государя производство его въ дѣйств. стат. совѣтники. Дюкъ поспѣшилъ дать ему въ томъ удостовѣреніе, и мы поѣхали въ александрійскій уѣздъ и остановились въ селѣ Онофріевкѣ, имѣніи Мих. Ив. Комбурлея. Сюда собраны были помѣщики нѣсколькихъ уѣздовъ; недѣли двѣ угощали ихъ хорошими винами, столомъ, ѣздили на охоту. Такимъ способомъ Рахмановъ успѣлъ склонить ихъ сдѣлать приговоръ о доставкѣ въ Херсонъ, соразмѣрно владѣемаго каждымъ помѣщикомъ числа душъ крестьянъ, положенное количество четвертей ржи, пшена, крупъ и овса. Тутъ были помѣщики елисаветградскаго,

ольвіопольскаго, александрійскаго и херсонскаго уѣздовъ и всѣмъ имъ Григорій Николаевичъ назначилъ цѣну ржи по 7 руб. ассигнаціями. Въ Херсонѣ, куда я въ самомъ началѣ этого дѣла былъ отправляемъ для возвышенія и вымощенія затопляемыхъ водою низменныхъ мѣстъ, закипѣло построеніе вновь и оснащеніе прежнихъ судовъ; началась доставка провіанта и фуража въ Молдавію и Валахію въ назначенные порты. Всю эту операцію Григорій Николаевичъ возложилъ на полиціймейстера Константинова и, считая его преданнымъ себѣ, самъ росписывался въ принятіи изъ уѣзднаго казначейства суммъ, а ему выдалъ книгу для записки въ нее, сколько кому будетъ выдано, за доставку провіанта денегъ, придавъ ему въ помощь и для веденія всѣхъ разсчетовъ довѣреннаго своего секретаря Требухова. Но Константиновъ увѣрилъ этого послѣдняго, что теперь некогда каждую выдачу денегъ заносить въ книгу, довольно брать отъ судовщиковъ росписки въ полученіи ими денегъ, а послѣ на свободѣ можно будетъ записать всѣ расходы въ книгу. Григорій Николаевичъ, слишкомъ довѣряя имъ, не позаботился тогда же взглянуть въ книгу и такое упущеніе было для него впослѣдствіи времени крайне непріятно; но объ этомъ скажу послѣ.

Двѣнадцатое. Дюкъ выполнилъ свое обѣщаніе и Григорій Николаевичь въ 1810 г. изъ камеръ-юнкеровъ пожалованъ былъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, хотя не задолго предъ тѣмъ издано было именное повелѣніе, что тѣ только камеръ-юнкеры считаются въ 5 классѣ, которые находятся при дворѣ въ должности. Со всѣми губернскими чиновниками и я пришелъ поздравить Григорія Николаевича съ полученіемъ этого вожделѣннаго чина. Помню, что. послѣ поздравленія я стоялъ у окна; Григорій Николаевичъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «мнѣ только 25 лѣтъ, и я уже дѣйств. ст. совѣтникъ, а тамъ буду тайный, а тамъ, а тамъ»..... Я отъ души пожелалъ ему все получить. Удачная доставка провіанта послужила ему въ 1811 году и къ другой важной наградѣ: имѣя только св. Владиміра 4 степени, онъ прямо получилъ 1 степени св. Анны. Въ другое время, идучи со мною по улицѣ, Григорій Николаевичъ говорилъ

мнѣ: «я выполняю теперь важную коммисію,—поставку провіанта для арміи 150 тысячъ четвертей: показавъ за доставку по 1 руб. выше настоящей цѣны, можно бы получить 150 тысячъ рублей, а по 2 р.—и вдвое больше; но я помню, что мы всѣ смертные и по смерти ничего съ собою не возьмемъ». Я похвалилъ его безкорыстіе; однако послѣ я видѣлъ на лицѣ его пушекъ, какъ говоритъ баснописецъ Крыловъ.

Тринадцатое. Составленные мною и посланные въ Петербургъ планы и смѣты на перестройку арсенала разсматривались тамъ весьма долго и возвращены лишь въ ноябрѣ 1809 г. притомъ съ значительными перемѣнами. Велѣно было первоначально заняться сломкою арсенала, а потомъ раздѣлить работы такъ, чтобы каждая часть, кромѣ матеріаловъ, не превышала 10,000 рублей. Подрядчикъ Грудницкій брался произвести всѣ работы за исчисленныя по смѣтамъ суммы, съ прибавкою противъ нихъ десяти процентонъ и съ тѣмъ чтобы казначейство каждый мѣсяцъ выдавало ему на 500 рублей мѣдными деньгами, въ которыхъ былъ тогда большой недостатокъ. Представленіе объ этомъ долго лежало сперва въ артиллерійскомъ департаментѣ, потомъ у военнаго министра, наконецъ въ сенатѣ; такъ какъ подрядъ былъ на большую сумму, то вѣрно ждали, что подрядчикъ самъ явится къ нимъ съ поклономъ. Сенатъ наконецъ утвердилъ контрактъ; департаментъ предписалъ Львову заключить съ Грудницкимъ контрактъ съ наддачею противъ смѣтъ десяти процентовъ, но въ размѣнѣ денегъ на мѣдь министерство финансовъ отказало. Прошло между тѣмъ больше года отъ составленія смѣтъ; цѣны на матеріалы и рабочихъ значительно поднялись и перестроить арсеналъ по прежнимъ смѣтамъ не представлялось уже возможности: подрядчикъ, вмѣсто обогащенія, могъ разориться самъ и подвергнуть тяжкой отвѣтственности меня вмѣстѣ съ Львовымъ. Я счелъ нужнымъ объяснить это подрядчику; тотъ сначала не повѣрилъ, а когда призванные имъ каменщики удостовѣрили его, что цѣны стали вдвое дороже противъ смѣты, то онъ рѣшительно на бумагѣ отказался отъ подряда. Припоминаю себѣ все неудовольствіе на меня и выговоръ со слезами добраго И. И.

Львова: «я считалъ тебя, говорилъ онъ мнѣ, лучшимъ моимъ другомъ, а теперь вижу, что ты первый мой врагъ! Что мнѣ теперь дѣлать? Вся служба моя этимъ опорочена!» Для успокоенія его, я сказалъ: «представляя объ отказѣ подрядчика Грудницкаго, вы напишите, что какъ здѣсь нѣтъ другихъ подрядчиковъ, то въ такой крайности не остается вамъ иного средства, какъ взять на себя обязанность перестройки арсенала хозяйственнымъ образомъ, стараясь по возможности не выходить изъ смѣтнаго положенія». Въ такомъ смыслѣ было отъ него написано представленіе арт. департаменту, которое, по докладу военнаго министра, государь изволилъ утвердить, съ тѣмъ лишь, чтобы перестройка арсенала производилась подъ главнымъ надзоромъ военнаго губернатора, Дюка-де-Ришелье.

Четырнадцатов. Учрежденный для перестройки арсенала комитетъ повелъ быстро работы. Между тѣмъ Григорію Николаевичу прискучилось жить въ крѣпости, отстоящей отъ города версты на полторы, и особенно въ осеннее и зимнее время, въ городѣ же для его помѣщенія удобнаго дома не было. Онъ захотѣлъ строенный комитетомъ домъ для квартиръ офицерамъ обратить для помѣщенія гимназіи, съ тѣмъ, чтобы устроить при этомъ и для себя квартиру. Помѣщеніе для гимназіи тѣмъ болѣе было необходимо, что уже и директоръ ея въ Херсонъ прибылъ. За отказомъ подрядчика Вармера отъ этой перестройки, комитетъ самъ началъ производить работы; но для этого новаго предположенія надлежало изъ маленькихъ комнатъ дѣлать большія, кухни обратить въ залу для экзаменовъ, а погреба въ кухни; также сдѣлать конюшни и сараи. Все это требовало большихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что при рытьѣ рвовъ для фундамента оказались такія же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, глубокія ямы, закиданныя навозомъ. Случилось еще, что сосѣдній весьма ветхій домъ, который я надѣялся поддержать постройкою новой стѣны, почти обвалился. Это вмѣнено было мнѣ въ упущеніе, и надзоръ за работами порученъ былъ сперва инженерному подполковнику Банову, а послѣ отказа его морскому архитектору Вуншу. Всѣмъ этимъ распоряжался Григорій Николаевичъ и

той же осени перешелъ въ этотъ домъ жить. Въ двухъ комнатахъ близь большой его залы учители гимназіи преподавали науки. Въ 1811 году онъ принималъ въ этомъ домѣ Марью Антоновну Недышкину, путешествовавшую по южнымъ губерніямъ Россіи. Въ томъ же домѣ въ большой залѣ угодно было ему назначить лѣтомъ произвесть дворянскіе выборы. Женское любопытство побудило Катерину Аполлоновну одинъ или два раза войти въ залъ во время выборовъ сказать нѣсколько словъ александрійскимъ помѣщикамъ. Губернскій прокуроръ Мержіевскій, съ котораго полиціймейстеръ Константиновъ взыскивалъ должные имъ кому-то тысячу рублей и которому Григорій Николаевичъ на его жалобу о семъ сказалъ, что Константиновъ исполняетъ свою должность, воспользовался этимъ случаемъ и послалъ доносъ министру юстиціи, что губернаторъ назначилъ выборы въ томъ домѣ, въ которомъ самъ живетъ, склонялъ дворянъ выбирать въ разныя должности такихъ, какіе ему были угодны и что жена его выходила во время выборовъ въ залъ и о томъ же дворянъ уговаривала. При докладѣ о семъ министромъ, государь изволилъ велѣть сенату потребовать отвѣтъ отъ губернатора. Григорій Никол. просилъ Дюка писать государю въ защиту его; но Дюкъ отказался. И такъ надобно было Григорію Никол. ѣхать самому въ Петербургъ для отвѣта. Тутъ только спохватились члены строительнаго комитета, видя, что весьма большая сумма употреблена на домъ гимназіи, что по этому предмету не сдѣлано никакого постановленія въ комитетѣ и что вся отвѣтственность обратится на нихъ однихъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Бановымъ и его отказа, пришлось мнѣ, по просьбѣ Григорія Николаевича, составлять фальшивую смѣту, со многимъ грѣхомъ и ложью, чтобы вывесть издержанную сумму. Секретарь Похитоновъ написалъ опредѣленіе и всѣ члены комитета подписали. Само собою разумѣется, что при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ съ Григоріемъ Николаевичемъ объясненій.

Пятнадцатое. Видя его неудовольствіе на меня, котораго я отнюдь не заслуживалъ, я вовсе пересталъ къ нему ходить;

но въ началѣ іюля захотѣлось мнѣ поѣхать въ Одессу, гдѣ хорошій мой пріятель В. И. Ксіонзенко исправлялъ должность почтмейстера, и я поневолѣ долженъ былъ идти къ Григорію Николаевичу и просить его уволить меня на 29 дней и выдать подорожную. Онъ былъ однако столько милостивъ ко мнѣ, что не только далъ мнѣ отпускъ и подорожную, но даже спросилъ, отъ чего я пересталъ къ нему ходить, и потомъ сказалъ, что онъ не можетъ на меня сердиться. Поѣздка моя въ Одессу была для меня весьма полезною. Кромѣ свиданія съ моимъ пріятелемъ Ксіонзенкомъ, я познакомился у него и коротко подружился съ учителемъ россійской словесности въ ришельевскомъ лицеѣ Ив. Ив. Гуржеевымъ, который, занявъ вскорѣ мѣсто правителя канцеляріи при военномъ губернаторѣ, графѣ Александрѣ Ѳедоровичѣ Ланжеронѣ, много благодѣтельствовалъ мнѣ по службѣ.

Шестнадцатое. Губернскій землемѣръ Анатольскій, мой кумъ и землякъ, умеръ. Григорій Николаевичъ предложилъ мнѣ его мѣсто. Зная, что губернскому землемѣру на сто рублей больше жалованья, нежели губернскому архитектору, что должность эта въ 8-мъ классѣ, а архитектору не назначено класса, и что сверхъ того ему дается казенная квартира для чертежной и прислуги, а для письмоводства писецъ, я охотно согласился. Григорій Николаевичъ сдѣлалъ представленіе межевому департаменту сената, а я написалъ къ благодѣтельному князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, и по его ходатайству вскорѣ опредѣленъ въ губернскіе землемѣры.

Григорій Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ взять къ себѣ сына несчастнаго губернскаго землемѣра Сиврачева, котораго мать за убіеніе мужа сослана въ Сибирь, въ каторжныя работы, образовать его и дать ходъ по службѣ, что я охотно и исполнилъ. Выучилъ его ариѳметикѣ, геометріи и въ практикѣ межеванію. Видя удивительную въ немъ способность къ рисованію, я давалъ ему хорошія картины для рисованія—сначала тушью кистію, а послѣ и красками; онъ снималъ даже съ портретовъ въ уменьшенномъ видѣ. По представленіямъ моимъ онъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, а потомъ и мѣсто херсонскаго уѣзднаго землемѣра. Но въ 1841

году онъ нарисовалъ 25 руб. ассигнацію... По счастію тогда вызывались желающіе гражданскіе чиновники въ военную службу, и какъ онъ изъявилъ согласіе, то по просьбѣ моей вице-губернаторъ Калагеоргій отправилъ его въ Варшаву. Спустя много лѣтъ, служа въ московскомъ гренадерскомъ полку, онъ былъ уже произведенъ въ подполковники.

Семьнадцатое. Родной братъ мой, учитель изюмскаго училища, Иванъ Ивановичъ 1812 г. прислалъ мнѣ меньшаго своего сына Василія, котораго назвалъ моимъ именемъ изъ любви ко мнѣ, и просилъ принять его вмѣсто сына. Я обучилъ его и опредѣлилъ въ губернское правленіе, которое прикомандировало его ко мнѣ писцомъ. Будучи опредѣленъ совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату 24 мая 1817 года, я и его туда перевелъ. Этотъ племянникъ имѣлъ послѣ чинъ надворнаго совѣтника, былъ совѣтникомъ при бессарабскихъ озерахъ; вышедши въ отставку, пріѣхалъ въ Екатеринославъ, но здѣсь заболѣлъ и умеръ въ 1842 году.

Восемнадцатое. Швейцарцу Ревильдеру, за его благоразумныя распоряженія въ Одессѣ во время чумы 1812 г., Дюкъ, по просьбѣ его, захотѣлъ дать земли подъ разведеніе шпанскихъ овецъ. Избранный для сего пустопорожній казенный участокъ 12,000 дес. земли я въ натурѣ отводилъ; Ревильдеръ построилъ на немъ каменныя овчарни и завелъ нѣсколько тысячъ овецъ; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, при учрежденіи въ херсонской губерніи военныхъ поселеній, этотъ участокъ, не смотря на защиту военнаго губернатора графа Ланжерона, былъ обращенъ на сѣнокосъ для поселеній и Ревильдеру заплачены были только издержки, употребленныя на постройку овчарень.

Девятнадцатое. Варвара Алексѣевна, жена моего пріятеля В. Ив. Ксіонзенка, получивъ отъ отца своего нѣсколько душъ крестьянъ въ селѣ Санджарахъ, полтавской губерніи, захотѣла перевести ихъ въ херсонскую губернію. Я пріискалъ казенный пустопорожній участокъ въ 1500 дес. въ елисаветградскомъ уѣздѣ, сдѣлалъ планъ и послалъ его Василію Ивановичу. Дюкъ-де-Ришелье, по просьбѣ его, отдалъ ему этотъ участокъ подъ поселе-

ніе. Въ 1816 году я былъ у нихъ въ этой деревенькѣ и видѣлъ его маленькое хозяйственное заведеніе.

Двадцатое. Послучаю постройки бобруйской крѣпости велѣно было 500 душъ бобылецкихъ крестьянъ, занимавшихъ эту мѣстность, перевести въ херсонскую губернію и поселить на пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ. По недостатку лѣса, избы для нихъ оплетены были камышемъ и имъ покрыты, а внутри и снаружи вымазаны глиною. Крестьяне, надѣясь, что будутъ переведены на прежнее ихъ жительство, не хотѣли перейти въ такое жилье и избы отъ времени обветшали и разорены. По жалобѣ крестьянъ министру внутреннихъ дѣлъ на худое устройство избъ, министръ прислалъ для обозрѣнія на мѣстѣ своего чиновника, который подтвердилъ справедливость жалобы. Наряжена была слѣдственная коммисія, состоявшая изъ предсѣдателя уголовной палаты Бор. Бор. Лопатинскаго, министерскаго чиновника и меня. Мы объѣхали всѣ бобылецкія селенія; я сдѣлалъ смѣту на поправленіе и постройку новыхъ избъ, а также планъ для надѣленія участками земли каждаго селенія. Всѣ эти предположенія были утверждены правительствомъ и потомъ присланы для исполненія къ военному губернатору графу Ланжерону. Построеніе избъ онъ поручилъ служащему при немъ чиновнику Николаю Дмитріевичу Кулаковскому, а мнѣ предписалъ имѣть надзоръ надъ постройкою избъ и отдѣлить земли, назначенныя по плану для каждаго бабылецкаго селенія. Я старался выполнить данное мнѣ порученіе; но въ одномъ селеніи бобылецкіе крестьяне не допустили меня провесть межу подъ тѣмъ предлогомъ, что я отвожу имъ худшіе участки, а лучшіе, хотя и въ отдаленіи, останутся помѣщикамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1818 года, въ проѣздъ государя, они подали ему на меня жалобу, что я не ту землю имъ отвелъ, а крестьяне прочихъ селеній жаловались на Кулаковскаго, что непрочныя избы имъ построены. Государь поручилъ генералъ-маіору Сталю разсмотрѣть и удовлетворить на мѣстѣ просьбу крестьянъ. Я вовсе не зналъ о поданной на меня жалобѣ; но, за отсутствіемъ губернскаго землемѣра, получивъ предписаніе губернатора Сенъ-При доста-

витъ фонъ-Сталю планъ землямъ бобылецкихъ крестьянъ и поѣхать съ нимъ, я имѣлъ случай на мѣстѣ, при этихъ крестьянахъ, показать ложность ихъ жалобы и прочность постройки избъ. Генералъ Сталь оправдалъ Куликовскаго и меня предъ государемъ.

Двадцать первое. Гр. Н. Рахмановъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и не былъ принятъ государемъ. По счастію для него, генералъ Эртель заключилъ контрактъ по слишкомъ высокимъ цѣнамъ на поставку провіанта для молдавской арміи. Тогда государь принялъ Раханова и возложилъ на него должность генералъ-интенданта. Принявъ эту должность, Рахмановъ вызвалъ къ себѣ Константинова и Требухова. Въ концѣ 1812 года, по соединеніи молдавской арміи съ главною, онъ выполнялъ эту должность и за границею, и за службу тамъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Владиміра 2-й степени. Послѣ лейпцигскаго сраженія Рахмановъ былъ назначенъ въ герцогство для продовольствія войскъ: но сказался больнымъ и отпущенъ въ Россію для излѣченія. Въ 1814 году онъ пріѣхалъ въ Херсонъ для составленія отчетовъ по поставкѣ провіанта въ молдавскую армію въ 1810 и 1811 годахъ; съ нимъ пріѣхалъ и Константиновъ, уже надворный совѣтникъ и имѣя орденъ св. Анны 2 класса. Вмѣсто всякаго отчета Константиновъ представилъ книгу, въ которую мало было записано статей, а вмѣсто ихъ привезъ полный мѣшокъ росписокъ отъ судовщиковъ въ полученіи ими денегъ за доставленный въ молдавію провіантъ. Тогда только Григорій Николаевичъ увидѣлъ, какъ худо Константиновъ оправдалъ его довѣріе. Чтобы составить изъ этихъ росписокъ отчетъ, для этого требовалось много времени и труда, словомъ: это слишкомъ долгая была пѣсня. Григорій Николаевичъ повезъ Константинова въ свое село Бобрикъ; но сколько не трудились тамъ въ составленіи отчета, все таки не досчитались около двухъ сотъ тысячь рублей. Видя свою вину, Константиновъ скрытно уѣхалъ въ Петербургъ и узнавъ тамъ, что Комбурлей отданъ подъ судъ за допущеніе контрабандъ въ волынской губерніи, сдѣлалъ доносъ, что и Елизавета Петровна, мать Григорія Николаевича, пользовалась от-

туда контрабандными товарами. Для разслѣдованія по этому доносу присланы были изъ Петербурга чиновники, но товаровъ конечно не нашли. А Григорій Николаевичъ ничего не могъ сдѣлать съ отчетомъ и вынужденъ былъ заплатить недостающую сумму. Это подтверждали многіе свѣдующіе люди.

Двадцать второе. Графъ Аракчеевъ просилъ военнаго губернатора графа Ланжерона приказать сдѣлать для него карту херсонской губерніи, на которой всѣ земли казенныхъ селеній означены были бы особою краскою, чтобы можно было ихъ отличить отъ земель помѣщичьихъ селеній. Составленная мною такая карта была представлена графу Аракчееву, и онъ руководствовался ею въ причисленіи казенныхъ селеній къ военнымъ, отъ меня же болѣе по сему предмету свѣдѣній не было требуемо.

Двадцать третье. Въ 1817 году мой благодѣтель Иванъ Хр Калагеоргій, въ домѣ котораго не только онъ, но его жена Елисавета Григорьевна и всѣ ихъ дѣти меня любили, былъ назначенъ въ Екатеринославъ губернаторомъ; на мѣсто его вице-губернаторомъ прибылъ къ намъ Антонъ Ивановичъ Тимановичъ, бывшій правитель канцеляріи Дюка-де-Ришелье.

Двадцать четвертое. Памятенъ для меня этотъ годъ и по другой причинѣ: занимаясь надзоромъ надъ постройкою избъ и измѣреніемъ земель, назначенныхъ бобылецкимъ крестьянамъ, въ такихъ степяхъ, гдѣ еще водились дикія лошади, я подмочилъ ноги и сильно простудился. Приходилось проживать тамъ иногда по цѣлому мѣсяцу, не имѣя для ночлега какой либо избы; спалъ я въ бричкѣ, переносилъ всякую перемѣну погоды и получилъ сильный воспалительный ревматизмъ и ломъ въ ногахъ. Всѣ употребленныя мною средства къ излеченію долго были безполезны, я не могъ распрямить спины и стоять твердо на ногахъ; три мѣсяца не выходилъ изъ комнаты. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи я сдѣлался набожнымъ; прочелъ ветхій и новый завѣтъ, подаренные мнѣ помѣщикомъ Якимовичемъ, членомъ бывшаго Библейскаго общества. Въ это-то время, когда Богъ за грѣхи мои и неумѣренность въ сладострастныхъ наслажденіяхъ

наказалъ меня, я прибѣгнулъ къ нему съ сердечною молитвою и излилъ предъ нимъ мысли свои въ трехъ бесѣдахъ 1) о зависти и вмѣстѣ съ тѣмъ о страданіи, смерти и погребеніи Господа Іисуса Христа, 2) о раскаяніи въ грѣхахъ въ день блуднаго сына и 3) о безсмертіи души. Только время и питье декокта въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы облегчили мое болѣзненное состояніе; но уничтожить его не могли, какъ и о кавказскихъ водахъ сказано, что онѣ отъ другихъ болѣзней навсегда излечиваютъ но ревматизмъ и другія мѣстныя, въ тѣлѣ происходящія отъ него, болѣзни при малѣйшей неосторожности возобновляются.

Двадцать пятое. Вмѣсто ордена св. Владиміра 4 степени, къ которому графъ Ланжеронъ представлялъ меня, объявлено мнѣ монаршее благоволеніе. Чувствуя свою обиду въ замѣнѣ для меня одной награды другою, я по сему случаю выступалъ съ рапортомъ къ графу Ланжерону, и онъ былъ такъ милостивъ, что не только чрезъ правителя его канцеляріи обѣщалъ при первомъ случаѣ доставить мнѣ желаемую награду. но, будучи въ Херсонѣ проѣздомъ въ Крымъ, сказалъ при всѣхъ представлявшихся ему чиновникахъ, «не буду я графъ Ланжеронъ, если не доставлю вамъ владимірскаго креста».

Двадцать шестое. Въ 1816 году на мѣсто Гр. Н. Рахманова былъ переведенъ къ намъ изъ каменецъ-подольской губерніи губернаторъ графъ Сен-При и занялъ квартиру въ домѣ гимназіи. Осенью этого года ожидали пріѣзда въ Херсонъ великаго князя Николая Павловича. Губернаторъ велѣлъ мнѣ сдѣлать рисунокъ для иллюминаціи; я сказалъ ему, что вовсе не занимался этимъ и не знаю, въ какомъ видѣ произвесть.—Ну, въ видѣ какихъ-либо тріумфальныхъ воротъ, сказалъ онъ; но и этому желанію его удовлетворить я не могъ и обѣщалъ лишь рисунокъ воротъ. Упросили полковника Львова сдѣлать ихъ по моему рисунку. Колонны и карнизы онъ означалъ круглыми дырочками, заклеенными разноцвѣтными тафтами. Иллюминація вышла весьма неудачна. Въ этомъ же году я опять страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ ревматизмомъ, не могъ расправить спины и ходилъ съ трудомъ, согнувшись. Губерна-

торъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на перестройку находившагося въ развалинахъ дома бывшаго молдавскаго господаря Ипсиланти, для помѣщенія въ немъ городской больницы. Я отказывался отъ этой трудной работы по причинѣ болѣзненнаго моего состоянія. Онъ наговорилъ мнѣ много непріятныхъ словъ и угрозъ. Опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ со мною чего-либо худшаго, я подалъ ему прошеніе объ увольненіи меня отъ должности землемѣра по болѣзни. Графъ Ланжеронъ, которому представлено было мое прошеніе, зная меня за хорошаго по службѣ чиновника, хотя представилъ въ сенатъ объ увольненіи меня отъ землемѣрской должности, но въ тоже время вошелъ съ представленіемъ къ министру финансовъ объ опредѣленіи меня совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату, въ которую я и былъ опредѣленъ 1817 года, мая 24-го. И на этой должности губернаторъ Сен-При не далъ мнѣ покоя: онъ просилъ меня удѣлить свободное время для составленія плана и смѣты для починки и перестройки каменнаго двухъ-этажнаго дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Суворовъ, для помѣщенія въ немъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и я долженъ былъ выполнить его желаніе.

Двадцать седьмое. Во время служенія моего въ казенной палатѣ также случались со мною непріятности.

1) При производствѣ торговъ на отдачу питей въ одесскихъ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ, когда торги остались за одесскимъ откупщикомъ, короткимъ пріятелемъ вице-губернатора Тимановича, казенная палата въ угожденіе ему постановила было тогда же заключить съ подрядчикомъ и контрактъ, какого права сенатъ ей не предоставилъ. Я спорилъ и не подписывалъ опредѣленія потуда, пока не прибавили въ немъ словъ: «если объявленныя на торгахъ цѣны будутъ утверждены сенатомъ». Этотъ случай подалъ поводъ вице-губернатору быть ко мнѣ не расположеннымъ.

2) Министръ финансовъ нѣсколько разъ требовалъ отъ палаты присылки сравнительной вѣдомости прежней ревизіи съ новою, съ объясненіемъ, куда дѣвалась каждая душа,

показанная по прежней ревизіи. Недоброхотъ мой Похитоновъ большею частію былъ увольняемъ вице-губернаторомъ въ деревню, оттого замедлилось по моему отдѣленію это дѣло. Онъ винилъ меня въ медленности и я принужденъ былъ сказать ему всю правду.

3) Министръ финансовъ велѣлъ обложить владѣльческія незаселенныя за Бугомъ земли податьми. Надобно было собрать чрезъ земскіе суды имена всѣхъ забугскихъ владѣльцевъ, сколько числится за каждымъ земли, а отъ екатеринославской межевой конторы свѣдѣніе, сколько въ каждомъ владѣльческомъ участкѣ удобной земли оказалось въ натурѣ по формальному межеванію, ибо неудобную землю не слѣдовало облагать податью. Этою продолжительною работою я занялся самъ и не мало мнѣ стоило труда составить подробную вѣдомость для всѣхъ владѣльческихъ забугскихъ земель трехъ уѣздовъ; въ то же время всѣ тѣ земли, которыя по числу поселенныхъ душъ остались излишними, были обложены податью.

Двадцать восьмое. Графъ Ланжеронъ повторилъ свое представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о наградѣ меня орденомъ св. Владиміра, указавъ ему, что я занимался обмежеваніемъ бобылецкимъ крестьянамъ земли; но и на сей разъ мнѣ, вмѣсто креста, былъ назначенъ подарокъ изъ кабинета, брилліантовый перстень въ 500 рублей.

Двадцать девятое. Когда въ 1818 году государь находился въ Одессѣ, то графъ Ланжеронъ, не надѣясь, чтобъ уважено было министромъ внутреннихъ дѣлъ его о мнѣ представленіе и помня данное имъ мнѣ обѣщаніе, въ составленной имъ самимъ запискѣ о наградѣ разныхъ чиновниковъ помѣстилъ и меня къ наградѣ Владиміромъ 4 степени; но при этомъ ошибочно назвалъ меня, вмѣсто титулярнаго совѣтника, коллежскимъ ассесоромъ. Эту записку онъ подалъ лично государю. И такъ 3 мая былъ я награжденъ этимъ вожделѣннымъ для меня орденомъ и получилъ оный при письмѣ графа. Въ газетахъ обѣихъ столицъ я былъ названъ коллежскимъ ассесоромъ; но когда полученная изъ капитула

грамота на этотъ орденъ была прислана графомъ губернатору для выдачи мнѣ, то губернаторъ отослалъ ее обратно съ тѣмъ, чтобы вытребовать отъ капитула другую грамоту, въ которой былъ бы написанъ настоящій мой чинъ. Зная милостивое ко мнѣ расположеніе графа Ланжерона, я осмѣлился особымъ письмомъ просить его всеподданнѣйшаго ходатайства объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора, такъ какъ многократные бывали случаи, что при разныхъ чиновникамъ наградахъ, хотя по ошибкѣ названы были они высшими чинами, но всещедрые монархи повелѣвали оставить оные безъ перемѣны. Графъ Ланжеронъ былъ столько милостивъ ко мнѣ, что удостоилъ меня 31 іюля отвѣтомъ, что о наименованіи меня въ грамотѣ на орденъ св. Владиміра коллежскимъ ассесоромъ онъ спрашиваетъ у министра финансовъ разъясненія, а грамоту мою на этотъ орденъ прислалъ мнѣ обратно для храненія.

Тридцатое. Для пріѣзда государя въ Херсонъ назначена была квартира въ адмиралтействѣ, въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ останавливалась Екатерина II въ 1787 году. Управляющій портомъ велѣлъ покрасить полъ; этимъ воспользовался губернаторъ графъ Сенъ-При, объявя присланному впередъ чиновнику, что во дворцѣ непріятный масленный духъ отъ покраски пола, что лучше будетъ государю квартировать у него, гдѣ и искусный поваръ французъ, и что если бы государь остановился во дворцѣ, тогда и приготовленная иллюминація, недешево городу стоющая, осталась бы безъ употребленія. Сверхъ того, Сенъ-При, какъ хитрый французъ, полагалъ, что государь, квартируя у него, увидитъ библіотеку и портретъ роднаго его брата, генерала, убитаго въ 1814 году въ сраженіи противъ Наполеона подъ Реймсомъ, и явитъ къ нему особенное благоволеніе. Его хитрость удалась, государь дѣйствительно остановился въ его квартирѣ. Велѣно было собраться предсѣдателямъ палатъ и совѣтникамъ въ большой залѣ, гдѣ предварительно повѣрялъ флигель-адъютантъ Данилевскій списокъ этимъ чиновникамъ. Потомъ велѣно было намъ перейти нѣсколько комнатъ и остановиться предъ угольною, гдѣ сидѣлъ государь на диванѣ

съ германскимъ принцемъ. По выходѣ государя въ эту комнату, губернаторъ началъ читать списокъ. Когда произнесена была фамилія вице-губернатора Тимановича, государь спросилъ: «вы при Дюкѣ Ришельѣ служили»?—Такъ, ваше величество, отвѣчалъ Тимановичъ.—«Давно-ли оставили его»!—По выѣздѣ за границу. Болѣе никого государь не спрашивалъ; но предъ каждымъ нѣсколько склонялъ голову въ знакъ поклона. Всѣ думали, въ томъ числѣ и я, что вопросы, сдѣланные государемъ вице-губернатору, означаютъ особенную милость къ нему; но на дѣлѣ оказалось иначе. На него въ Одессѣ подана была отъ его племянниковъ жалоба, что, бывши правителемъ канцеляріи при Дюкѣ де-Ришелье, онъ нажилъ большія деньги, купилъ имѣніе за 70 тысячъ и хочетъ его отдать кому-то другому. По отъѣздѣ государя вице-губеранторъ Тимановичъ вскорѣ подалъ просьбу въ отставку, а на его мѣсто былъ опредѣленъ мой соученикъ и пріятель Вас. Вас. Петрулинъ.

Тридцать первое. Постройка арсенала въ Херсонѣ, начатая въ 1811 году, продолжалась нѣсколько лѣтъ. По окончаніи каждаго мѣсяца я составлялъ вѣдомость о томъ, что было построено, для отсылки въ артилерійскій департаментъ, а полковникъ Львовъ вѣдомость издержанной суммѣ. Въ 1813 г., подъ осень, Дюкъ де-Ришелье, бывши въ Херсонѣ, осматривалъ арсеналъ и остался доволенъ постройкою. Въ 1816 году государь императоръ изволилъ возложить подобную обязанность на вновь опредѣленнаго военнаго губернатора графа Ланжерона. Въ 1818 году, въ маѣ мѣсяцѣ, государь изволилъ лично осматривать постройку арсенала съ графомъ Аракчеевымъ. Пройдя по всему арсеналу, онъ сказалъ какому-то германскому принцу: «C'est batimant superbe» (это зданіе величественное). Тогда еще одинъ павильонъ не былъ совсѣмъ достроенъ. Графъ Аракчеевъ спросилъ полковника Львова: «почему этого павильона не достроилъ,—вѣрно не достало денегъ»! Львовъ отвѣчалъ, что еще остается произвесть работъ по смѣтѣ слишкомъ на 17 тыс. рублей. Графъ сказалъ ему: «пріѣду въ Петербургъ, велю отпустить». Я ходилъ назади съ планомъ по арсеналу, видѣлъ и

слышалъ все это. Въ 1819 году всѣ постройки по арсеналу были кончены; по донесеніи о томъ графу Ланжерону, онъ прибылъ въ Херсонъ для освидѣтельствованія произведенныхъ построекъ и къ сему назначилъ коменданта, инженернаго генерала Хотяева и артилерійскаго подполковника Заварковскаго. Всѣ они, живя въ крѣпости, могли видѣть часто, какъ производятся работы, и о прочности ихъ дали графу письменное свидѣтельство. Что касается меня, то во все продолженіе постройки арсенала я рѣдко при немъ бывалъ, особенно, когда былъ губернскимъ землемѣромъ и долженъ былъ отлучаться на долгое время въ уѣзды. Могу по совѣсти сказать, что почти даромъ получалъ каждый годъ положенное мнѣ жалованье. Полковникъ Львовъ, отправившись въ семъ же 1819 году въ Петербургъ съ отчетомъ, писалъ мнѣ оттуда, а потомъ 12 августа изъ Рязани, что онъ произведенъ генералъ-маіоромъ, вышелъ въ отставку съ пенсіономъ и получилъ въ награду землю, а о награжденіи меня просилъ лично графа Ланжерона, бывшаго тогда въ Петербургѣ, на что тотъ обѣщалъ подать обо мнѣ записку кн. Волконскому. Вѣроятно, по этой-то запискѣ государь велѣлъ въ 1820 г. выдать мнѣ единовременно 1000 рублей ассигнаціями, которые и были мнѣ высланы изъ херсонской казенной палаты. Во второмъ письмѣ И. И. Львовъ, между прочимъ, писалъ, что «имѣетъ ко мнѣ чувствительную и истинную безъ лести благодарность за мои настоящіе совѣты и исполненія и во вѣкъ ихъ не забудетъ; что онъ сыну своему говорилъ о мнѣ, если случится мнѣ какая нужда, то выполнилъ бы просьбы мои съ усердіемъ». Не такова бы была насъ обоихъ участь, когда бы подрядчикъ Грудницкій строилъ арсеналъ. Легко могло статься, что вмѣсто наградъ мы подверглись бы суду. Теперь, вспоминая о томъ, явно вижу всеблагій промыслъ Божій, вразумившій меня такъ говорить и дѣйствовать въ то критическое время.

Тридцать второе. Сдѣланные мною планъ и смѣта на поправленіе суворовскаго дома для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ графъ Ланжеронъ лично представлялъ государю въ Одессѣ. По одобреніи ихъ и ассигнованіи потребной суммы, работы,

за неявкою желающихъ взять на себя эту постройку, производились хозяйственнымъ способомъ подъ моимъ наблюденіемъ и при участіи губернскаго землемѣра Гречины и полиціймейстера Богдановича. Въ этомъ дѣлѣ я дѣйствовалъ со всею осторожностію, велъ подробныя записи, вызывалъ черезъ полицію подрядчиковъ особо на поставку порознь каждаго матеріала и также особо на каждую работу мастеровыхъ. Благодаря этому, когда послѣдовало повелѣніе объ увольненіи меня отъ должности совѣтника и опредѣленіи чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ попечителю колонистовъ южнаго края генералъ-адъютанту Инзову, я и изъ этого дѣла вышелъ чистъ и, составивъ подробный отчетъ, что уже сдѣлано и сколько соблюдено противъ смѣты экономіи, съ остававшеюся у меня суммою представилъ въ комитетъ.

Тридцать третье. На службу къ генералъ-лейтенанту Инзову я былъ лично имъ приглашенъ, въ проѣздъ его черезъ Херсонъ, а побудило меня къ этой перемѣнѣ то, что я не видѣлъ конца дѣлу объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Тридцать четвертое. Живя долгое время въ Херсонѣ, я имѣлъ незаконныхъ дѣтей—сына Петра и дочь Анастасію; но они умерли въ младенчествѣ. Благость Божія чрезъ преждевременную ихъ смерть избавила ихъ отъ несчастной жизни, которой по возрастѣ они могли-бы быть подвержены, а меня отъ стыда выставлять ихъ на показъ свѣту, какъ явные знаки беззаконнаго моего сожительства.

Тридцать пятое. Я имѣлъ въ Хорсонѣ небольшой домъ, который при отъѣздѣ удачно продалъ адмиралтейскому чиновнику за 1900 рублей; но въ этомъ городѣ пропала у меня на невѣрныхъ должникахъ такая же сумма, и ссли бы я болѣе тамъ прожилъ, то, по снисхожденію моему къ должникамъ, могъ бы потерять всѣ деньги, которыя отдалъ бы имъ въ займы.

Сдавъ отчетъ о постройкѣ присутственныхъ мѣстъ строительному комитету, я отправился въ Екатеринославъ и, прибывъ туда въ концѣ ноября мѣсяца 1819 года, остановился въ

квартирѣ экзекутора Гридякина, въ домѣ, нанимаемомъ комитетомъ. Каждый день мы обѣдали у генерала Ивана Никитича Инзова. Онъ обходился со мною весьма ласково, какъ и со всѣми чиновниками; но долгое время не давалъ мнѣ никакихъ порученій. Наконецъ велѣно было мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на постройку въ казенномъ саду (котораго Инзовъ былъ также попечителемъ) хворостяной избы для помѣщенія учениковъ садовника. Хотя этотъ трудъ, послѣ херсонскихъ строеній, произведенныхъ мною, былъ для меня камъ бы низкимъ; но надобно было исполнять повелѣніе. Потомъ Инзовъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ для построенія въ нѣмецкой колоніи Гейдебергѣ католической каменной церкви. Сдѣланныя мною на планѣ двѣ башенки въ видѣ колоколенъ, которыя, по мнѣнію моему, составляли красоту фасада, не понравились члену комитета Контеніусу, и мнѣ велѣно сдѣлать другой планъ съ одною башнею; но я уже не дѣлалъ его,—надобно было отдѣлять земли для каждой меноннтской колоніи. По сдѣланному меноннтскимъ старшиною вчернѣ проэкту я сдѣлалъ на бѣло планъ и нарѣзку, въ какомъ видѣ слѣдуетъ надѣлить землею каждую колонію по числу семействъ. Эту нарѣзку одобрилъ тотъ старшина и генералъ.

Пользуясь благосклонностью Ивана Никитича, я разсказалъ ему при случаѣ о сдѣланной графомъ Ланжероном ошибкѣ при представленіи меня лично государю къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 4 степени и просилъ его войти съ представленіемъ по начальству объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора. Инзовъ дѣйствительно ходатайствовалъ объ удовлетвореніи моей просьбы, но и его ходатайство осталось безъ успѣха.

Въ началѣ 1820 года присланъ былъ изъ Петербурга къ генералу извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ. За какіе-то сочиненные имъ противъ правительства стихи его хотѣли было сослать; но россійскій историографъ Ник. Мих. Карамзинъ и другіе упросили государя пощадить его по молодости лѣтъ, видя въ немъ отличный даръ къ стихотворству. Зная хорошую нравственность и аккуратность въ жизни генерала

И. Н. Инзова, прислали Пушкина къ нему какъ бы для исправленія его поведенія. При этомъ случаѣ генералъ сказалъ: «что я буду няньчиться съ нимъ? онъ уже слишкомъ великъ выросъ». Пушкинъ, остановясь въ трактирѣ еврея, велъ тамъ развратную и разгульную жизнь, которая могла бы быть для него весьма пагубна; онъ даже рѣдко являлся къ столу генерала. Къ счастію для него, пріѣхалъ въ Екатеринославъ прославленный въ 1812 г. въ войнѣ противъ французовъ генералъ Раевскій, ѣдучи на кавказскія воды. Сынъ его, увидѣвъ Пушкина, сталъ просить отца уговорить Ивана Никитича, чтобъ отпустилъ Пушкина съ ними на Кавказъ. Иванъ Никитичъ согласился съ тѣмъ, чтобы Раевскій написалъ къ вице-канцлеру Нисельроде, что беретъ его на свою отвѣтственность. Тамъ-то или послѣ того Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ написалъ извѣстную поэму «Кавказскій плѣнникъ».

13-го апрѣля 1820 года генералъ далъ мнѣ на бумагѣ въ четырехъ пунктахъ инструкцію, что я долженъ дѣлать по пріѣздѣ моемъ въ колоніи съ старшимъ членомъ екатеринославской конторы Фадѣевымъ, а 2-го іюля, извѣщая меня, что по высочайшей волѣ онъ назначенъ къ отправленію должности бессарабскаго намѣстника, предписалъ мнѣ отправиться съ тѣмъ же Фадѣевымъ въ Крымъ для содѣйствія ему по предметамъ, до избранія земель относящимся, по окончаніи же сего имѣть надзоръ за построеніемъ молочанской церкви, равно за дѣйствіемъ землемѣровъ по обмежеванію земель и надѣленію землею виртембергскихъ выходцевъ. Когда постройка молочанской церкви была совершенно окончена, Инзовъ предложилъ комитету отправить меня въ Бессарабію. Усмотрѣвъ изъ этого предписанія, что я долженъ оставаться въ молочанскихъ колоніяхъ на долгое время и вынужденъ буду вести жизнь.... и незавидную, что подобными затѣями я не только не сооставлю себѣ впредь чести и славы, но еще могу потерять въ общемъ другихъ людей и собственномъ своемъ мнѣніи и тѣ, что доселѣ пріобрѣлъ, я, по возвращеніи въ Екатеринославъ, подалъ генералу просьбу объ отставкѣ по болѣзни. Генералъ не только не разсердился на

меня за это, но былъ такъ добръ, что, получивъ на представленіе свое отъ управленія министерства внутреннихъ дѣлъ согласіе, прислалъ изъ Кишинева мнѣ хорошій аттестатъ отъ 11 октября 1820 года и предложилъ комитету выдать мнѣ формулярный списокъ и удовлетворить меня по день увольненія жалованьемъ.

Генералъ-лейтенантъ Ив. Ник. Инзовъ былъ рѣдкой доброты сердца, опытности, кротости, снисхожденія, ласковости, безкорыстія и здраваго сужденія; но въ обхожденіи овъ изъявлялъ сомнѣніе и недовѣрчивость, что происходило отъ природныхъ свойствъ его ума или отъ великой опытности. Его адъютанты, маіоры, два брата..... (по словамъ нѣкоторыхъ они были незаконныя дѣти знаменитаго генерала Ермолова) говорили мнѣ, что онъ испытывалъ меня и что со временемъ я могъ бы войти къ нему въ довѣренность. Но признательно сказать, что мои свойства и правила были таковы, что вмѣсто искательства я самъ удаляюсь отъ тѣхъ людей, которые сомнѣваются въ честныхъ и добрыхъ моихъ намѣреніяхъ и расположеніяхъ. Изъ откровеннаго со мною обращенія и третьяго адъютанта, Егора Егорыча Гильдежинецъ, я видѣлъ, что они меня любили; послѣдній былъ у меня два раза, когда я служилъ въ Тулѣ. Принятая или данная Ивану Никитичу фамилія есть неразрѣшимая загадка: меня увѣряли, что когда самозванецъ Пугачевъ истреблялъ по волжскимъ губерніямъ дворянскія семейства, то его нашли младенцемъ въ колыбели, висящей въ лѣсу на суку; не зная подлиннаго его прозванія, назвали его *Инъ-зовъ*. Меня также увѣряли, что онъ *массонъ;* это весьма вѣроятно. Онъ любилъ читать этого рода книги, но никогда не говорилъ объ этой сектѣ. У него въ спальной надъ постелью висѣлъ портретъ знаменитаго генерала Николая Васильевича князя Репнина, который, какъ извѣстно, былъ высокой степени массонъ, уважаемый всѣми массонами временъ Екатерины и Павла. Инзовъ служилъ при немъ адъютантомъ и отзывался о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Говорятъ, что Инзовъ имѣлъ крестьянъ, но отпустилъ ихъ на волю. Во время мое были у него четыре деньщика, которые исправляли въ его

домѣ всѣ должности: одинъ былъ дворецкій, другой комнатный, третій поваръ и четвертый кучеръ. Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ выбранилъ кого-либо или сказалъ обидное слово; даже простому колонисту въ разговорахъ говорилъ: *душа моя*. Бывшіе въ то время въ Екатеринославѣ извѣстные массоны вице-губернаторъ..... и директоръ гимназіи Мизко весьма уважали его и онъ съ ними былъ въ дружбѣ. Нельзя не упомянуть и о добротѣ души члена комитета иностранныхъ поселенцевъ, коллежскаго совѣтника Ивана Николаевича Ланова, который въ обхожденіи со мною всегда былъ весьма ласковъ.

Нерѣдко въ праздничные и воскресные дни я ходилъ обѣдать въ Елизаветѣ Григорьевнѣ, женѣ добраго Ивана Христофоровича Калагеоргія. Она была почти всегда задумчива и печальна, и было о чемъ ей задумываться. По пріѣздѣ Ивана Христофоровича въ Екатеринославъ, будучи посланъ по высочайшему повелѣнію въ Таганрогъ для произведенія слѣдствія надъ тамошнимъ градоначальникомъ, онъ, прогуливаясь однажды по городу въ заморозье, неосторожно ступилъ на кочку и вывихнулъ ногу въ косточкѣ; но не излѣчившись еще совершенно отъ болѣзни, попросился въ отпускъ въ Петербургъ, а на пути разсудилъ побывать у великаго князя Константина Павловича и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ пришлось ему проводить и праздникъ Рождества Христова. Наканунѣ новаго года Константинъ Павловичъ сказалъ ему: «Калагеоргій! завтра будетъ большой парадъ войска, тебѣ надобно видѣть моихъ молодцевъ». Иванъ Христофоровичъ рано выѣхалъ смотрѣть ихъ, долго ждалъ и сильно озябъ отъ большаго мороза. Когда возвратился во дворецъ, то въ жарко натопленной комнатѣ вдругъ сдѣлался ему такой сильный ударъ, что языкъ отнялся. Тамошніе медики, употребя всѣ средства къ пособію ему, въ консиліумѣ рѣшили, что только кавказскія воды могутъ его излѣчить. По письму великаго князя государь уволилъ его для пользованія тамъ. По возвращеніи его оттуда я былъ у него и обѣдалъ въ день Александра Невскаго; онъ могъ говорить, хотя весьма тихо; но память его уже не возвратилась; бывши прежде всегда веселъ, сдѣлался печаленъ и за-

думчивъ. Разсказывая преосвященному Іову (который былъ родственникъ жены Ивана Христофоровича и родной племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина), онъ самъ удивлялся, что послѣ удара боль ноги у него прекратилась и онъ сталъ свободно ходить. Послѣ обѣда я увидѣлъ чудо, никогда невиданное мною въ Херсонѣ: всѣ обѣдавшіе чиновники, видя хозяйку и хозяина, не кланяясь, выходили изъ комнаты, какъ бы давая ему знать, что, получая отъ государя столовыя деньги, онъ обязанъ дѣлать для нихъ въ высокоторжественные дни обѣды. Иванъ Христофоровичъ напрасно вступилъ въ должность; увидѣвши самъ, что уже не можетъ ее исполнять, онъ вскорѣ подалъ въ отставку и, кажется, уволенъ съ пенсіономъ. Такъ въ жизни со многими людьми случается, что гдѣ они надѣются найти свое благополучіе, тамъ находятъ свое несчастіе!

Въ Екатеринославѣ я нашелъ своего соученика Николая Петровича Насѣдкина, нѣкогда занимавшагося архитектурою у моего дяди; онъ служилъ здѣсь губернскимъ архитекторомъ; построилъ себѣ деревянный домъ, засадилъ обширное мѣсто тутовыми деревьями и занимался шелководствомъ.

Еще въ Херсонѣ я получилъ отъ профессора архитектуры въ харьковскомъ университетѣ Евгенія Алексѣевича Васильева въ 1819 году письмо съ завѣреніемъ, что я могу надѣяться выдержать экзаменъ, и какъ отъ Екатеринослава до Харькова только 217 верстъ, то по увольненіи я рѣшился поѣхать туда попытаться счастія, ибо надобно было достигнуть этого толико вожделѣннаго чина *коллежскаго ассесора*.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, я остановился въ домѣ у секретаря думы, у котораго и прежде нѣсколько разъ квартировалъ. Евг. Вас. Васильевъ принялъ меня съ объятіями; я часто бывалъ у него въ домѣ и съ удовольствіемъ проводилъ у него время. Между тѣмъ подалъ я прошеніе въ университетъ о допущеніи меня къ экзамену на чинъ коллежскаго ассесора, приложивъ аттестатъ изъ училища и формулярный о службѣ списокъ. Ректоромъ тогда

былъ профессоръ математики Осиповскій; но онъ вскорѣ потомъ былъ уволенъ за неосторожно высказанное имъ мнѣніе противъ массонской секты въ рѣчи, произнесенной имъ при публичномъ испытаніи, и мѣсто его заступилъ профессоръ греческаго языка..... Такъ какъ сыновья ректора учились въ пансіонѣ у Сергѣя Николаевича Коваленка, моего соученика, съ которымъ я долго жилъ въ одной комнатѣ и пѣлъ, то его рекомендація обо мнѣ ректору много мнѣ помогла. Замолвили также о мнѣ доброе слово и Елисавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившаго въ мое время въ Херсонѣ, и жившая въ дружбѣ съ женою ректора. Хотя вопросы по разнымъ наукамъ даны были мнѣ заранѣе; но я, не надѣясь на свою слабую память, составлялъ письменные отвѣты по каждой наукѣ и исписалъ около трехъ дестей бумаги; по нѣсколько разъ ихъ прочитывалъ и можно сказать почти выучивалъ. Особенно всемірная и россійская исторія, всеобщая и россійская географія, также физика много труда мнѣ стоили. Экзаменовался я уже въ началѣ 1820 года: всѣ экзаменаторы были ко мнѣ весьма снисходительны, а профессоръ россійской словесности Борзенко былъ даже ко мнѣ благосклоненъ; онъ назначилъ мнѣ написать сочиненіе о томъ, какъ первоначально и постепенно открывались художества, полагая, что это должно быть мнѣ извѣстнѣе другихъ предметовъ. Преподавателю въ университетѣ богословія отцу Афанасію Могилевскому, еще прежде экзамена, я давалъ читать мои три бесѣды, сочиненныя въ Херсонѣ, и онъ хвалилъ изъ нихъ бесѣду о безсмертіи души. Только профессоръ физики Комлышинскій, знакомый мнѣ изъ дѣтства, зная, что тогда не учили въ классахъ физики, конфузилъ меня и видимо хотѣлъ смѣшать; но на счастье мое какъ по этому, такъ и по другимъ предметамъ попадались мнѣ все легкіе вопросы. Болѣе другихъ страшилъ меня экзаменъ по французскому языку, въ которомъ я былъ мало свѣдущъ, такъ какъ началъ учиться ему въ позднія лѣта и разговорами не занимался. Но приглашенный для испытанія меня въ разговорной рѣчи французъ находился въ другой комнатѣ и его забыли позвать, а чтеніе мое изъ Телемака, словесный и письменный переводы изъ него одобрили. И такъ, съ

помощію Божіею, я счастливо окончилъ свой экзаменъ и въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ изъ университета хорошій аттестатъ.

Во время пребыванія моего въ Харьковѣ Евгеній Алекс. Васильевъ показывалъ мнѣ планы прожектированной имъ соборной колокольни и читалъ мнѣ мнѣніе о нихъ архитектора Стасова. Послѣдній славился въ Петербургѣ многими зданіями, съ большимъ ввусомъ имъ построенными; императоръ Александръ Павловичъ преимущественно предъ другими архитекторами употреблялъ его для казенныхъ зданій, и онъ дѣйствительно имѣлъ изящный вкусъ въ архитектурѣ. На замѣчанія его относительно проэкта колокольни Евгеній Алексѣевичъ не придумалъ ничего сказать, какъ только, что столичный архитекторъ не могъ одобрить провинціальнаго архитектора. Разсматривая этотъ проэктъ, я отважился замѣтить ему, что стѣны толстотою въ двѣ сажени не могутъ хорошо просохнуть, что для постройки такой высокой колокольни нужно имѣть весьма хорошій кирпичъ, котораго нѣтъ въ Харьковѣ, что такіе большіе свѣсы у карнизовъ невозможно изъ кирпича сдѣлать. На эти замѣчанія онъ отвѣтилъ мнѣ: «что же? мы сдѣлаемъ въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ дыры, чтобы стѣны могли просыхать, кирпичъ будемъ дѣлать сами, а карнизы будемъ выливать изъ чугуна; мнѣ хочется, чтобы эта колокольня была выше кіевской». Ничто однако не помогло: при постройкѣ этой колокольни оказались такія трещины, что для подпорки ея принуждены были построить на сѣверной и южной сторонахъ двѣ каменныя высокія стѣны съ контрфорсами, гдѣ помѣщаются лавки, и кромѣ того уменьшить ее на одинъ этажъ. Безъ этой предосторожности огромное и слишкомъ широкое зданіе колокольни могло подвергнуться паденію. И дѣйствительно, долговременный опытъ во всѣхъ государствахъ и въ разные вѣка показалъ, что изъ всѣхъ башенныхъ строеній тѣ только и долговременны, которыя были построены въ видѣ конуса, постепенно въ широтѣ уменьшаясь. Въ такомъ видѣ построена и кіево-печерская колокольня въ половинѣ прошедшаго столѣтія архит. Шейденомъ, и притомъ изъ превосходнаго тамошняго кирпича, какого нигдѣ нѣтъ въ Россіи.

Показывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ и другой свой прожектъ, предназначаемый для библіотеки и обсерваторіи университетской. Фасадъ сходенъ съ фасадомъ библіотеки въ Касселѣ. Евгеній Алексѣевичъ затруднялся, чѣмъ лучше укрѣпить углы этого весьма широкаго зданія, чтобы они не разошлись; но видно, что строивши его, онъ не придумалъ для этого вѣрнаго способа. Разрушеніе этого зданія составило его несчастіе: государь Николай Павловичъ, бывши въ Харьковѣ послѣ 1835 года, велѣлъ удалить его отъ должности. И такъ, начавши свою службу весьма счастливо, онъ кончилъ ее бѣдственно.

Разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ, какъ профессоръ физики Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, бывши ректоромъ университета, возгордился было этимъ достоинствомъ и хотѣлъ показать надъ иимъ свою власть. Было, говоритъ, вакаціонное время; я поѣхалъ къ помѣщику Вукотичу. Возвращаюсь въ Харьковъ, а ректоръ присылаетъ ко мнѣ письмоводителя спросить, у кого я спрашивалъ отпускъ. Я отказался дать ему отвѣтъ. Тогда оаъ потребовалъ отъ меня отвѣта на бумагѣ; я сказалъ посланному: «пусть ректоръ возметъ назадъ свою бумагу, а въ противномъ случаѣ будетъ сожалѣть о своемъ неумѣстномъ поступкѣ». Стойковичъ потребовалъ отъ меня отвѣта другою бумагою. Я написалъ ему, что стыжусь отвѣчать такому ректору, который во зло употребляетъ законы: вмѣсто книгъ для университета выписываетъ венгерское вино и разсылаетъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ продавать его по назначенной имъ цѣнѣ. По донесеніи объ этомъ министру просвѣщенія, послѣдній велѣлъ ему подать въ отставку, грозя въ противномъ случаѣ отдать его подъ судъ.

Еще о другомъ низкомъ поступкѣ Стойковича разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ. Женился онъ на помѣщицѣ изюмскаго уѣзда, женщинѣ некрасивой, но у которой было полтораста душъ крестьянъ; выпросилъ себѣ землю въ херсонской губерніи для поселенія крестьянъ, склонилъ жену продать ея землю, а крестьянъ перевести въ ту губернію; деньги за проданную землю отчасти употребилъ на переселеніе, а отчасти на свои нужды; потомъ переселенныхъ крестьянъ продалъ тамъ и, взявъ деньги,

уѣхалъ въ Петербургъ, а жену бросилъ оплакивать ея бѣдственную участь. Выслушавъ это, я сказалъ Евгенію Алексѣевичу, что землю Стойковичу, въ числѣ 12,000 десятинъ, пришлось отводить мнѣ и когда я собралъ для этого понятыхъ и рабочихъ изъ разныхъ селеній, то онъ отказался кормить ихъ и заплатить имъ за ихъ труды. За мое же усердіе и безкорыстіе онъ также отплатилъ мнѣ неблагодарностію.

Въ бытность мою въ этотъ разъ въ Харьковѣ пришлось мнѣ встрѣтиться съ моимъ соученикомъ, Степаномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, который, изъ уѣзднаго землемѣра сдѣлавшись губернскимъ архитекторомъ, нажилъ себѣ порядочный домикъ. На вопросы мои объ умершемъ дядѣ моемъ Петрѣ Антоновичѣ онъ разсказалъ мнѣ, что по отставкѣ онъ жилъ въ скудости и когда умеръ, некому было его хоронить. Сынъ его Николай, служившій тогда при новгородской гимназіи, пріѣхалъ въ Харьковъ, продалъ отцовскій домъ и поѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Я ходилъ на кладбище подъ Холодную Гору, пересмотрѣлъ всѣ на крестахъ и памятникахъ надписи; но могилы почтеннѣйшаго этого моего благодѣтеля и добрѣйшаго человѣка не нашелъ и принужденъ былъ возвратиться съ горестію.

Степанъ Григорьевичъ также мнѣ разсказалъ съ сердечнымъ прискорбіемъ, какія непріятности перенесъ Григорій Романовичъ Шидловскій отъ своего сына Ѳедора (моего ученика). Послѣдній, выйдя въ отставку поручикомъ, жилъ безолаберно и пьянствовалъ вмѣстѣ съ племянникомъ Н. Н. Надаржинской. Во время дворянскихъ выборовъ Григорій Романовичъ хотѣлъ, чтобъ его избрали въ какую-то должность; сынокъ явился пьяный въ собраніе, завелъ съ кѣмъ-то споръ и брань; его вывели изъ собранія и хотѣли сдѣлать опредѣленіе о выключкѣ его изъ дворянства. Престарѣлый отецъ, услыша о такомъ для своего рода посрамленіи, явился въ собраніе и со слезами просилъ пощадить его сѣдины за тѣ услуги дворянству, которыя въ жизнь свою онъ имѣлъ случай оказать ему. Послѣ этого безславія, безпутный Ѳедя слюбился съ дочерью родного своего дяди Ром. Ром. Шидловскаго, тайно женился на ней или хотѣлъ жениться, уѣхалъ съ ней за границу и жилъ въ Вѣнѣ. Безутѣшный отецъ, въ тяжкой горести

своей, сдѣлалъ духовную, которою утвердилъ свое недвижимое и движимое имущество за Н. Н. Надаржинскою, отдавъ прежде ей въ залогъ Мерчикъ, будто бы за занятыя у нея двѣсти тысячъ рублей. И такъ кончилъ жизнь свою въ прискорбной и безотрадной горести. Передъ смертію послѣднюю онъ имѣлъ отраду отъ своихъ слугъ и крестьянъ, отпустивъ изъ нихъ сто человѣкъ на волю, какъ видно изъ описанія слободско-украинской губерніи епископа Филарета.—Родная сестра Гр. Р. Шидловскаго, графиня Варвара Романовна Подгоричани, при старости своей, испытала подобную горькую участь: старшій сынъ ея Михайло (горбатый) въ молодости не женился; жилъ всегда въ разслабленномъ состояніи, въ какомъ и умеръ. А меньшой, любимецъ ея, Ѳеодоръ, уѣхавшій въ Петербургъ (противъ ея воли), хотѣлъ опредѣлиться или былъ уже опять опредѣленъ въ военную службу, съ кѣмъ-то вышелъ на дуэль и имъ убитъ. Племянники ея мужа, гр. Подгоричани, Вунчи или Вукотичи, по суду овладѣли ея Пархомовкою, изъ которой досталась ей седмая часть. Я былъ у нея въ томъ домѣ, который въ Харьковѣ построенъ по моему плану, и ласково ею былъ принятъ; примѣтилъ на лицѣ какую-то печаль, но не смѣлъ разспрашивать о ея семейныхъ дѣлахъ. Къ немалому удивленію моему, увидѣлъ я чрезъ улицу прямо противъ ея дома построенный еще Григоріемъ Романовичемъ, на купленномъ имъ мѣстѣ, каменный домъ, совершенно сходный съ домомъ Пар. Мих. Штеричевой въ Басахъ. 6-го декабря видѣлъ въ николаевской церкви Н. Н. Надаржинскую старухою, уже потерявшею всю пріятность лица своего и совсѣмъ не узналъ ее, но Борисъ Бор. Лопатинскій подвелъ меня къ ней, какъ стараго знакомца Григорія Романовича. Я учтиво поклонился ей, тѣмъ дѣло и кончилось; въ домѣ ея я не хотѣлъ быть отъ того, что она связью своею съ Григоріемъ Романовичемъ, желая воспользоваться его имѣніемъ, вооружила противъ него сына и дочь и сдѣлала ихъ къ отцу неуважительными и неблагодарными.

Наставникъ мой Ал. Ал. Палицынъ давно уже умеръ; и такъ ничто уже не привязывало меня въ родинѣ моей, и я сталъ искать мѣста службы. Видя, что экзаменъ мой идетъ удачно, я еще прежде послалъ просьбу къ благодѣтелю моему

графу Ланжерону, прося его дать мнѣ приличное мѣсто въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ новороссійскаго края; но для большаго успѣха моей просьбы рѣшился лично явиться ему. Изъ Харькова въ Одессу я выѣхалъ на первой недѣлѣ великаго поста; черезъ Днѣпръ и Бугъ переѣзжалъ еще по льду, а въ Одессѣ нашелъ по улицамъ глубокую грязь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

Когда, прибывъ въ Одессу, явился я къ графу Ланжерону, онъ съ восклицаніемъ спросилъ меня:

— А мосье Ярославскій! чѣмъ васъ поздравить, коллежскимъ ассесоромъ? Получили отъ университета аттестатъ?

Я представилъ ему аттестатъ.

— Вы хотѣли быть коллежскимъ ассесоромъ по моей ошибкѣ. теперь будете имъ по закону, сказалъ тогда графъ и за тѣмъ спросилъ:

— Отъ чего вы не хотите служить при Инзовѣ?

— Если вамъ не угодно будетъ дать мнѣ мѣсто подъ вашимъ начальствомъ, отвѣчалъ я, то поѣду къ нему.

Тогда графъ сказалъ:

— Есть вакансія совѣтника таврическаго губернскаго правленія. По полученіи вашей просьбы, я никого на нее не представлялъ. Но вы опять меня оставите?

Я отвѣчалъ, что намѣренъ жениться.

— Это другое дѣло, сказалъ онъ.—Такъ добръ и такъ снисходителенъ и ласковъ былъ графъ Ланжеронъ!

Отдавая мой аттестатъ правителю канцеляріи Гуржееву, онъ велѣлъ написать обо мнѣ представленіе. Откланявшись ему и простясь съ Ив. Ив. Гуржеевымъ, я выѣхалъ изъ Одессы съ тѣми же извощиками, съ которыми пріѣхалъ изъ Харькова.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., октябр. кн., стр. 289—330.

Въ Херсонѣ былъ въ казенной палатѣ и видѣлъ, что всѣ совѣтники получили Владимірскіе кресты, даже оба бывшіе мои столоначальники имѣли Аннинскіе 4-й степени, а вице-губернаторъ Петрулинъ Владиміра 3 класса. Вотъ какъ щедро награждаетъ графъ Ланжеронъ, подумалъ я—не такъ, какъ Инзовъ! Они оба добры, но разныхъ правилъ и свойствъ.

Пообѣдавъ у вице-губернатора, на другой день я выѣхалъ въ заштатный городъ Берислав, при рѣкѣ Днѣпрѣ, надѣясь оттуда часто ѣздить къ другу своему Ник. Дм. Куликовскому, который, равно и жена его Варвара Ивановна, дочь добраго Ив. Христ. и Елиз. Гр. Калагеоргіевыхъ, всегда любили меня. Въ первое же воскресенье поѣхалъ я къ нему въ село Каховку. Обое они непритворно обрадовались мнѣ и настояли, чтобы я къ нимъ переѣхалъ жить, и я въ тотъ же день выполнилъ ихъ волю. Въ Каховкѣ я жилъ во всемъ удовольствіи и изобиліи, по пословицѣ—купаясь, какъ сыръ въ маслѣ, до того времени, какъ 6 іюня 1821 года опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ таврическое губернское правленіе.

Хотя и увѣрялъ меня Ник. Дм. Куликовскій и другіе, будто бы въ Крыму лучше мнѣ будетъ жить, нежели было въ Херсонѣ; но, кромѣ повышенія моего чинами (коллежскаго ассесора 1822 г. іюля 28 и надворнаго совѣтника 1825 г. сентября 14), на самомъ дѣлѣ я испыталъ по службѣ моей всѣ непріятности, какихъ прежде не зналъ, такъ что могъ сказать о себѣ, какъ Наполеонъ: «звѣзда моя померкла».

Первое. Графъ Витгенштейнъ, бывши въ Евпаторіи для купанья въ морѣ, обѣщалъ Болданіевой, хозяйкѣ, у которой стоялъ на квартирѣ, стараться, чтобъ ея другой домъ, еще не достроенный, былъ взятъ въ казну для помѣщенія уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Въ томъ же 1821 году графъ Ланжеронъ, по его просьбѣ, командировалъ меня въ Евпаторію сдѣлать тому дому планъ и смѣту, что онъ будетъ стоить, чтобъ сдѣлать его удобнымъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Я нашелъ наружныя стѣны этого дома, хотя камепныя, но на глинѣ складенныя, перегородки и потолки хворостяныя, не оштукату-

ренныя, а только обмазанныя глиною; не было въ немъ ни половъ, ни дверей, ни оконныхъ рамъ, ни другихъ мелочей, ни огорожи двора. На все это я сдѣлалъ смѣту по цѣнамъ полиціи, приложивъ и планъ дома; но въ донесеніи своемъ я не могъ утвердительно сказать, проченъ ли и удобенъ ли онъ будетъ къ помѣщенію уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Кончилось тѣмъ, что домъ не былъ взятъ въ казну.

Второе. Въ Севастополѣ случилось по женскимъ интригамъ такое дѣло. Отставной маіоръ Новиковъ ударилъ на улицѣ инженернаго подполковника Шаумбурга, бывшаго въ мундирѣ и орденахъ, два раза въ щеку за то, что тотъ, въ угожденіе дочери артиллерійскаго генерала Сиверса, въ виду многочисленнаго народа, бывшаго на качеляхъ, остановилъ на улицѣ экипажъ его жены. Во всемъ этомъ самъ Новиковъ признался въ глупомъ прошеніи своемъ, которое сочинялъ Чернявскій, домашній секретарь... морскаго начальника въ Севастополѣ. По этому дѣлу, по высочайшему повелѣнію, какъ обезчещенъ инженерный мундиръ, наряжена была коммиссія военнаго суда. Депутатомъ въ эту коммиссію со стороны гражданской, для защиты маіора Новикова, губернское правленіе командировало меня, за отказомъ, подъ видомъ болѣзни, ассесора Луговскаго. Каждый день я являлся въ коммисію и подписывалъ ея опредѣленія. Она назначила меня съ маіоромъ Ивановымъ по даннымъ отъ нея пунктамъ спросить подъ присягою дочерей генерала Сиверса; при приводѣ къ присягѣ были Новиковъ и Шаумбургъ. Но эти свидѣтельницы показали, что все, написанное Новиковымъ въ прошеніи, имъ выдумано, что маіорша Новикова сама велѣла кучеру остановиться, что Шаумбургъ, подойдя къ ней, снялъ шляпу, учтиво разговаривалъ, потомъ, поклонясь, отошелъ къ нимъ. Тогда Чернявскій написалъ Новикову другое прошеніе, выставивъ новыхъ свидѣтелей, какихъ то матросовъ, которые будто видѣли и слышали все дѣйствіе. Коммиссія приняла прошеніе и дала ему ходъ. Зная, что законъ запрещаетъ допущать новыхъ свидѣтелей, сверхъ принятыхъ обѣими сторонами, и что за нарушеніе этого закона можно подвергаться суду, я подалъ рапортъ г. ко-

менданту, генералъ-маіору Юрковскому о своей болѣзни и просилъ его истребовать на мѣсто мое другого депутата. Надобно сказать, что къ этому присоединилось еще другое происшествіе, которое произвело ужаснѣйшее послѣдствіе. Сторону Шаумбурга принялъ инженерный полковникъ Мишо; онъ послалъ графу Ланжерону донесеніе, писанное по французски, въ которомъ, изложивъ, что маіоръ Новиковъ судился за покраденный въ казнѣ свинецъ, прибавилъ, что контръ-адмиралъ Быченскій есть первый упорствующій покровитель сего злодѣя, содѣлывающаго такіе преступленія, и показалъ къ нему даже особенное покровительство по учиненіи имъ послѣдней соблазнительной обиды, вмѣшавшись, противно законамъ, въ дѣла коммиссіи и запутывая ея дѣйствія бумагами, коихъ не должно бы вовсе принимать. Посланное подлинникомъ отъ графа Ланжерона генералъ-адъютанту князю Волконскому, это донесеніе было возвращено въ коммисію съ замѣчаніями великаго князя Николая Павловича, которому оно было представлено Волконскимъ. По выпискѣ изъ него объ участіи Новикова въ покражѣ свинца и о покровительствѣ ему, коммисія требовала отъ Быченскаго объясненій, а Быченскій въ свою очередь требовалъ доказательствъ отъ полковника Мишо. Вмѣсто отвѣта отъ Мишо, разнеслась по городу вѣсть о его смерти. Утверждали, будто онъ дня четыре былъ нездоровъ; но еще наканунѣ, 16 ноября, были у него въ вечеру его пріятели: генералъ Сиверсъ, полковникъ Бибиковъ, подполковникъ Шаумбургъ, и карантинный докторъ Экъ; послѣдній разстался съ хозяиномъ въ первомъ часу ночи, ни малѣйше не подозрѣвая объ опасности. Мишо всталъ, говорятъ, очень рано (а по словамъ нѣкоторыхъ, вовсе не ложился), велѣлъ затопить въ грубкѣ или каминѣ, сѣлъ подлѣ, рвалъ секретныя бумаги и бросалъ въ огонь; потомъ сказалъ позвать къ себѣ барона Шаумбурга, но тотъ засталъ его уже безъ языка; Мишо облокотился на него и часу въ 5 утра, 17 числа, скончался. Всѣ единогласно полагали, что онъ окончилъ жизнь свою насильственною смертію, и эта догадка подтверждалась отчасти синевою его губъ. Могъ ли я оставаться въ коммисіи для занятія такимъ казуснымъ дѣломъ? Я написалъ Ив.

Ив. Гуржеву обо всемъ и, получивъ отъ него извѣстіе, что онъ читалъ мое письмо графу, я снова просилъ объ отчисленіи меня отъ коммисіи. Генералъ Юрковскій уважилъ наконецъ мою просьбу, и по требованію его присланъ былъ вмѣсто меня ассесоръ Максимовичъ. А какъ онъ согласился допустить къ свидѣтельству поименованныхъ Новиковымъ матросовъ, то, вѣроятно, по просьбѣ Шаумбурга, это дѣло вскорѣ велѣно производить въ Херсонѣ военно-судной коммисіи.

Комендантъ Юрковскій отличался въ 1812 и 1813 годахъ въ войнѣ противъ Наполеона. Въ воскресные и праздничные дни я часто обѣдывалъ у него; онъ любилъ откровенно разговаривать со мною о многихъ предметахъ. Хотя Быченскій былъ зять его, онъ не хвалилъ его, что вмѣшался въ дѣло Новикова съ Шаумбургомъ, оказывая защиту первому.

Третье. Въ 1822 году графъ Ланжеронъ, давая знать вице-губернатору объ ассигнованіи до полу-милліона рублей для построенія въ Симферополѣ зданія присутственныхъ мѣстъ и соборной церкви св. Александра Невскаго, а также починки бакчисарайскаго ханскаго дворца, предписалъ составить строительную коммиссію, въ которую назначилъ первымъ членомъ меня, вторымъ ассесора Максимовича и третьимъ петербургскаго архитектора Колодина. Планъ и смѣта на эти работы составлены были раньше; но я нашелъ въ нихъ значительныя упущенія и недостатки. По моимъ замѣчаніямъ, которыя я представилъ ихъ вновь опредѣленному гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Перовскому, планъ и смѣта были исправлены пріѣхавшимъ изъ Петербурга архитекторомъ Колодинымъ: вмѣсто пристроекъ къ одно-этажному каменному дому, построенному еще въ 1787 году для пріѣзда императрицы Екатерины, проэктирована постройка на немъ втораго этажа, назначена огорожа двора, которой на прежнемъ планѣ не было, постройка архива, типографіи и сараевъ для дровъ; вмѣсто хворостяныхъ потолковъ, черепичной крыши, назначено покрыть желѣзомъ и сдѣланы другія перемѣны. Министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ этотъ планъ и прислалъ для построенія по немъ въ натурѣ; но

строительный при немъ комитетъ изложилъ свое мнѣніе, что «какъ отъ него посылается архитекторъ Колодинъ для производства въ натурѣ строеній, то неприлично уже кому-либо вмѣшиваться при томъ производствѣ». Это замѣчаніе относилось собственно ко мнѣ. Я однако занимался дѣлами комитета, а работы велъ Колодинъ, какъ самъ зналъ, или какъ указывалъ губернаторъ. Всѣ древнія паир. зданія въ Крыму были строены изъ дикаго камня, изъ него же строятся и новыя и нѣтъ ни одного, которое бы построено изъ кирпича; но архитекторъ Колодинъ въ смѣтѣ положилъ строить пяти-купольную церковь св. Александра Невскаго изъ кирпича, который дѣлается только въ Карасу-Базарѣ изъ глины и имѣя въ себѣ известковыя частицы, такъ плохъ что если полить его водою, то начнетъ кипѣть, какъ негашенная известь, а нерѣдко и совсѣмъ разрушается. Другое дѣло. Дворецъ въ Бакчисараѣ велѣно возобновить въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при ханахъ; но губернаторъ Перовскій поѣхалъ туда съ архитекторомъ и велѣлъ строить конюшни и сараи не на прежнихъ мѣстахъ, а на другихъ. Было нѣчто и худшее. Лѣтомъ 1823 года поѣхалъ я съ семействомъ старшаго совѣтника Никифорова смотрѣть большой родникъ рѣки Салгира, бьющій изъ нависшаго огромнаго камня. Возвращаясь оттуда уже въ сумерки, мы встрѣтили нѣсколько воловыхъ подводъ, на которыхъ везли тесанный камень и известь. Я спросилъ извощиковъ: куда везете? — «Губернатору на дачу, отвѣчали они.—Гдѣ брали?—«У присутственныхъ мѣстъ».—Кто вамъ отпускалъ?—«Ассесоръ Максимовичъ». Вскорѣ послѣ этого я подалъ рапортъ губернатору объ увольненіи меня отъ строительнаго комитета и сдалъ расходную книгу и сумму ассесору Максимовичу.

Четвертое. Лѣтомъ 1822 года графъ Ланжеронъ пріѣзжалъ въ Крымъ, и съ нимъ былъ правитель канцеляріи Иванъ Ив. Гуржеевъ. Онъ остановился квартирою въ домѣ татарскаго генерала Кая-бея. Этотъ хитрый татаринъ прежде уговорилъ его купить у татаръ участокъ земли въ Феодосійскомъ уѣздѣ, гдѣ есть хорошія соляныя озера, изъ которыхъ добываемую соль

можно выгодно отпускать въ Черноморію и за-границу. А въ этотъ пріѣздъ онъ вмѣстѣ съ прочими тамошними владѣльцами подали графу просьбу, прося его ходатайствовать у государя о позволеніи имъ вновь выволакивать изъ озеръ соль и продавать ее, что воспретилъ имъ министръ финансовъ съ высочайшаго утвержденія. Жалѣя объ участи добраго графа, я отважился сказать И. И. Гуржееву:

— Что вы не остережете графа, чтобъ онъ не вмѣшивался въ это дѣло? Пусть татары мимо его подаютъ просьбу, кому слѣдуетъ. Онъ долженъ стараться о казенномъ интересѣ и не подавать ни малѣйшаго вида, что вступается за частныя выгоды.

— Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, я говорилъ ему: онъ не хочетъ меня и слушать.

— Ну, сказалъ я, увидите, какъ это покровительство причинитъ ему непріятность!

Предсказаніе мое сбылось. Министръ финансовъ графъ Гурьевъ, докладывая государю это представленіе графа Ланжерона, сказалъ: «я стараюсь о увеличеніи доходовъ вашего императорскаго величества, а генералъ-губернаторъ, который долженъ бы во всемъ мнѣ содѣйствовать, препятствуетъ тому». Это произвело въ государѣ невыгодное мнѣніе о графѣ Ланжеронѣ. Къ этой тягостной для него непріятности въ тоже время случилась другая. Екатеринославскій губернаторъ *(пробѣлъ)* представилъ ему, что въ губерніи неурожай, угрожающій голодомъ и что для предупрежденія его необходимо полъ-милліона денегъ. Графъ, повѣривъ его донесенію, представилъ объ этомъ министру внутр. дѣлъ. Посланъ былъ въ эту губернію чиновникъ, который нашелъ, что жители ея безъ нужды могутъ прокормиться и что у нихъ останется еще хлѣба для заграничной продажи. За ложное донесеніе губернаторъ удаленъ былъ отъ должности, но и для графа Ланжерона это была большая непріятность. Случилось съ нимъ и другое несчастье. Праздниками Свѣтлаго Воскресенія, какъ была въ Одессѣ большая грязь, то для отданія визитовъ онъ поѣхалъ на дрожкахъ, которыя опрокинулись; отъ подмочки сильно ногъ возобновилась у него подагра. Для совершеннаго ея

излѣченія медики совѣтовали ему ѣхать во Францію пользоваться минеральными водами. По просьбѣ его, государь, быть можетъ, охотно его уволилъ, поручивъ исправленіе его должности генералу Инзову; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на мѣсто его былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ графъ Воронцевъ, а ему велѣно присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ новый генералъ-губернаторъ, перемѣнивъ правителя своей канцеляріи, старался и въ губерніяхъ замѣщать должности своими чиновниками.

Пятое. Командированіе меня въ 1822 году губернскимъ правленіемъ въ Евпаторію для совмѣстнаго съ инженернымъ чиновникомъ составленія смѣты на постройку офицерскаго флигеля дало мнѣ случай излечиться отъ глухоты, которая приключилась мнѣ отъ простуды, по выходѣ изъ бани безъ картуза. Ложась три раза въ сакскую грязь и купаясь въ морѣ, я опять сталъ слышать. Но порученіе мнѣ присмотра за окончательною сего флигеля постройкою, производимою тамошнимъ городничимъ Бабенкомъ, было для меня очень тягостно. Флигель находился разстояніемъ отъ города верстахъ въ двухъ и я принужденъ былъ часто ходить туда пѣшкомъ. Бабенко потомъ началъ пить такъ неумѣренно, что даже въ умѣ помѣшался. Хотя я просилъ исполнительную экспедицію уволить меня отъ присмотра за работами; но мнѣ въ томъ отказали, и я долженъ былъ вести съ нимъ и съ другими непріятную переписку, да и завсѣмъ тѣмъ занимался этимъ затруднительнымъ присмотромъ и въ послѣдующіе 1824 и 1825 годы.

Шестое. Купецъ 1-й гильдіи Зеленьковъ (шившій мундиры для государя императора) взялъ въ таврической губерніи откупъ, по которому распоряжать дѣлами поручилъ коллежскому ассесору Алексѣю Григорьевичу Высоцкому. Высоцкій такъ повелъ дѣло, что въ теченіе года откупъ пришелъ въ упадокъ. Пріятели Заленькова, а болѣе, кажется, Высоцкаго, присовѣтовали ему, оставивъ по прежнему управленіе откупомъ за Высоцкимъ, принять его къ себѣ въ третью часть. Высоцкій согласился. Написанъ былъ обширный контрактъ; но всѣ пункты онаго слу-

жили въ его лишь пользу. Въ контрактѣ напр. сказано было, что «Зеленьковъ принимаетъ Высоцкаго въ третью часть *въ барышахъ*», а слѣдовательно не въ убыткахъ. Правда, Высоцкій обязанъ былъ присылать Зеленькову мѣсячныя вѣдомости о приходѣ и расходѣ всего имущества по откупу и давать по требованію его отчеты; кромѣ того Зеленьковъ во всякое время имѣлъ право вступить въ управленіе откупа самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ, и тогда Высоцкій могъ самъ или черезъ своихъ повѣренныхъ управлять только своею третьею частью. Но на бѣду свою Зеленьковъ допустилъ въ контрактъ самую вредную для себя статью, по которой «въ случаѣ споровъ, несогласій, недоразумѣній, оба они обязывались, не обременяя присутственныхъ мѣстъ бумагами, вѣдаться совѣстнымъ или третейскимъ судомъ». При отъѣздѣ Высоцкаго въ Крымъ, Зеленьковъ вручилъ ему сто тысячъ рублей для покупки вина и прочихъ нужныхъ по откупу предметовъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а Высоцкій не присылалъ вѣдомостей и не давалъ никакого свѣдѣнія объ откупѣ. Зеленьковъ усумнился въ честности Высоцкаго и захотѣлъ самъ видѣть Крымъ, который называли ему второю Италіею. Зеленьковъ былъ богачъ, имѣвшій единственную дочь и три съ половиною милліона руб. въ ломбардѣ. Первымъ дѣломъ его было, ѣдучи черезъ Перекопъ, забрать въ тамошней питейной конторѣ всю наличную сумму. Хотя онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы не платить за пересылку вѣсовыхъ, и взятыя деньги, по пріѣздѣ въ Симферополь осенью 1823 г., отдалъ въ главную контору; но это подало Высоцкому предлогъ дать секретное предписаніе всѣмъ повѣреннымъ, чтобъ не исполняли никакихъ требованій Зеленькова. Поживши нѣкоторое время здѣсь и видя, что Высоцкій ничего не говоритъ и не даетъ отчета ни по откупу, ни о полученныхъ имъ ста тысячахъ рублей, Зеленьковъ напомнилъ ему разъ, другой; но все напрасно. Тогда дождавшись новаго 1824 г., онъ подалъ въ губернское правленіе прошеніе о допущеніи его повѣреннаго Петриченка къ управленію двумя частями откупа на основаніи контракта; но Высоцкій ловко воспользовался другою статьею контракта, по которой они обязались не обременять присут-

ственныхъ мѣстъ бумагами, а разбираться совѣстнымъ или третейскимъ судами, и просилъ губернское правленіе не входить въ разбирательство ихъ несогласій; а чтобы добиться чего либо отъ тѣхъ судовъ, то скорѣе откупъ могъ бы прекратиться. Старшій совѣтникъ Никифоровъ и я держали въ этомъ дѣлѣ сторону Зеленькова; но ассесоръ Луговскій, задобренный Высоцкимъ, отчасти вице-губернаторъ Курута и вновь опредѣленный третій совѣтникъ Фабръ, а также поетупившій на мѣсто Перовскаго губернаторъ Нарышкинъ, стояли за Высоцкаго. Нарышкинъ купилъ тогда дачу и надобно было ее обстроить. Зеленьковъ не догадался предложить губернатору денегъ, а Высоцкій черезъ Фабра предложилъ ихъ. Придумана новая хитрость: друзья Высоцкаго затѣяли увезти дочь Зеленькова и обвѣнчать ее съ адъютантомъ дивизіоннаго генерала, квартировавшаго въ Симферополѣ, и только жандармскій полковникъ, разставивъ караулъ вокругъ питейнаго дома, воспрепятствовалъ выполненію губительной затѣи. Высоцкій навѣрное зналъ, что это произведетъ параличъ нреетарѣлому Зеленькову, и тогда всѣ счеты между ними кончатся. Узнавъ объ этомъ, Зеленьковъ черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Петербургъ и подалъ въ Царскомъ Селѣ государю просьбу; законное удовлетвореніе по ней, черезъ графа Аракчеева, передано въ особое наблюденіе министра юстиціи. По требованію его, губернаторъ предписалъ губернскому правленію 21 октября 1824 г. объ оставленіи крымскаго питейнаго откупа въ единственномъ управленіи купца Зеленькова и о принужденіи коллежскаго ассесора Высоцкаго дать Зеленькову за все время управленія своего откупомъ немедленно вѣрный отчетъ, а также чтобы всѣ дѣла, счеты, документы, откупное имущество, питья и капиталы сданы были Зеленькову или его повѣренному со всею вѣрностью. Кромѣ того министръ юстиціи предписалъ еще губернскому прокурору «имѣть неослабное наблюденіе въ исполненіи сего указа сената, и о малѣйшемъ послабленіи губернскихъ властей доносить ему, подъ собственною своею строгою отвѣтственностію». Что жъ вышло?—Высоцкій подъ предлогомъ болѣзни отказался отъ сдачи. Поручено было мнѣ съ совѣтникомъ уголовной палаты Гнутовымъ заняться сдачею; но мы ничего не могли сдѣлать и только скрѣпляли

всѣ мѣсячныя вѣдомости и книги всѣхъ конторъ по листамъ, какъ простые писцы. Въ 1825 году, въ пріѣздъ государя на южный берегъ Крыма, совѣтникъ Фабръ и ассесоръ Луговскій, по представленію губернатора, получили св. Анны 2-й степени, и губернаторъ въ присутствіи всѣхъ насъ, поздравляя ихъ, не устыдился сказать, что они награждены за защиту Высоцкаго; «а васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Никифорову и мнѣ, пусть награждаетъ Зеленьковъ». Губернскій прокуроръ Василій Ивановичъ Михно, по предписанію министра юстиціи, доносившій ему о послабленіяхъ губернатора Высоцкому, по высочайшему повелѣнію былъ удаленъ, а на мѣсто его былъ назначенъ Фабръ. Никифоровъ, видя все униженіе и притѣсненіе, самъ подалъ въ отставку, а меня командировали въ разныя непріятныя дѣла. Высоцкій, не смотря на неоднократныя повторенія указовъ сената, все таки не далъ отчетовъ объ употребленныхъ имъ суммахъ, да и не могъ ихъ дать, иначе пришлось бы показать, кому и сколько онъ далъ изъ полученныхъ ста тысячъ рублей и изъ собранныхъ имъ за время его управленія денегъ. Напослѣдокъ, уже въ царствованіе императора Николая, онъ отправился въ Петербургъ. Но какъ скоро онъ пріѣхалъ туда, Зеленьковъ объявилъ о томъ министру юстиціи, а тотъ отнесся къ главнокомандующему С.-Петербурга о высылкѣ его въ Крымъ. Высоцкій сказался больнымъ; но главнокомандующій велѣлъ отправить его въ больницу и о здоровьѣ его доносить ему каждый день, а коль скоро сдѣлается ему легче, въ то же время отправить его въ Крымъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, не видя себѣ ни откуда помощи, Высоцкій принялъ ядъ и тѣмъ свой откупной процессъ и жизнь кончилъ. А тѣ чиновники, которымъ давалъ онъ деньги, спокойно зажили, бывъ увѣрены, что некому уже ихъ требовать отъ нихъ. Такъ почти бываетъ всегда на свѣтѣ, что худыя дѣла имѣютъ и худой конецъ.

Седьмое. Евпаторійскій исправникъ Каза-бей донесъ губернатору Перовскому, что градской голова Сима Бобовичъ обманнымъ и притѣснительнымъ образомъ покупаетъ у татаръ земли. Для изслѣдованія этого дѣла губернаторъ послалъ своего чинов-

ника Семена Мейера, который со всею натяжкою произвелъ слѣдствіе. Дѣло поступило въ евпаторійскій уѣздный судъ; судья Волковскій всячески старался перепросами татаръ обвинить Симу Бобовича; по убѣдительной его просьбѣ губернаторъ велѣлъ составить изъ членовъ земскаго суда подъ моимъ предсѣдательствомъ особый судъ. Переспросили мы всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу татаръ, ни одинъ изъ нихъ не обвинилъ Симу Бобовича, всѣ напротивъ говорили, что и въ глаза его не видали, но другихъ караимовъ. Случилось, что въ это время губернаторъ Перовскій по какому-то дѣлу пріѣхалъ въ Евпаторію; неожиданно пріѣхалъ сюда же и вновь опредѣленный генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ, не заставъ Перовскаго въ Симферополѣ. Ѣхавшій съ нимъ адъютантъ Александръ Мейеръ, старшій братъ Семена, въ дорогѣ разсказалъ графу, что губернаторъ нарочито послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Къ этому сдѣлался такой непріятный случай, что графъ Воронцовъ, заѣхавъ прямо въ домъ Симы Бобовича, засталъ у него за обѣденнымъ столомъ губернатора и меня съ другими чиновниками. Графъ сѣлъ съ нами за столъ, порядочно кушалъ, былъ веселъ и разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Но послѣ обѣда позвалъ губернатора въ кабинетъ и сдѣлалъ выговоръ, что онъ вмѣшался въ судное дѣло, перемѣнилъ судей и послалъ меня для оправданія Симы Бобовича. Узнавъ объ этомъ и опасаясь, что бы чрезъ это дѣло новый генералъ-губернаторъ не возымѣлъ о мнѣ худаго мнѣнія, я съ натяжкою написалъ самъ приговоръ, которымъ оставлялъ Симу Бобовича въ подозрѣніи. Другіе члены и секретарь не хотѣли было подписывать этого приговора, но я упросилъ ихъ подписать. Уголовная палата уничтожила этотъ несправедливый приговоръ.

Восьмое. Добрый мой бывшій начальникъ Иванъ Ник. Инзовъ лѣтомъ 1824 года пріѣзжалъ въ Крымъ для осмотра нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ тамъ. Какъ онъ отправлялъ должность генералъ-губернатора, то всѣ губернскіе начальники явились къ нему отдать почтеніе. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ и поцѣловалъ меня, сказавъ: «А, бѣглецъ! не хотѣлъ при

мнѣ служить». Всѣ удивились его ласковому со мною обхожденію. Съ нимъ былъ Фадѣевъ и Гильдешанецъ.

Девятое. Графъ Воронцовъ по многимъ дѣламъ требовалъ отъ губернатора Перовскаго объясненія. Чтобъ избавиться отъ непріятныхъ отвѣтовъ, онъ просилъ уволить его отъ этой должности, надѣясь, что другая должность—Ѳеодосійскаго градоначальника, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе первой, останется за нимъ неприкосновенною; но и на ней не долго удержался. На мѣсто его вскорѣ былъ опредѣленъ губернаторомъ дѣйств. стат. сов. Дмитрій Вас. Нарышкинъ. О пристрастномъ дѣйствіи его по откупу было изложено выше, въ 1-й статьѣ, а о прочихъ его ко мнѣ придиркахъ и притѣсненіяхъ будетъ разсказано дальше.

Десятое. Въ началѣ 1824 года исправники разныхъ уѣздовъ донесли губернатору, что по причинѣ неурожая прошлаго года татары терпятъ большой недостатокъ въ хлѣбѣ и предвидится между ними голодъ. Губернаторъ Нарышкинъ послалъ меня въ татарскія селенія. Составя подробную вѣдомость, сколько въ каждомъ изъ нихъ душъ и сколько въ наличности хлѣба, я представилъ ее губернатору; но пособія татарамъ отъ правительства, для ихъ прокормленія, графъ Воронцовъ не рѣшился требовать.

Одинадцатое. Засѣдатель днѣпровскаго земскаго суда Бабенко 2-й писалъ письмо къ брату своему Бабенку 3-му, служившему въ канцеляріи генералъ-губернатора, о разныхъ злоупотребленіяхъ исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса. Графъ Воронцовъ для изслѣдованія послалъ своего старшаго адъютанта, гвардіи полковника Селехова; а губернаторъ предписалъ командировать меня для совмѣстнаго изслѣдованія. Мы объѣхали всѣ казенныя селенія, въ которыхъ взятъ былъ изъ запасныхъ магазиновъ казенныхъ обывателей хлѣбъ и сняли показанія со всѣхъ возившихъ этотъ хлѣбъ въ Симферополь на дачу бывшаго губернатора Перовскаго. Нѣкоторые извощики показали, что губернаторша сама была при пріемѣ хлѣба и велѣла насыпать его хорошо въ мѣрки, говоря, что за него деньги заплочены. Другое слѣдствіе произведено нами по наряду вощиковъ для отвезенія вѣтряной мелъницы предсѣдателю уголов-

ной палаты Ивану Дмитріевичу Тодорову, не знаю, купленной имъ или подаренной. По пріѣздѣ въ Симферополь, я увидѣлъ, что не только пріемъ бывшимъ губернаторомъ Перовскимъ казеннаго хлѣба былъ считаемъ за ничтожное дѣло, но нашлись покровители исправника Мизельскаго и засѣдателя Толстолѣса, именно прокуроръ Фабръ, а за нимъ и самъ губернаторъ. Вскорѣ Селеховъ пожалованъ былъ генералъ-маіоромъ и бригаднымъ начальникомъ и я одивъ, по отъѣздѣ его, производилъ слѣдствіе по дѣламъ засѣдателя Толстолѣса; а потомъ по любовнымъ связямъ въ разныхъ селеніяхъ съ дѣвками и самаго доносщика засѣдателя Бабенка, на котораго прежде доносилъ исправникъ Мизельскій. Послѣ сего губернаторъ поручилъ мнѣ обревизовать уголовныя дѣла въ днѣпровскомъ уѣздномъ судѣ и въ перекопскомъ магистратѣ, что я и исполнилъ. На возвратномъ пути я былъ представленъ имъ въ Армянскѣ генералъ-губернатору Воронцову; а въ вечеру, бывши у него, засталъ Н. Дм. Куликовскаго, съ которымъ началъ заводить испанскихъ овецъ. Между прочими разговорами Нарышкинъ похвалился, что купилъ дачу и началъ уже строить на ней каменный домъ. Я былъ такъ неосторожень и не разсудителенъ, что спросилъ его:

— Уже начали и домъ строить?

— Чтожъ тутъ удивительнаго? спросилъ онъ.

— Можетъ статься, отвѣчалъ я, что лѣтъ чрезъ пять вамъ прискучитъ жить въ Крыму, тогда вы оставите вновь построенный домъ и все въ саду заведеніе, какъ бы они дорого вамъ ни стоили.

Это было какъ бы предсказаніе и оно скоро сбылось: послѣ насильственной смерти Высоцкаго, Нарышкинъ, взявшій отъ него деньги Зеленькова на покупку этой дачи, сталъ задумываться, мѣшаться въ умѣ, досадовать, скучать; наконецъ отказался отъ должности губернатора, которою тяготился, и уѣхалъ изъ Крыму.

Двѣнадцатое. Въ концѣ 1824 г. я едва не перешелъ съ казенной службы на частную. Лѣтомъ того же года, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Викторъ Павловичъ Кочубей, для поправленія здоровья чахоточной своей дочери, по совѣту вра-

чей, пріѣхалъ на житье въ Ѳеодосію. Въ то время пріятель мой, Ник. Дм. Куликовскій, видя, что сближается срокъ взятыхъ имъ въ Кіевѣ на контрактахъ 50 или 60 тысячъ рублей подъ залогъ Каховки, искалъ такую сумму, чтобы выкупить это имѣніе. Познакомившись съ Кочубеемъ, онъ объяснилъ ему крайнее свое положеніе и просилъ дать ему эту сумму и принять Каховку въ залогъ. Кочубей притворился, что у него нѣтъ столько наличныхъ денегъ, занялъ ихъ у карантиннаго начальника и у другихъ, живущихъ тамъ, сдѣлалъ съ Куликовскимъ условіе и далъ ему деньги, а послѣ взялъ отъ него закладную на Каховку. Во время этой сдѣлки онъ какъ-то сказалъ Куликовскому, что ему нуженъ архитекторъ для основанія поселеній на землѣ, купленной у бывшей губернаторши Гейкиной, въ херсонской губерніи, близь Берислава, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Куликовскій рекомендовалъ меня. Кочубей письмомъ изъ Одессы 10 декабря 1824 г. предлагалъ мнѣ тысячу рублей жалованья, экипажъ и все содержаніе. Я совсѣмъ было рѣшился подать въ отставку; но добрый пріятель мой Илья Осиповичъ Барышовъ уговорилъ меня не дѣлать этой глупости, говоря: можно-ли частное мѣсто равнять съ коронным, притомъ въ такое время, когда есть вѣрныя свѣдѣнія, что вскорѣ будетъ прибавка губернскимъ чиновникамъ жалованья? Я послушалъ его, и дѣйствительно, въ началѣ слѣдующаго года вмѣсто 600 сталъ получать 1000 руб. жалованья. Другое письмо графъ Викторъ Павловичъ писалъ мнѣ 17 января 1825 года о пріисканіи каменьщиковъ для построенія въ Загрядовкѣ церкви. Я отвѣчалъ ему, что въ Херсонѣ удобнѣе отыскать каменьщиковъ, и гораздо искуснѣйшихъ. Послѣ того управитель его, по его приказанію, два раза писалъ ко мнѣ о доставленіи разныхъ свѣдѣній, и я выполнялъ его требованія.

Тринадцатое. Императоръ Александръ I пріѣхавшему въ Таганрогъ графу Воронцову разсказалъ о всѣхъ неудобствахъ для житья тамъ больной его супруги. Воронцовъ указалъ ему другія удобныя для житья мѣста: на южномъ берегу Крыма, въ Бакчисараѣ и въ Евпаторіи, чѣмъ самымъ склонилъ государя обозрѣть лично эти мѣста. Въ октябрѣ мѣсяцѣ государь пріѣ-

халъ въ Симферополь и остановился въ квартирѣ дивизіоннаго генерала, заранѣе уважаемаго имъ, у котораго и въ 1818 году останавливался. Разсказывали, что при отъѣздѣ государя этотъ генералъ, зная, что государь по обыкновенію раздавалъ подарки тѣмъ хозяйкамъ, гдѣ была его квартира, подвелъ къ нему трехъ дѣвицъ, какъ бы своихъ дочерей. Государь, имѣя счастливую память, сказалъ ему:

— Помнится мнѣ, что у васъ была одна дочь?

— Это двѣ воспитанницы мои, отвѣчалъ сконфуженный генералъ.

Губернскимъ чиновникамъ приказано было явиться на другой день всѣмъ въ 8-мъ часу утра къ обѣднѣ, которую будетъ слушать государь. Онъ остановился на лѣвой сторонѣ, стоялъ какъ вкопаный, не поворачиваясь ни въ одну сторону и не говоря съ окружающими, только иногда крестился. Послѣ обѣдни государь тотчасъ поѣхалъ: тогда по южному берегу нельзя было ѣхать въ экипажѣ, а верхомъ; день былъ теплый, государь иногда скидалъ картузъ. Разсказывали, что Дабичъ ему говорилъ: «государь! надѣньте картузъ». Онъ отвѣчалъ: «и такъ жарко. Это настоящая весна». Вѣроятно, лобъ его былъ въ поту, и онъ получилъ простудную крымскую лихорадку, весьма опасную. О полуднѣ государь прибылъ въ казенный садъ, называемый Никитскій, и потребовалъ чего нибудь закусить; у садовника ничего готоваго не было, и онъ съѣлъ кусокъ ржанаго хлѣба. Къ вечеру государь пріѣхалъ въ Урзуфъ, имѣніе графа Воронцова (первоначально принадлежало дюку-де-Ришелье, который при жизни своей подарилъ адъютанту Сенковскому); тамъ начертилъ онъ карандашемъ расположеніе дома, для построенія въ Аріаднѣ, купленномъ имъ помѣстьѣ близь Урзуфа, и далъ графскому архитектору для начертанія фасада (этотъ домъ по тому расположенію послѣ построенъ императоромъ Николаемъ). Тогда разсказывали, что государь сказалъ Воронцову: «графъ! со временемъ вы выйдете въ отставку, и я также оставлю свой престолъ, и тогда мы будемъ запросто одинъ другаго посѣщать». По пріѣздѣ въ Севастополь курьеръ привезъ ему первое извѣстіе о возмущеніи квартировавшаго въ Малороссіи полка подъ коман-

дою Муравьева-Апостола. Опечаленный государь сказалъ: «неблагодарный русскій народъ! онъ вотъ чѣмъ платитъ за всѣ мои для него труды». Здѣсь случилась другая ему непріятность: дочери (а ихъ было десять, по большей части малолѣтнія) карантиннаго лѣкаря надворнаго совѣтника Эка, лѣчившаго полковника Мишо, котораго жена доказывала, что онъ отравилъ ея мужа, будучи подкупленъ маіоромъ Новиковымъ (объ этомъ дѣлѣ было описано подъ *вторымъ*), подали ему просьбу, что отецъ ихъ невинно содержится подъ карауломъ, и они остаются вовсе безъ пропитанія. Государь поручилъ Дибичу уговорить мадамъ Мишо, чтобъ она оставила это дѣло, что онъ дастъ ей пенсіонъ и всѣ удобства для жизни, хочетъ ли она остаться въ Россіи, или выѣхать въ Италію. Но она, какъ мстительная итальянка, не уважила милостиваго предложенія государя, что должно было быть ему прискорбно. Переночевавъ, онъ поѣхалъ въ Бакчисарай. Здѣсь татарскіе мурзы подали ему прошеніе о дозволеніи имъ на свой счетъ составить татарскій эскадронъ съ обмундированіемъ, аммуниціею и лошадьми. Государь милостиво принялъ ихъ къ просьбу, а они приготовили ему въ ханскомъ дворцѣ великолѣпный обѣдъ. Извѣстно, что татарскія кушанья весьма жирныя и тяжелыя для варенія желудка. Если государь и весьма мало кушалъ, то все же этотъ обѣдъ могъ усилить приступы лихорадки. Къ вечеру онъ пріѣхалъ въ Евпаторію, остановился въ лучшемъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ купца Калыги, стоящемъ близь морскаго берега, гдѣ пристаютъ судна. Ночь была мѣсячная, луна чудно разливала игривый свой свѣтъ по морскимъ волнамъ. Государь, сидя на балконѣ, въ благоговѣйномъ удивленіи о величіи природы пѣлъ гимны, вѣроятно: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, и другіе подобные. Выѣхавъ изъ Евпаторіи, онъ почувствовалъ уже дѣйствіе лихорадки; но, нигдѣ не останавливаясь на пути, спѣшилъ въ Таганрогъ, куда и прибылъ 3 ноября. Разсказывали, что государь не хотѣлъ принимать лѣкарства. Никто не могъ уговорить его, ни Волконскій, ни Дибичъ, ни государыня, но только духовникъ, исповѣдывая его. Но лѣкарство было принято уже поздно и не могло произвесть свое дѣйствіе.

Такъ Россія лишилась своего благодѣтельнаго государя! По вскрытіи черепа, нашли много воды.

Четырнадцатое. Ассесоръ Луговскій настаивалъ, чтобы перемѣнить расходчика губернскаго правленія, который былъ медлителенъ, и поручить эту должность вновь опредѣленному его племяннику. Мнѣ поручено было повѣрить книгу прежняго расходчика; я занялся съ ними этою повѣркою дома. У меня была маленькая собачка, которая безпрестанно кидалась подъ ноги новому расходчику. Я удивлялся, что она не кидается къ прежнему расходчику. Чрезъ два года оказалось, что это былъ мой тайный злодѣй. Однажды я, принявъ отъ совѣтника Никифорова вырученныя имъ отъ продажи одного имѣнія деньги 250 рублей, передалъ ихъ этому расходчику и велѣлъ росписаться въ полученіи ихъ на особомъ мѣстѣ, на которомъ записывались всѣ получаемыя деньги. Разсудивъ потомъ сдѣлать тетрадь и внесть въ нее всю наличную сумму, я разорвалъ тотъ листъ при этомъ же расходчикѣ. Деньги не отсылались, кому слѣдуетъ, болѣе двухъ лѣтъ; а потомъ этотъ мошенникъ сказалъ, что онъ отъ меня ихъ не получалъ. Ассесоръ Луговскій присланъ былъ въ Евпаторію для истребованія отъ меня этихъ денегъ, съ угрозою отъ губернатора, что въ случаѣ не платежа мною онъ велитъ произвесть слѣдствіе. Чтобъ избавиться отъ непріятности, я далъ эту сумму ассесору Луговскому. Но, будучи уже въ Тулѣ, я получилъ свѣдѣніе, что этотъ расходчикъ промоталъ тамъ казенныхъ денегъ тысячу рублей, и члены присутствія должны были ихъ пополнить.

Пятнадцатое. Сверхъ вышеразсказанныхъ непріятныхъ для меня слѣдствій, губернаторъ Нарышкинъ еще возложилъ на меня произвесть слѣдствіе по жалобѣ караимовъ на городничаго Эссена. Вотъ въ чемъ она состояла. Въ пятницу, въ вечеру, пріѣхалъ нарочный съ указомъ о приведеніи къ присягѣ на вѣрность подданства императору Николаю I-му. Городничій требовалъ, чтобъ караимы тотчасъ присягнули, а они отказывались наступленіемъ уже шабаса, заявляя, что по прошествіи его они немедленно присягнутъ. Можетъ статься, что Эссенъ и выполнилъ

бы ихъ желаніе, еслибъ они поднесли ему денежный подарокъ; но они, не любя его, поскупились дать ему. Эссенъ задержалъ въ полиціи раввина и нѣкоторыхъ изъ ихъ старшинъ, когда уже всѣ прочіе собрались въ синагогу для молитвы. Караимы были правы, но губернаторъ держалъ сторону Эссена. Разсказывали, что Нарышкинъ просилъ у Симы Бобовича въ займы десять тысячъ рублей, и тотъ отказалъ, подъ предлогомъ, что нѣтъ у него наличныхъ, а жена городничаго Эссена дала ему пять тысячъ изъ своего приданнаго. Встрѣчая препятствія отъ губернатора и терпя отъ него разныя непріятности, я не могъ кончить этого кляузнаго дѣла, а городничій Эссенъ, пользуясь пріѣздомъ губернатора въ Евпаторію, собралъ татаръ, грековъ и армянъ, живущихъ въ городѣ, и послалъ ихъ съ жалобою, что караимы овладѣли всею торговлею города, забывая, что караимы, какъ были богаче прочихъ націй, то болѣе имѣли и способовъ лучше торговать. Сима Бобовичъ и другіе изъ нихъ богатые вели и заграничную торговлю.

Шестнадцатое. Прежде пріѣзда государя въ томъ же 1825 году я былъ боленъ также лихорадкою. Ѣздивши по татарскимъ селеніямъ для повѣрки ревизіи, нельзя было перебирать пищею, но ѣсть только ту, которую можно было у нихъ сыскать. Лихорадка нѣсколько разъ начиналась и покидала: бывало время, когда по видимому она совсѣмъ уже броситъ; но выпью кофе съ молокомъ или съѣмъ яицъ, или небольшой морской жареной рыбки, и она вновь начиналась. Въ общей сложности она продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ и совершенно разстроила мое здоровье.

Семнадцатое. Въ такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ обратился я съ прошеніемъ къ графу Воронцову 22 апрѣля 1826 года и, описавши въ немъ давнишнюю свою болѣзнь и четырехъ-мѣсячное страданіе лихорадкой, просилъ его войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о перемѣщеніи меня въ должность совѣтника губернскаго правленія, гдѣ откроется вакансія въ поименованныхъ мною губерніяхъ. Просьба моя была принята при содѣйствіи Андреева, помощника правителя канцеляріи

графа Воронцова, бывшаго секретаря Комбурлея и вмѣстѣ съ нимъ попавшаго подъ судъ, а его просилъ за меня мой землякъ, товарищъ герольдмейстера В. Н. Романовъ, помогшій ему выпутаться изъ дѣла Комбурлея. И такъ, указомъ сената по герольдіи 1826 года іюля 15-го я перемѣщенъ въ тульское губернское правленіе совѣтникомъ.

Восемнадцатое. И въ Крыму я имѣлъ также хорошихъ для себя пріятелей. Первый былъ совѣтникъ казенной палаты Илья Осиповичъ Барышовъ, съ которымъ я почти каждый день видѣлся или у него въ домѣ, или у себя на квартирѣ. Онъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ со мною переписку и по переводѣ меня въ Тулу, извѣщая меня каждый разъ о происшествіяхъ въ Крыму. Второй пріятель совѣтникъ казенной палаты Николай Васильевичъ Сушковъ, извѣстный по сочиненіямъ въ стихахъ и прозѣ; у него въ Крыму жилъ Грибоѣдовъ, сочинитель извѣстной въ стихахъ комедіи «Горе отъ ума». Они съ общаго совѣта изобрѣтали для нея дѣйствующія лица. Отъ него я заимствовался французскими книгами, а послѣ часто бывалъ у него на квартирѣ въ Петербургѣ. Въ 1832 году онъ приглашалъ меня служить въ виленскомъ губернскомъ правленіи, гдѣ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ князѣ Долгоруковѣ. Но тогда тамъ происходили возмущенія, и я побоялся, что меня будутъ посылать на слѣдствія надъ поляками, и я, дѣйствуя снисходительно, невинно могу самъ пострадать. Третій пріятель былъ грекъ Ангелій, который по пріѣздѣ въ Крымъ принялъ меня къ себѣ на квартиру, а потомъ по продажѣ дома сыскалъ мнѣ удобную квартиру. Во время отлучекъ моихъ онъ присматривалъ за наемною работницею, давалъ ей деньги на харчи, а по отъѣздѣ изъ Крыма иногда писалъ мнѣ.

Девятнадцатое. Я не могъ выполнить даннаго мною графу Ланжерону обѣщанія жениться въ Крыму. Были тамъ разныя невѣсты: старшій совѣтникъ Никифоровъ имѣлъ двухъ дочерей отъ умершей жены польки; но, не видя моего къ нимъ особаго расположенія, онъ по благоразумію своему не предлагалъ мнѣ ихъ. У предсѣдателя гражданской палаты Мейера также были двѣ не-

вѣсты, старшая уже въ лѣтахъ. Жена пріятеля моего, знакомая мнѣ еще въ Херсонѣ, предлагала мнѣ ее. Въ домѣ его меня первоначально и ласкали; но увидѣвши, что у средняго брата ея Семена отъ проказы волосы на всей головѣ совершенно вылѣзли, я побоялся имѣть жену еврейскаго племени, которая могла быть той же болѣзни подвержена. Удаленіе мое отъ этого дома произвело въ ея братьяхъ недоброхотство ко мнѣ. Хитрый плутъ ассесоръ Луговскій самъ набивался мнѣ своею дочерью, сказавши однажды: «возьми мою Любку за себя; она тебя любитъ». На это откровенное предложеніе я отвѣчалъ смѣхомъ. Исправникъ Поповченко ласкался ко мнѣ; дошла до ушей моихъ вѣсть, что жена его передъ смертію сказала своей дочери: «вотъ твой женихъ; какъ умру, ни за кого другого не выходи». По моему рисунку сдѣланъ надъ ея могилой каменный надгробокъ, тогда еще первый въ Симферополѣ. Отъ матери остался порядочный домъ и дача. Эта невѣста мнѣ нравилась болѣе потому, что она была единственная дочь. Но во время откупнаго дѣла жена вице-губернатора Куруты стала приглашать ее къ себѣ въ домъ, чего прежде не бывало, и уговорила ее выйти замужъ за француза, контролера казенной палаты. Разсуждая теперь спокойно и безпристрастно, я вижу и въ неудачахъ моей женитьбы благодѣтельный для меня промыслъ Божій, располагающій событія въ жизни людей на пользу имъ. Женясь въ Крыму, я долженъ былъ бы всегда переносить всѣ непріятности и униженія отъ несправедливыхъ и корыстолюбивыхъ начальниковъ; а можетъ статься принужденъ былъ бы выйти въ отставку и тамъ погребсти себя въ неизвѣстности, не видѣвъ въ женѣ привязанности, имѣя уже за сорокъ лѣтъ.

На этомъ мы прерываемъ печатаніе Записокъ В. И. Ярославскаго, въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ теряющихъ и тотъ не большой мѣстный интересъ, какой они сохраняли доселѣ. Листахъ на 6-ти еще самаго мелкаго письма, съ приписками на поляхъ, авторъ съ утомительною подробностію разсказываетъ о дальнѣй-

шихъ годахъ своей службы сперва въ Тулѣ въ должности совѣтника губернскаго правленія, а потомъ въ Калугѣ въ должности контролера казенной палаты. Служебныя дѣла и столкновенія, интриги и подвохи, казнокрадство и взяточничество чиновнаго люда, не исключая вице-губернаторовъ и губернаторовъ—таково главное содержаніе разсказа, въ которомъ личность автора по прежнему является средоточнымъ пунктомъ. Среди этихъ мелочей провинціальной жизни проскальзываютъ по временамъ болѣе крупные и болѣе общаго характера факты: холерная паника, грозная ревизія сенатора Огарева, пріѣздъ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго, встрѣчающаго чиновъ губернскаго правленія словами: «всѣ вы взяточники, пьяницы, мерзавцы, лѣнивцы»! докладъ графа Беккендорфа императору Николаю въ пріѣздъ его въ Калугу о грандіозномъ взяточничествѣ вице-губернатора Гессе, вопросъ государя губернатору Бибикову: «твой вице-губернаторъ воръ»? и отвѣтъ губернатора: «такъ, ваше императорское величество, воръ»! и наконецъ позорное хожденіе дворянства на торги по откупамъ, азартная на нихъ игра съ повышеніями и отступными и подзадориваніе къ этой игрѣ министромъ финансовъ Канкринымъ. Большимъ траги-комизмомъ отдаетъ длинная повѣсть автора о скитаніяхъ его по петербургскимъ переднимъ, послѣ того, какъ онъ случайно лишился мѣста подъ часъ грознаго нашествія Закревскаго, и выслушиваніе стереотипныхъ отвѣтовъ и обѣщаній петербургскихъ чиновниковъ, пока наконецъ Ярославскій не добился кое-какъ мѣста въ Калугѣ съ помощію Княжевича, тогда директора канцеляріи, а впослѣдствіи министра финансовъ. Ему же онъ обязанъ и «честнымъ» выходомъ своимъ въ отставку въ 1834 г. съ пенсіономъ въ размѣрѣ $^2/_3$ жалованья. Переѣхавъ по настоятельному совѣту своей племянницы въ г. Сумы, онъ жилъ тамъ до самой смерти, занимаясь на досугѣ составленіемъ своихъ не хитрыхъ записокъ. Заканчивая эти записки, онъ восклицаетъ: «Благодарю несказанную милость Творца моего ко мнѣ недостойному! Уже слишкомъ 30 лѣтъ живу я здѣсь въ спокойствіи и благополучіи, среди добрыхъ людей, которые любятъ меня болѣе моихъ родныхъ». А подводя итоги своей жизни, даетъ самъ себѣ такую характеристику: «Вспоминая своихъ сочениковъ и разныхъ знакомыхъ, ясно вижу, что я счастливѣе ихъ кончилъ свою службу, не бывъ ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ, ни исклю-

ченъ изъ службы, а для безбѣднаго и спокойнаго прожитія получаю отъ милости монарха пенсію. Иные изъ нихъ превосходили меня душевными талантами, крѣпостію и способностію своихъ силъ: но я, не имѣя ни быстраго воображенія, ни изобрѣтательнаго ума, при всей великой ограниченности этихъ талантовъ, имѣлъ правильное о вещахъ и дѣлахъ понятіе и здравое о нихъ сужденіе. Любя справедливость и правосудіе, я старался по возможности располагать по нимъ и свои дѣйствія».